

Александр Бровер.

Дневник фронтовика.

(Записи сделаны сразу же после Великой Отечественной войны. Во время боевых действий вести дневники было запрещено.)

Краткое предисловие.

Знаю, что дела наши фронтовые и воспоминания отживающих свой век ветеранов не волнуют нынешнее поколение. 21-ый век принёс людям новые вызовы и немало забот. И всё же, отдельные историки и просто любители развенчивать всё то, к чему сами не причастны, нередко позволяют себе говорить об Отечественной войне 1941-45-го годов непочтительно.

Огорчают выводы отдельных "аналитиков", утверждающих, будто только числом жертв мы добывали Победу. Но это неправда. К середине 1943-го года у нас была уже первоклассная армия и отличная техника. Представляю, сколько ещё появится выдумок, когда уйдут в вечность последние участники войны! Именно поэтому я и решил опубликовать свой дневник в сети интернет.

Может быть, в дополнение к тому, что написано о войне Константином Симоновым, Григорием Баклановым, Юрием Бондаревым и другими авторами кое-кто пожелает ознакомиться с правдивым рассказом о той войне, в которой я участвовал?

Германская армия была одной из сильнейших в истории войн. Шапками такую армию не закидаешь, то есть телами наших солдат мы бы никогда не добыли Победу.

А. Бровер.

24 июля 1941-го года. Одесса.

20-го июля я, наконец, был призван в ряды Красной армии. Почему - наконец? Потому что на самом деле я, как и многие мои друзья-студенты, пришёл в армию добровольно. Ежедневно, начиная с 23-го (или 24-го июня?!) мы, группа студентов 1-го курса Водного института, приходили на сборный пункт Ленинского райвоенкомата и надоедали начальству, требуя отправки в какую-нибудь воинскую часть. Начальникам было не до нас, и они отвечали неизменно:

- Подождите, придёт и ваша очередь!

Мы приходили на сборный пункт в полной готовности к отправке в часть: за спиной - вещмешки, в них - смена белья, кружка, ложка, бритвенные принадлежности и дневной запас еды. Ежедневно со сборного пункта отправлялись всё новые и новые команды, а о нас - словно забыли. Мы часами просиживали у высоких тополей на берегу Одесского залива и ждали приглашения на беседу и отправки в часть.

Обстановка на фронте была очень тревожной, мы ничего определённого не знали. Только лишь слухи и фантастические предположения. И всё же, оптимизма у нас было достаточно. Сначала надеялись, что немцев остановят на старой границе (той, которая значилась до 17-го сентября 1939-го года), затем возлагали большие надежды на подход основных соединений, на завершение мобилизации и просто на чудо! Но в основном рассчитывали на самих себя, на молодёжь.

Следует заметить, что мы не были "салагами", в обидном смысле слова: мы умели стрелять, знали положения Строевого Устава, имели некоторые навыки рукопашного боя; были решительны и достаточно выносливы.

Итак, 20-го июля 1941-го года меня определили курсантом в Одесское Пехотное Училище (ОПУ). Спешка в военкомате была невообразимой. Одесские студенты с фамилиями, которые начинались от "А" и до "К", были направлены в ОПУ, а все остальные - в Артиллерийское. Понятно - я, Бровер, оказался в пехотном училище.

24-го июля были присланы машины и нас привезли во двор училища на 4-ой станции Фонтанской дороги. Темно, уныло и непривычная обстановка. Настроение немного подавленное.

25-ое июля 1941-го года.

Ночь провели во дворе училища. Спали на земле, укрывшись старыми армейскими одеялами. Прохладно. Утром хорошо позавтракали в столовой Училища. После завтрака помылись в бане и переоделись в форму курсантов ОПУ. Фуражка мне досталась чуть великоватая, но я не унываю: сойдёт на первых порах. Встретил друзей. Такое впечатление, что вся студенческая молодёжь оказалась в двух одесских училищах. Меня зачислили в 1-ый взвод 12-ой роты.

26 - 31-ое июля 1941-го года.

Ежедневные упорные занятия и тренировки прерывались частыми воздушными тревогами. С непривычки трудно всем, но стараемся и не ропщем.

1, 2, 3 августа 1941-го.

Продолжаем занятия. Немцы бомбят город непрерывно. Виден дым пожаров. К нам доходят разные слухи, один страшнее другого. В основном на город падают зажигательные бомбы. Издали мы видим "огненные кусты" вдоль дороги, окаймлённой посадкой серых тополей. Мрачная картина!

4-ое августа 1941-го года.

Меня назначили в наряд. Предстояло вдвоём с молодым лейтенантом патрулировать железнодорожную ветку, которая огибала училище и уходила куда-то на восток. Так как новые курсанты ещё не знали службы и не приняли присягу, к каждому из нас приставили только вчера выпущенного лейтенанта. По словам старшего наряда железнодорожная ветка была заброшена, и никто ею не пользовался.

Ночь была тёплая. Мы сидели между рельсами и долго говорили о ходе войны. Поближе к полуночи лейтенант, накинув на себя командирскую шинель, задремал на деревянных шпалах. Мой начальник был так же невысок и худощав, как и я. А я не был беспечен в отличие от самоуверенного лейтенанта. Старался не спать: всё же патруль! Сидел на невысокой насыпи, зажав винтовку меж колен и прижавшись спиной к стальному рельсу. Справа к поясному ремню была пристёгнута в брезентовом чехле малая сапёрная лопатка. Винтовка системы СВТ (самозарядная винтовка Токарева) мне была торжественно вручена перед строем, как и всем другим курсантам роты. Нас предупредили о высокой ответственности за утерю и порчу оружия, угрожая военным трибуналом по законам войны. Лейтенант мирно похрапывал. Мне не с кем было говорить. Высокое августовское небо, усыпанное звёздами, меня

притягивало и настраивало на философские размышления. Величественной, вечной и незыблемой высилась надо мной вселенная!

Однако дела наши на земле вернули к реальности. Неудачное и непонятное отступление легендарной Красной армии огорчало. Время близилось к 2-ум часам ночи. Незаметно я задремал. И вдруг почувствовал вибрацию рельса, к которому привалился спиной, услышал стук колёс и пыхтение паровоза. Чёрная махина приближалась ко мне, и гибель моя под безжалостными огромными колёсами (я видел их снизу!) казалась неизбежной.

Какой огромный инстинкт самосохранения заложен в нас природой! Мелькнула с молниеносной быстротой мысль (нет - не мысль, а спасительный импульс!) совершить кувырок через голову, подняв ноги на себя. Всё, что произошло со мной, я понял позже по результатам падения с песчаной железнодорожной насыпи. Вероятно, на какое-то время я потерял сознание или ещё не успел очнуться от тяжёлой дремоты. Когда ощутил, что жив, сразу же вспомнил о винтовке, забыв обо всём на свете. Обшарил склон насыпи и нашёл СВТ, торчащий прикладом вверх. Ствол наполовину застрял в песке. С какой силой винтовка вонзилась в песок, и как такое могло случиться?!

Я вытащил СВТ. Ощупал себя самого: всё цело, только черенок лопатки (деревянная ручка) отрезан начисто. Значит, я успел поднять ноги на себя, а остальное довершил паровоз. Черенок малой сапёрной лопатки остался на рельсе и был размолот тяжёлым колесом, а меня выбросило под откос с сатанинской силой.

. Настроение ужасное. Больше всего переживаю из-за винтовки, боюсь, не повреждена ли? Вдруг раздался голос лейтенанта:

- Товарищ курсант, Вы живы?!

Я отозвался, подошёл к нему. Когда он похрапывал на шпалах, локомотив прошёл над ним, глубоко поцарапав ему голову и помяв лейтенантские "кубари" на одной из петлиц шинели, оказавшейся на рельсе. Рана на затылке кровоточила, но лейтенант был счастлив и не унывал. Мог заплатить своей и моей жизнью за беспечность.

До утра просидели под насыпью. Когда стало светло, я раскатал свою шинель, и мы вдвоём занялись моей винтовкой. И лейтенант подстелил свою шинель. Разобрали СВТ, почистили, освободили от песка. Внешне всё выглядело вполне исправно, но шомпол не прошёл по стволу, который, несомненно, был слегка погнут. Винтовка больше не пригодна для стрельбы. Я не представлял себе, как об этом доложить командиру взвода, лейтенанту Петрову, который ко мне хорошо относился; однако, испорчено оружие! Во мне было повышенное чувство ответственности. Мрачные мысли не давали покоя. Боялся военного трибунала и забыл о том, что сам чуть не погиб. Лейтенант меня утешал, подшучивал надо мной. Конечно, вспомнил избитый армейский анекдот о стрельбе из-за угла кривым ружьём. А мне было не до смеха.

В полдень явился посыльный из штаба училища и объявил лейтенанту, что ему следует туда прибыть для срочной отправки на фронт. Я остался один на своём посту. Обо мне словно забыли. Только через 28 часов после начала патрулирования пришла смена.

Когда я рассказал товарищам о печальном происшествии, они в моём чудесном спасении увидели знак судьбы и заверили, что мне суждено пройти войну и остаться живым. Что же касается винтовки, то посоветовали об этом не докладывать, подождать пока и довериться случаю. Когда командир взвода увидел мою лопатку с отрезанным черенком, он долго смеялся. Я вынужден

был ему рассказать, как выбрался из-под колёс локомотива, а о погнутом стволе СВТ умолчал.

5-тое августа 1941-го года.

После обеда прекратили занятия и построились по тревоге на плацу. Курсантов выводят из Одессы. После ужина - новое построение. Командир батальона, в восприятии 18-тилетних курсантов пожилой майор, строго нас предупреждал о том, что отставание на марше недопустимо, равносильно дезертирству и будет строго караться - вплоть до суда военного трибунала и по законам военного времени.

Самочувствие ужасное. Еле стою на ногах под тяжестью снаряжения: полная выкладка, 32 килограмма при моём-то весе в 50! Кому нужен такой непосильный груз? Не представляю себе, как доберусь до Николаева - 120 километров пешком при такой поклаже!

6-ое августа 1941-го года

Мы совершали марш в течение всей ночи. К утру я свалился в канаву и поднялся с трудом. И всё же я не отстаю от строя и не выбиваюсь из батальонной колонны. Сильно болят ноги. Мучает жажда, а стеклянная фляга у меня пуста: она треснута, вода вся вытекла. Я почему-то не заметил этого в Одессе.

Из города мы выходили в скорбном молчании. Прошли Пушкинскую, затем - мимо оперного театра, а далее - по Приморской улице достигли пересыпского моста. Шли долго по улице Московской и вышли из города по Николаевской дороге.

В 12 часов дня сделали большой привал. Ноги у меня в волдырях. В санчасти мне оказали помощь - и не только мне одному. Прошли мы всё-таки 40 километров с полной выкладкой!

Но прежде, чем позволили отдохнуть, нам приказали отрыть щели для укрытия от воздушного нападения. Мы остановились в расположении хозяйственных построек батареи береговой обороны. Сама батарея - поближе к морю. Мы её не видели, и, откровенно говоря, батарея нас не интересовала: мы слишком устали и надо было хотя бы поспать несколько часов после измотавшей нас бессонной ночи.

Вечером после ужина - тревога и новое построение. Некоторых особенно "пострадавших" на марше посадили в кузов грузовой машины. Меня не взяли, зато разрешили двигаться во главе взвода, рядом с лейтенантом Петровым. Красивый и добрый взводный меня жалел, сочувствовал, но послушаться строгого и жёсткого майора не посмел. А майор меня и ещё троих захромавших курсантов снял с машины.

7-ое августа 1941-го года.

Удивляюсь, как ещё хожу! Всё больше и больше курсантов нашего батальона отстают от основной колонны, а я - ни на шаг, хотя идти мне очень тяжело. Мучает изжога от ржаного чёрного хлеба, который не ел до армии. Каждый раз кажется, что силы мои иссякают, а идти надо!

Временами наступает безразличие, апатия, а отдельные курсанты вслух мечтают о налёте немецких самолётов, обстреле, бомбёжке: вот тогда бы нас остановили, приказали бы залечь метрах в 50-ти от дороги, можно было бы и передохнуть! Дикая мысли и неестественные желания, но всё это - результат

нечеловеческого напряжении и усталости. Самые ненавистные команды - это "встать!", "приготовиться к движению!". Несмотря на угрозы командира батальона, оставших подбирают машины и повозки. Немного нас разгружают, главное - сняли противогазные сумки, перестало ныть плечо от давящей "шлеи". Забрали у нас и винтовки и передали в маршевую роту. Изнуряющий марш продолжается!

10-ое августа 1941-го года.

Утром подошли к Варваровской переправе через реку Южный Буг. Вся дорога забита тылами Приморской армии, кажется, что пробиться к понтонам нам не удастся и через сутки, однако Училище пропустили вне очереди. Счастье, что не налетела германская авиация!

Наконец вошли в город Николаев! Шли по аллее сквера. Самый трудный переход - позади. Пошатываемся от усталости, хватаемся руками за стволы и крепкие ветки деревьев. Остановились. Потом весь день отдыхали в городе.

11-ое августа 1941-го года.

Отдыхали в двух километрах западнее города, купались в реке Южный Буг. Немного пришли в себя и окрепли. Пеший марш из Одессы в Николаев и в самом деле был изматывающий и получили мы, молодые курсанты, серьёзную закалку.

12-ое августа 1941-го года.

Выступили в направлении Херсона. Снова трудный марш. Недалеко от города слышно громохание тяжёлой артиллерии и разрывы бомб. Непрерывно разворачиваемся и снова строимся в колонну. Сведений о противнике - никаких, а бои идут недалеко.

14-ое августа 1941-го года.

Вчера пришли в город Херсон, а уже сегодня днём погрузились на речной пароход "Феликс Дзержинский". Нашу роту разместили в трюме. Тесно, душно, но мы согласны переносить такие трудности. Лишь бы не продолжать пеший марш. И всё же несколько ребят недовольны. Они предпочли бы продолжить пеший переход, дабы избавиться от душливой жары в железном коробе трюма. Но мы надеемся, что в пути будет прохладнее, чем теперь у причала.

Минут через 30 после погрузки невдалеке разорвалась бомба огромной мощности. В глухом трюме мы и не услышали гул мотора приближавшегося немецкого бомбардировщика.

Пароход сильно качнуло и в трюме мне показалось, что борт чем-то надломило. Это продолжалось всего полминуты, затем мы все кинулись на палубу - и не только из любопытства! Говорили, будто кто-то не удержался на палубе и упал в воду. Вытащили из реки то ли одного, то ли двоих пострадавших. Бомба, по словам "свидетелей", разорвалась на пристани, на которой собралось много беженцев. Немало людей пострадало (из тех же "источников"?). Слухам верить нельзя: мы в этом убеждаемся с каждым днём всё больше и больше.

16-ое августа 1941-го года.

Прибыли пароходом "Феликс Дзержинский" в Днепропетровск. Выгрузились по тревоге быстро и, перейдя по длинному мосту Днепр, совершили суточный

переход и остановились в лесу под городком Новомосковск. Разбили лагерь, несколько дней отдыхали, и проводили на полянах тактические занятия. В лесу формировались новые воинские пехотные части. Училище выпустило очередную партию молодых лейтенантов для комплектования общевойсковых соединений.

22-ое августа 1941-го года.

Погрузились в эшелон на станции Новомосковск. Настроение приподнятое, огорчает только то, что немецкие войска подходят к Днепропетровску. Эшелон отправлен лишь 23-го августа. Проехали несколько десятков километров и остановились: повреждена железная дорога, хотя никто не произносит слов: разбомбили пути.

24-го августа достигли узловой станции Синельниково. Попали под бомбёжку. Доволен собой: не очень испугался. Впрочем, мы ещё в Одессе не раз оказывались под вражескими зажигательными и фугасными бомбами различной мощности. До 30-го августа мы находились в пути, перемещались всё дальше и дальше от зоны военных действий. А настроение всё же подавленное. Что ожидает нас впереди...

30-ое августа 1941-го года.

Прибыли в горд Уральск Северного Казахстана. Остановились в 12-ти километрах от города, в так называемом летнем лагере. В палатках непривычно холодно.

Сентябрь 1941-го года.

Бесперывные усиленные занятия. Я написал письмо в Москву, запрашивал о судьбе родителей и младшего брата. Очень переживаю. Воспалённое воображение рисует страшные картины. Неужели остались на оккупированной немцами территории?!

Октябрь 1941-го года.

20-го октября перешли в зимние казармы. Теперь я в 11-ой роте, в 4ом взводе. Комвзвода - тот же лейтенант Петров, который проводит с нами ежедневные (без выходных!) занятия по огневой и тактической подготовке. Занимаемся в основном на учебном поле вне стен Училища. Конечно, не обходится без строевой подготовки и специальных дисциплин: химзащита, связь, конная подготовка, политзанятия и прочее. Мы очень плохо обмундированы. Эшелоны со снаряжением пропали где-то на Украине. Кормят нас хорошо, по 9-ой курсантской норме. В столовой - столы, а скамеек нет. Пищу принимаем стоя. Шинели нам выдали 3-ей категории ещё в Одессе, только лишь для соблюдения формы и скатывания для надевания через плечо.

2-ое ноября 1941-ого года.

Сегодня приняли присягу на верность Родине. Обстановка торжественная. Чувствуем повышенную ответственность. С сегодняшнего дня - мы полноценные военнослужащие!

7-ое ноября 1941-го года.

Слушали речь Сталина. Все курсанты училища написали рапорты с просьбой отправить нас на защиту Москвы. Нам отказали, хотя ещё в октябре месяце

училище отправило команду для защиты столицы. Значит, начальство считает, что мы в будущем принесём больше пользы как командиры.

Праздник провели невесело. Курсанты лишь вспоминают довоенное время, которое теперь нам кажется счастливым и беспечным. Правда, в честь праздника нас повели в кино. В городе - ещё несколько училищ: Ленинградское Пехотное и какое-то училище связи. Кроме того - ещё какая-то школа авиамотористов. Встретил там своего земляка. Все, кажется, теперь находятся в вооружённых силах страны.

1942-ой год.

Январь.

Я опять написал в Москву. Ответа нет. Очевидно, число курсантов заметно сократилось: наша рота теперь уже 9-ая. Я в том же взводе лейтенанта Петрова. Занятия идут непрерывно. Очень холодно. Морозы – больше 30-ти градусов с ветром. А мы ещё пока без зимнего обмундирования. Правда, вместо пилоток нам выдали будёновки и пошили рукавицы из шинельного сукна. И всё же ужасно мёрзнем: одесситы!

На стрельбище, до которого от города более 5-ти километров, ходим почти ежедневно, маршируем строем с винтовками «на плечо». Сначала даже не было шинельных рукавиц. Как-то натягивали рукав шинели, чтобы не обжигал изморозью металлический затыльник приклада. У многих – обморожение скул и носа. Следим друг за другом. Как-то и у меня побелело лицо. Лейтенант Петров приказал мне добраться к стрельбищу бегом. На медпункте мне оказали помощь, и всё закончилось для меня благополучно.

Февраль 1942-го года.

Началась специализация. Наш 4-ый взвод стал миномётным. Изучаем материальную часть, подготовку данных для стрельбы, а стрельбы проводим редко. Зато нас часто поднимают по тревоге, совершаем форсированный марш и еле добираемся к себе в казарму после утомительных бросков. Одним словом – пехота!

8-ое марта 1942-го года.

Завершили ускоренный курс обучения. Мы с сегодняшнего дня приказом Южно-Уральского военного округа удостоились звания лейтенант. Нас горячо поздравили: всё же – первый выпуск командиров из числа призванных студентов Одесских институтов. Правда, были среди нас не только студенты, но немного таких курсантов попало в 3-ий батальон.

9-ое марта 1942-го года.

Вместе с большой группой выпускников ОПУ я получил направление в 196-ую стрелковую дивизию. Едем поездом в город Соль-Елецк. Всё нам ново, непривычно. 19-ти летние лейтенанты! Гордость распирает.

В пассажирском вагоне – много фронтовиков, которые после излечения в госпитале едут на побывку в родные места. Раненные в бою они не скрывают своего превосходства над нами, необстрелянными и чистенькими «лейтенантиками». Пытаются нас напугать, говорят, что если не убьют, то непременно через два-три дня выведут из строя по ранению. Однако с восторгом отзываются о наших «Катюшах».

10-е марта 1942-го года.

Меня направили в 863-ий полк командиром миномётного взвода. Знакомился с новыми лейтенантами командир полка, подполковник. Направили в миномётный батальон и дали в командование взвод 50-ти миллиметровых миномётов. Вся дивизия в стадии формирования. Материальной части пока ещё нет. Занятия проводим на макетах. Расположились в небольшом населённом пункте на границе Чкаловской области и Северного Казахстана. Не знаю, с чего начать. Теоретически я подготовлен хорошо, а практики нет никакой. В конце марта получили карабины, винтовки и миномёты. Усиленно занимаемся и тренируемся, доводим навыки до автоматизма. В этих краях очень холодная весна.

20-го апреля 1942-го года.

Подали эшелон, идёт передислокация дивизии на запад, поближе к фронту. Но прибыли на станцию Садовая, южнее Сталинграда и далеко от линии фронта. Дивизия вошла в состав 7-ой резервной армии. Расположились в сосновом лесу, разбили лагерь, занимаемся, тренируемся и готовимся грядущим боям.

10-тое мая 1942-го года.

Мы вышли в степь, копаем окопы. Враг от нас далеко, а мы готовим оборону под Сталинградом. Иногда высоко в небе появляется немецкий самолёт-разведчик. Мы принимаем все меры маскировки: прекращаем всякое движение, прячем шанцевый инструмент. Ночью спим под открытым небом, нередко под дождём. Закалка у нас очень хорошая.

10-е июня 1942-года.

Мы зачислены в 62-ую действующую армию, то есть, 7-ая резервная армия стала 62-ой действующей. К великому сожалению, не Красная армия приближается к Вермахту, а он - к нам! Такова трагическая реальность.

Совершили марш к станции Воропоново, поближе к Сталинграду. Снова роём окопы и создаём оборонительный пояс непосредственно перед городом.

3-тье июля 1942-го года.

Совершили марш к станции Прудбой.

10-е июля 1942-го года.

Подали эшелон, состоящий в основном из пассажирских вагонов. Наконец, двигаемся в сторону фронта. Проехали посёлок Калач, мост через реку Дон. Выгрузились на станции Суровикино, более чем в 60-ти километрах западнее реки Дон. Покинули вагоны по тревоге, опасаясь налёта немецкой авиации. Рассредоточились в километре от путей. Кто-то из наших командиров в поисках знакомых (на всякий случай?) вернулся на станцию. Увидел толпу беженцев. Рассказывают страшные вещи о зверствах немцев, о бомбёжках дорог, забитых повозками и машинами мирного населения, которое спасается от захватчиков; некоторые чудом вырвались из занятых населённых пунктов, пробились к своим, а теперь и мечтают об эвакуации в глубокий тыл необъятной России. Ночью выставили посты и оцепление.

12-ое июля 1942-го года.

Мы совершили невероятно трудный 45-ти километровый переход. Шли под непрерывным дождём. Наши красноармейцы ещё не привыкли к таким условиям похода.

13-ое июля 1942-го года.

Мы заняли оборону, окапываемся. Через наши боевые порядки проходят вооружённые и невооружённые бойцы, которые вышли из немецкого окружения. "Окруженцы" задерживаются органами нашей контрразведки. Красноармейцы проходят проверку и затем их направляют во вновь формируемые части.

22-е июля 1942-го года.

Получили тревожное сообщение: крупные силы немцев подошли к нам и остановились на ночёвку в 10-ти километрах от нашего оборонительного рубежа. Выслали разведку. Через полтора часа разведчики нашего полка возвратились и подтвердили сведения о подходе немецких войск. Разведчики сильно возбуждены и взволнованы: им пришлось отстреливаться. И так, их первое боевое крещение состоялось!

И мы все готовимся к бою, Вблизи наших окопов разорвалось несколько снарядов дальнобойной артиллерии. Ждём утреннего боя и готовимся совершенно спокойно. Неожиданно вызвали всех командиров на батальонный командный пункт. Не придётся нам завтра вступать в бой! Приказали сдать позиции новым "покупателям" - так называют у нас сменщиков.

23-тье июля 1942-го года.

В 5 часов утра построились за линией нашего оборонительного района и начали движение на северо-восток. Темно. Идём, тяжело нагруженные вооружением и боеприпасами. Шли весь день. Только в пять часов дня, через 12 часов пути, сделали привал. Страшно устали.

24-ое июля 1942-го года.

В 4 часа утра снова выступили и лишь в 14 часов позволили нам двухчасовой привал на обед и краткий отдых. Очень много отстающих. Приказано торопиться, так как немцы прорываются к Дону в районе, к переправам у города Калач.

Весь день - на марше. Только на следующий день сделали привал. Нет сил продолжать этот невыносимый поход.

25-ое июля 1942-го года.

Продолжается тяжелейший марш. Не представляю себе, как удаётся выдержать такое испытание! Мне, командиру, который не тащит таких тяжестей, как рядовые, невыносимо трудно; каково же бойцам! Шли всю ночь. Достигли нижнего течения реки Чир.

26-е июля 1942-го года.

В 6 часов утра после переправы через реку колонна остановилась у какого-то населённого пункта. Карт этой местности у нас ещё не было. Наш командир роты остался с большинством красноармейцев на юго-западном берегу реки Чир. Штаты у нас очень часто менялись. Сейчас я команду взводом 50-ти миллиметровых миномётов в стрелковой роте лейтенанта Афанасьева,

выпускника Ленинградского Училища. Из моего взвода со мной только один расчёт.

Недалеко идёт бой. Мы сидим у развилки дорог. Мимо нас движутся танки на запад. А на северо-восток повернула кавалерийская часть с тачанками. Музейные войска! Долго ли эта часть повоюет по правилам 20-ых годов?!

В 8 часов утра прибыл лейтенант Афанасьев с основной частью роты. Всех собрать ещё предстоит. Мой взвод в сборе. Построились в батальонную колонну. Снова пугающий марш? Когда уже вступим в бой? С нетерпением ждём столкновения с противником. Не прошли и пятисот метров по дороге и попали под артиллерийско-миномётный огонь. Снаряды и мины разрываются рядом. Застигнуты врасплох

От неожиданности многие из нас растерялись Одни побежали вперёд, другие - назад. Необходимо навести порядок в управлении. Боевой опыт был лишь у командира батальона и командира взвода младшего лейтенанта Кузнецова. Но поблизости их не оказалось. В несколько секунд и я, и другие молодые командиры вспомнили требования Боевого Устава Пехоты: из-под артогня необходимо выходить броском вперёд. Мы, каждый для своих подчинённых и мечущихся растерянных бойцов, подали команды: "За

мною! Броском вперёд!" И побежали быстро, скоро, с надеждой на спасение. Но куда бежим, неизвестно. Противника впереди не видно. Ружейно-пулемётный огонь никто по нам не ведёт. Откуда же стрельба из миномётов и гаубиц?!

Внезапно обстрел прекратился. Адьютант-старший батальона (начальник штаба) и я, а также несколько моих бойцов с одним миномётом оказались впереди других метров на 100-150. По-видимому, противник отошёл под нашим натиском. А мы себя чувствуем неуверенно, не видим немцев. Остановились, подтянули роты. Тревожит внезапно наступившая тишина. Вдруг кто-то из бойцов увидел блеск оптического прибора. Мы открыли ружейный огонь по предполагаемому наблюдательному пункту немцев.

Впереди - долина, за ней - неровная цепь возвышенностей. Снова попали под миномётный обстрел - теперь уже прицельный и более интенсивный. Лежим, тесно прижавшись к земле. Понимаем, нельзя вот так лежать, ожидая гибели. Что-то необходимо предпринять! Решили выходить из-под обстрела перебежками влево. Добрались к окопам. Может быть, кто-то их отрыл заранее, такие же резервные части, которые создавали оборонительный район ещё в мае, как и мы вблизи Сталинграда. Наконец, перевели дыхание! Немного отдохнули и привели себя в порядок. На новом рубеже собрался весь батальон.

В 14 часов поступил приказ продвигаться к безымянной высоте и занять там оборону. Мы наступаем очень медленно. Огонь противника, в том числе и ружейно-пулемётный, слабый. Вероятно, перед нами - всего лишь немецкие заслоны. Подверглись бомбардировке с воздуха. Налетела большая группа "Юнкерсов". Нас бомбят ожесточённо, но бомбы падают немного в стороне от пехоты. Возможно, где-то рядом наши танки?

Мы заняли оборону. Поужинали. Очень возбуждены. Есть потери. Трудно свыкнуться с тем, что погибли твои знакомые и друзья. Не спали всю ночь.

27-го июля 1942-го года.

В 7 часов утра меня вызвал командир роты и распорядился провести своим взводом разведку. Миномёты приказал оставить на повозке и самим выступить лишь со штатными карабинами. Лейтенант Афанасьев и сам понимал

незаконность своего приказа и поэтому начал как бы оправдываться. Он говорил о том, что в моём взводе наиболее грамотные бойцы и вроде не так выбились из сил, как стрелки роты. Приказ необходимо выполнять. Я не стал возражать и отправился к своим подчинённым.

Я взял с собой 9 бойцов. Выступили в направлении населённого пункта. В дорогу нам достались добрые напутствия и дали нам много гранат. Село находилось примерно в двух километрах от нашего исходного рубежа. Предстояло провести дозорную разведку и поддерживать связь со своей ротой с помощью сигналов и "маяков". Не только рота, но и весь батальон осторожно передвигался вслед за разведкой на расстоянии от нас примерно в один километр.

Мы подошли к населённому пункту. На окраине лежали огромные торпеды. Я остановил бойцов, приказал залечь. Не могли понять, как эти смертоносные "сигары" оказались тут? Торпеды ведь предназначены для поражения надводных целей, а от реки далековато. Может быть, это какие-то неведомые мне боеприпасы замедленного действия и огромной разрушительной силы!

Вместе с командиром отделения я отправился поближе к длинным цилиндрам. Шли медленно и довольно робко. Торпеды были сброшены на парашютах, мы их увидели на земле и успокоились. Оставили одного бойца возле торпед. 5 страшных цилиндров, начинённых взрывчаткой, батальону следует обойти. Я послал посыльного к Афанасьеву, а сам с семью красноармейцами обошёл населённый пункт слева. Из села нас обстреляли. Перешли вброд какую-то речушку и остановились. Батальон подходил медленно, немецкие батальонные миномёты били по развёрнутой цепи красноармейцев. Атаковали село и выбили оттуда противника. Всю ночь окапывались, думали об обороне.

28-е июля 1942-го года.

А нам приказали наступать. Уже с утра было очень жарко. До населённого пункта, который предстояло занять, примерно два с половиной километра. Сначала мы шли вдоль балки, на дне которой протекал ручеёк. Мы утоляли жажду тепловатой грязной водой, несмотря на строгий запрет. Из балки выбрались и по ровной местности стали цепью продвигаться в сторону белеющего на горизонте большого села.

Противник открыл сильнейший миномётный огонь. Немецкие мины подали в наших боевых порядках. Несём потери. По такой жаре страшно смотреть на тела убитых. В считанные секунды рой разжиревших мух окружают погибших бойцов и только что живой человек, который шёл рядом с тобой, вдруг превратился в распухающий труп. Ужасное ощущение!

Мы то залгаем под огнём, то продвигаемся перебежками вперёд. Левый фланг батальона уже ворвался в населённый пункт, а мы на правом в нескольких десятках метрах от окраины села попали под ожесточённый пулемётный огонь. Открыли ответный огонь из 50-ти миллиметровых миномётов, стараясь подавить немецкие пулемёты. Я наблюдал за разрывами наших мин, лёжа на краю неглубокого оврага. Немцы нащупали нас и обстреляли из 119-миллиметровых миномётов. Одна мина разорвалась на противоположном скате укрытия. Большой осколок, прозвенев над головой, вонзился мне слева под мышку. Удар был сильный. Я вскрикнул от боли и неожиданности, но через минуту почувствовал, что ничего страшного не произошло. Повезло. Продолговатый горячий кусок металла застрял у меня под

рукой. Связка не повреждена. Круглолицая спокойная девушка-санинструктор вытащила осколок, обработала рану и обнадёжила меня, что к свадьбе заживёт. Рука ещё побаливала, но из строя с подобной травмой не выбывают

Ещё долго лежали перед селом. Основная часть батальона и почти весь командный состав находились в селе, но не могли продвинуться вглубь. А у нас на отставшем правом фланге - сосредоточены все 12 станковых пулемётов, девять 50-ти миллиметровых миномётов, 5 ружей ПТР и всего 15 стрелков, вооружённых винтовками. Наступление батальона было организовано неудачно. Вместо управления боем комбат вырвался вперёд и застрял под огнём. Вскоре он прислал посыльного, который едва живой к нам добрался и передал приказ атаковать околицу населённого пункта. Мы ворвались в село и соединились с основными силами батальона. Противник отошёл недалеко. Обстреливают нас автоматчики, которые устроились не чердаках и крышах окраинных домов. Кто-то из наших командиров отошёл на несколько метров и тут же был ранен.

29-ое июля 1942-го года.

Ночью немцы покинули окраину большого населённого пункта, в который мы вошли вчера. Мы получили приказ овладеть высотой. Наше продвижение слишком медленное и робкое. Противник ведёт плотный огонь. Мы по пути продвижения оказались в овраге и не спешили оттуда выбираться. Установили пулемёты на краю оврага, миномёты стояли чуть позади. Противник ведёт умелое наблюдение со своей высоты. Нас засекли и взяли в артиллерийскую "вилку". Надо немедленно покинуть свои позиции! Пулемёты моего земляка лейтенанта Яши Блехера и мои миномёты снялись с позиций броском, отошли по фронту влево метров на 150. Меня и моего связного - а мы оказались на выходе из оврага

на открытой местности - обстреляли "Мессершмитты". Два истребителя на низкой высоте поливали нас сверху из пулемётов. Сначала я подумал, что ещё кого-то атаковали с воздуха. Начали смещаться влево и вправо, а истребители гонялись всего-то за двумя человеками, за нами. Какое чувство превосходства над нами, какое пренебрежение и какая самоуверенность германских асов! Нас призывали учиться ненавидеть врага. Вот он, враг, и сам преподавал нам урок обучения! Бой продолжался весь день

30-е июля 1942-го года.

Нас бомбят с самого утра. Немецкие пикирующие бомбардировщики налетают группами по 30-40 самолётов. Мы не продвигаемся ни на метр. Левее наших позиций и немного впереди - наша танковая бригада. Все машины Т-34. Большая часть бомб нацелена на танки, но и нам, пехотинцам, перепадает достаточно. Одна группа самолётов, отбомбившись, уходит за гребень высоты и спустя 10-15 минут появляется новая. Смертоносная карусель над знойной степью! Мучает жажда и не отступает тревога. Кроме бомб нам предназначены и снаряды. Над головами разрывается шрапнель.

Поближе к полудню раздалось несколько залпов наших "Катюш", но немцы не унимались и продолжали нас терзать непрекращающимися бомбёжками и артоналами. У нас большие потери. Убиты оба заместителя командира роты - по строевой и политической части. Впервые в жизни закурил.

31-ое июля 1942-го года.

Снова бомбёжка. Сильный артогонь. Кроме того, подошла к нашему правому флангу и немецкая пехота. Обстреливают из пулемётов и автоматов. И всё же нам удалось немного продвинуться вперёд - всего-то на 150 метров. Тяжёлый бой и большие у нас потери.

В 18 часов дня меня с фланга ранило пулей. Пробита верхняя часть правого бедра, точнее, ягодица. Как правило, такое ранение у людей вызывает улыбку, считают, что стреляли по воину, убегающему от противника. Не тот случай: мы двигались вперёд, и пуля настигла меня сбоку. Следовательно, противник нас обошёл.

Я ползком добрался к батальонной санчасти, расположенной в лощинке за наблюдательным пунктом комбата. Меня перевязали. Я затем пробрался к командиру батальона. Возрастной старший лейтенант с продольным шрамом на всю щеку был расстроен. Я ему сказал, что хотел бы вернуться в роту. Командир посмотрел на меня с сожалением, посоветовал, как можно скорее уходить в тыл, так как немцы нас могут в любую минуту отрезать от реки Дон, и мы окажемся в окружении.

Удивительно человеческое отношение к подчинённому ему командиру взвода. Он, сам оказавшись в такой драматической ситуации, говорил:

"Поскорее уходи! Нам будет очень тяжело, а ты с ранением в ногу просто пропадёшь!" Я выполз из лощинки и затем заковылял во весь рост. Спешил добраться в полковую санчасть. Но где она развернулась? Кто знает расположение тылов?! Через два часа примерно я попал в санчасть соседнего полка нашей дивизии. Ещё раз осмотрели рану. У меня сквозное пулевое ранение. Меня накормили и отправили в большую комнату деревенского дома. Там находилось много раненых. Через несколько минут меня позвала черноволосая девушка-санструктор, предложила взять под свою ответственность 20 ходячих больных, как она выразилась, и поспешить в санбат дивизии. Девушка была встревожена и знала, что немцы прорвались с Котельниковского направления и вот-вот зайдут в тыл нашим войскам. Котельниково - это крупный населённый пункт южнее Сталинграда.

1-ое августа 1942-го года.

Мне выписали официальный сопроводительный документ на 20 легкораненых, объяснили, как найти медсанбат дивизии. Нашли медиков в какой-то рощице. Нас быстро осмотрели, сделали уколы против столбняка, Мы провели ночь на траве. Утром нас накормили и велели самостоятельно следовать к реке Дон. Я снова старший группы, снабжён соответствующим направлением в Сталинградский эвакогоспиталь. Идем медленно и тяжело к переправе через Дон. Жара прямо африканская. С трудом преодолеваем километр за километром. Тем более трудно мне: я единственный ранен в ногу, а все 20 моих подопечных получили пулевые ранения в кисть руки, предплечье или лопатку. Некоторые - в гипсе.

К полудню поднялись на шоссейную дорогу, ведущую в Сталинград. Машины, нагруженные военным снаряжением и с полупустыми кузовами, мчатся в сторону города. Это отступление. Если наша команда будет тянуться пешком, то мы можем попасть в руки к немцам. Пытаемся остановить машины. Они проносятся мимо. Кто-то из решительных бойцов предлагает мне стрелять из пистолета по скатам. Я отвергаю предложение. Мы частично перекрываем дорогу. Остановился полупустой грузовик. Встревоженный интендант, сидящий в кузове рядом с водителем, сосредоточенным усталым красноармейцем в

потной гимнастёрке, поторапливает нас. Сзади остановилась ещё одна машина. Мы разместились в кузовах.

В полукилометре от переправы остановились. Шоссе перегорожено и табличкой указан объезд вправо. Шоссе разбито бомбой большой мощности. Осторожно спускались по травянистому крутому уклону. Выехали на понтонный мост. Вода в реке беловато-голубая, как и выцветшее от зноя небо над Доном.

Вскоре прибыли в Сталинград. В эвакуогоспитале мне вкололи ещё одну порцию противостолбнячной вакцины, поместили на ночь в палату, а с утра проходили комиссию. Врачи придирчиво обследовали раны "больных", некоторых отправляли снова на фронт. Я снял гимнастёрку, опустил бриджи. Доктор, полная строгая женщина средних лет, осмотрела затянутые и присохшие пулевые отверстия и коротко объявила: "на фронт!". Мне было трудно ходить. Но возражать я не стал. Когда я надел гимнастёрку, доктор увидела на моих петлицах лейтенантские кубики и отменила своё решение. Она сказала, что не хватает бойцов на фронте, а командиру можно и подлечиться в армейском госпитале. Вот такая градация действовала в эвакуогоспитале! К врачам предъявляли требования отправить как можно больше рядового состава на передовую! Меня направили в Среднюю Ахтубу, в полевой госпиталь ППГ N751. Ахтуба - река за Волгой, а Средняя Ахтуба - населённый пункт у реки. Там и расположен армейский госпиталь.

20-ое августа 1942-го года.

Выписался из госпиталя с не зажившей ещё раной, попросился сам. В палатах госпиталя (в каком-то не очень просторном одноэтажном здании) не хватало мест для раненых. Командирам, ходячим пациентам, предложили поселиться на частных квартирах городка и приходить только на перевязки. Продукты нам отпускали по продовольственному аттестату. Откровенно говоря, можно было ещё некоторое время продолжать лечение, но я считал для себя неприличным злоупотреблять доверием и милосердием врачей и поэтому выписался в часть.

Я получил направление в 57-ую армию. Прибыл в Сталинград и оттуда направили в 15-ую гвардейскую дивизию, в 50-ый гвардейский стрелковый полк на должность командира взвода 82-ух миллиметровых миномётов. Дивизия располагалась на левом фланге оборонительного пояса вокруг Сталинграда, недалеко от населённых пунктов Бекетовка и Красноармейск.

22-ое августа 1942-го года.

Из Сталинграда на юг в Красноармейск шёл пешком. Уже в городке попали под сильнейшую бомбёжку. Одновременно сотни и сотни самолётов эшелонами подвергали бомбардировке весь город Сталинград. Когда закончилась бомбардировка Красноармейска, я и ещё двое бойцов подошли к огромной воронке на дороге, заглянули в яму и стали гадать, какого веса бомба разворотила шоссе.

К вечеру я пришёл в село Малые Чапурники. За Большими Чапурниками в балке располагался 1-ый эшелон штаба дивизии. Отдел кадров находился на восточном берегу большого озера Сарпа. Я и ещё несколько военных переправились на лодке. Долго бродил я с приставшим ко мне бойцом по степи. Ничего не ели уже в течение двух дней. Продовольственные пункты можно найти только в тылу, а кухни - в расположении батальонов. И только 24-го августа мне удалось попасть в миномётный батальон (в полку пока ещё

существовал такой батальон). Наконец, наелся за все дни голодания! Меня принял командир миномётной роты. В какой-то комнатухе деревенского дома, сидя за грубо сбитым столом, приятный, симпатичный лейтенант в первую очередь зачитал мне приказ Сталина N227, а затем стал расспрашивать о том, где и как я был ранен. Командир роты был рад, что я прибыл не из училища прямо, а из госпиталя: очень ценились командиры с каким-то боевым опытом. Затем со мной беседовал и командир батальона. Наши огневые позиции находились в селе Дубовый Овраг. Пока у нас относительно спокойно, если сравнивать с центральной частью Сталинграда. Город весь горит. Дым вздымается высоко в небо и, будто, застыл, как башня. А мы ведём бои местного значения. Бесперывная артиллерийская дуэль, налёты, перестрелка - прочно обороняем свои позиции.

26-ое августа 1942-го года.

В 3 часа ночи мы получили совершенно непонятный приказ оставить село Дубовый Овраг и занять оборону на полевом аэродроме впереди Больших Чапурников. Нас непрерывно обстреливают из пулемётов и 6-ти ствольных миномётов. Укрыться невозможно. На гладкой, как гигантская сковорода местности, кое-где разбросаны небольшие земляные полуоткрытые гаражи, в которых до начала боёв стояли истребители - ястребки".

30-ое августа 1942-го года.

У нас очень большие потери. Вот уже несколько дней подвергаемся сильнейшему артобстрелу. Не прекращается и пулемётный обстрел. Противник использует разрывные пули "дум-дум", запрещённые Женевской конвенцией ещё после Первой Мировой войны. Перед нами стоит румынская дивизия, усиленная германской артиллерией и поддерживаемая авиацией своих "шефов". Наступление против нас пока не предпринимается. Очевидно, задача румын держать нас в напряжении и не позволить командованию фронта снять часть войск для переброски в центральную часть Сталинградского оборонительного района.

2-ое сентября 1942-го года.

Мы получили приказ вернуть населённый пункт Дубовый Овраг, который оставили 26-го августа по ошибке. Пользуемся только слухами. Говорят, что наши командиры неверно поняли приказ командующего армией Шумилова. Но почему Шумилова? Он ведь командует соседней 64-ой армией! И вообще мы не знаем точно, какой армии принадлежим - то ли 57-ой генерала Толбухина, то ли 64-ой генерала Шумилова. Должно быть, командование фронта предпринимает самостоятельное переподчинение, исходя из оперативной необходимости, и не всегда о своих приказах ставит в известность генеральный штаб Красной армии.

А неверно понятый приказ звучал так: оставить боевое охранение и отойти от населённого пункта Дубовый Овраг ... Что теперь делать? Придётся расплачиваться за ошибку новыми потерями!

В 4 часа утра мы двинулись на исходный рубеж. После артобстрела наша пехота к утру почти очистила от противника всё село. В контратаку при поддержке 10-ти танков перешёл противник. Нам пришлось отступить, вернуться на исходный рубеж. Правда, боевое охранение возле Дубового Оврага мы оставили. Охранение было усилено взводом противотанковых ружей и взводом 82-ух миллиметровых миномётов, которым я командовал.

С правого фланга противник перешёл в наступление на Большие Чапурники. И нас не оставляют в покое. Подбираются ползком автоматчики. Ведём миномётный огонь по ним, но к 14-ти часам противник приблизился к нам и находился уже в 70-ти метрах от наших огневых позиций. Минимальная дальность стрельбы из миномётов немного больше. В 15 часов связной, едва к нам добравшись ползком, передал приказ вернуться охранению в Чапурники. Отходим под шквальным огнём. Идём по тропе вдоль берега озера Сарпа. Нас обстреливают из 6-ти ствольных миномётов, которые мы прозвали "Ванюшей" (в созвучии с нашей "Катюшей"). На всём пути отхода нас преследует скрипучий надрывный звук выстрелов из 6-ти ствольных немецких миномётов. Одна мина разорвалась рядом со мной. Чуть не убило, но такое происходит нередко и каждый день. В Чапурниках близким разрывом снаряда меня оглушило. На свои огневые позиции мы не можем выйти из-за сильного огня противники с фронта. В особенности досаждают настильный пулемётный огонь. Пришлось развернуть миномёты за домами. Открыли огонь. Но мин у нас очень мало. К нам пришёл командир батареи артполка Роман Агриков. После бомбёжки артиллеристы временно остались без орудий. Вооружили их батальонными миномётами. Вечером мы поднялись к себе на позиции. Командир роты поручил мне познакомить артиллеристов с материальной частью, а управлять огнём артиллеристы умеют получше, чем мы, миномётчики. Всю ночь при свете трофейных немецких коптилок в какой-то избе осваивали материальную часть.

Утром артиллеристы самостоятельно заняли огневые позиции. Больше я уже не встречался с ними.

3-ье сентября 1942-года.

Противник пытается прорвать нашу оборону. Очень упорная борьба. Огонь артиллерии румын и немцев настолько сильный и плотный, что невозможно ничего наблюдать. Сплошной грохот и дым. Разбиты осколками 2 миномёта нашей роты. Бесперывно бомбят. К тому же разрывные пули создают впечатление, будто солдаты противника уже в нескольких метрах от наших окопов. Мы держим оборону. Нет приказа отходить, да и некуда отступать: позади озеро Сарпа.

4-тое сентября 1942-го года.

Обстановка такая же, как и вчера. Бой продолжался и в течение ночи. Даже за ужином в балочку, где остановилась кухня, никто не пожелал идти: невозможно пробраться невредимым при непрерывном пулемётном обстреле на нашем полевом аэродроме.

5-тое сентября 1942-го года.

Атаки противника стали ещё более ожесточёнными. А мы держимся. Ведём миномётный огонь по площадям, целей не видим в беспросветном дыму. Убит наш командир роты. Его заместитель по строевой части, всего лишь неприметный младший лейтенант в обмотках и застиранном обмундировании, принял роту и сразу же проявил себя сверхжестким начальником. Позволил себе осудить погибшего за мягкотелость и либерализм.

6-ое сентября 1942-го года.

Утром наша артиллерия, в том числе корабельные орудия Волжской флотилии, открыла ураганный огонь по позициям противника. Обстрел продолжался несколько часов. В тылу противника, там, где сосредоточена его артиллерия, слышны взрывы. Румыны и "подпирающие" их немцы затихли, не отвечают огнём и уже не помышляют об атаке наших позиций. Когда стемнело, наш полк организовал разведку боем. Наши миномёты поддерживали роту разведки и автоматчиков. Взяли пленных и среди них - один офицер.

7-ое - 14 сентября 1942-го года.

Мы ежедневно и пока безуспешно атакуем стоящего перед нами противника. Должно быть, тем самым отвлекаем на себя часть войск, атакующих непосредственно горящий непрерывно Сталинград. Собственно, мы тоже защитники города, только южных окраин его. Нам кажется, что в развалинах города солдатам труднее, чем нам, вероятно, только кажется: всегда думаешь, что соседу достаётся больше. Такова психология участникам боёв.

15-тое сентября 1942-го года.

Вчера начался решительный немецкий штурм северной и центральной части города. А у нас пока - без особых перемен. Вели разведку боем. Взяли пленного. Он показал, что румынская дивизия почти разбита и потеряла всю свою артиллерию после нашей артподготовки 6-го сентября.

20-ое сентября 1942-го года.

Наш полк овладел населённым пунктом Дубовый Овраг, который ранее оставили без боя; неверно поняли приказ командующего. Наша рота возвратилась на свои старые огневые позиции. Всё на месте, даже ящики с минами, которые мы не смогли забрать в спешке. Да и унести на себе 300 мин было невозможно. Отходили мы по тропе вдоль озера, а для перевозки мин нужна дорога хотя бы в одну колею.

Мы обрадовались: обеспечены на время боеприпасами! Раскрыли ящики и были поражены: все мины оказались без взрывателей. Не было никаких следов того, что это сделал противник. Скорее всего мальчишки села решили обезвредить мины, полагая, что румыны эти боеприпасы используют против нас. Не смогли бы, так как калибр миномётов противника на десятки доли миллиметра меньше, чем у нас. И где же теперь искать этих мальчишек? Они прячутся от нас в укрытиях, потому что обязаны были эвакуироваться в тыл на 25 километров за линией фронта.

Мои отношения с новым командиром роты очень плохие. Может быть, в этом виноват не только он, но частично и я. Надо было как-то сблизиться с начальником, но я слишком щепетилен и не допускаю угодничества. И как изменился за две недели наш ротный! Исчезли обмотки. На стройных ногах - яловые начищенные сапоги, одет не хуже командира 3-го стрелкового батальона капитана Буйного, кадрового командира с безупречной выправкой и аккуратно пригнанным обмундированием в самой трудной обстановке боя. Наш ротный оказывается - красивый мужчина с гордой осанкой. Бравый вояка, хотя грамоте в миномётном деле ему ещё предстоит научиться.

Переместил меня командир на взвод 50-ти миллиметровых миномётов, поближе к стрелковым окопам. Конечно, обидно, но я не ропщу. Нигде на переднем крае никто не гарантирован от смертельной опасности. Немного впереди или в сотнях метрах позади - всё равно. И пули долетают, и снаряды

рвутся одни и те же. Невольно начинаешь верить в какую-то судьбу, хотя логика подсказывает, что всё дело в ординарной случайности.

Октябрь 1942-го года.

В основном стояла сухая тёплая погода. Ночами рыли новые окопы. Углубляли старые и старались создать некоторые укрытия. Однако в безлесной холмистой степи блиндаж не построишь. Грунт тут сверхтвёрдый, без лома и кирки невозможно снять верхний слой. Но есть и преимущество: близкие разрывы снарядов, даже тяжёлых фугасных, нам не вредят. Сапёры полка продемонстрировали новинку. Огнеминнофугас устанавливается перед передним краем, метрах в 50-ти от наших окопов. Состоит этот мощный заряд из противотанковой мины и баллона с воспламеняющейся жидкостью КС. При взрыве мины вспыхивает маслянистое пламя, которое удерживается в течение примерно 20-ти минут. Потрясающее зрелище! Танк не проскочит.

Получили пополнение. Недалеко от района боёв расположен завод по постройке барж. Пришёл приказ эвакуировать оборудование и специалистов в тыл. Разнорабочие и неквалифицированные кадры были призваны в армию иполнили наши стрелковые роты. Такое пополнение не подходило ни для артиллерийских полков, ни для "элитных" подразделений пехоты.

Противник, понесший серьёзные потери в сентябре, уже не мог рассчитывать на успех в полосе нашей дивизии. Атаки проводились боязливо и вяло. Мы отбивали такие наскоки без серьёзных потерь. Немцы предприняли ещё один штурм Сталинграда - 14 октября. Были атакованы части 62-ой и 64-ой армий. В районе Купоросное, на стыке двух армий, развернулось ожесточённое сражение. Немцы потерпели неудачу.

Однако на Северном Кавказе немцы пока добивались серьёзных успехов. Это тревожило нас и у части вновь призванных военнослужащих, пополнивших наши стрелковые роты, возникали панические настроения. Больно об этом вспоминать: некоторые красноармейцы переходили на сторону противника. Это позорное явление для заслуженной гвардейской дивизии удалось преодолеть примерно в течение недели.

Ежедневно немецкий двухфюзеляжный разведчик-корректировщик облетал наш участок обороны. Самолёт был хорошо защищён, вооружён отличными оптическими приборами, летал на небольшой высоте. Как только засекал цель или замечал движение людей, немедленно бросал - и довольно точно - одну-две небольшие бомбы. Появлялась "Рама" (так бойцы называли этот самолёт), мы немедленно прекращали всякое движение и намертво прижимались к земле. Сколько проклятий раздавалось в адрес неуязвимого воздушного хищника, который размеренно и нагло облетал наш участок обороны, как свои владения! Появлялась "Рама" из-за гребня господствующей высоты, рассекала небо по прямой и заходила над разбитым одиночным домиком, стоящим недалеко от берега озера. Затем, вдоль озера обозревала населённый пункт Дубовый Овраг, оттуда поворачивала вдоль фронта и снова кружилась над нами в поисках "добычи". В середине октября в ясное тёплое утро самолёт появился точно по своему распорядку, пересёк наш участок по ширине и направился к домику. Раздался выстрел нашего зенитного орудия, и воздушный ястреб был сбит сразу же. Падал самолёт как-то медленно, как бы цепляясь за небо и не веря в свою гибель. "Рама" упала в озеро Сарпа, а куски фюзеляжа так и торчали над поверхностью воды до конца оборонительных боёв. Больше над нами немецкий разведчик-корректировщик уже не кружил.

Кормили нас два раза в сутки в тёмное время. На день выдавали селёдку, воду пили озёрную, её же черпали повара для приготовления горохового или пшённного супа из концентрата. Плохое было питание, нередко выпивали несоленый суп. Хлеб выдавали регулярно - по 900 граммов в день. Бывали дни, когда противник не открывал огня. Нам тоже не хотелось отвечать, мечтали о тишине и отдыхе. Наше командование устроило комбату и командирам рот строгий разнос: "Что за перемирие устроили на передовой?! Врагу нельзя давать покоя ни днём, ни ночью!" Образумили уставших бойцов и заставили вести активные боевые действия. Применяли новую тактику. С наступлением темноты отправляли в нейтральную полосу так называемые кочующие орудия и миномёты, которые обстреливали противника на большую глубину, создавая впечатление нашей атаки и проникновения в его оборону.

В октябре высшее партийное руководство организовало сбор подписей защитников города Верховному Главнокомандующему Иосифу Сталину. Нам зачитывали письмо-клятву, мы заверяли вождя стоять насмерть, защитить Сталинград и разгромить врага на этом рубеже.

Над нами в небе разворачиваются воздушные бои с немецкой авиацией. Наблюдаем за круговертью в небе. Пока ещё немецкая авиация превосходит нашу. Бои заканчиваются в пользу врага. Появились и американские истребители "Аэрокобра" на которых летают наши пилоты. Между тем город продолжает гореть. Что могло там уцелеть?! Мы часто атакуем и проводим бои местного значения. Иногда в нейтральной полосе собираем помидоры и картошку. Рисуем, но пополняем свой рацион питания. Будто бы однообразно проходят дни, но это - война, которая состоит не из сплошных штурмов. Удалось нашей дивизии разгромить стоящего перед нами противника, и мы пресекли попытки германской армии прорваться в город с южного направления.

1-ое ноября 1942-го года.

Командир роты приказал мне провести ночную вылазку с одним кочующим миномётом и лично принять участие в этом "набеге" на противника. Я был крайне удивлён: кочующий маленький миномёт не может из-за недостаточной дальности стрельбы выполнить такую задачу. Но ротный был непреклонен и самоуверен. Он формально исполнял приказ комбата, жалея своих подчинённых. Уже было известно, что с завтрашнего дня 50-ти миллиметровые взводы передаются стрелковым ротам, миномётный батальон перестает существовать. Роты 82-ух миллиметровых миномётов входят в состав стрелковых батальонов. Я уже знал, что перехожу в 8-ую стрелковую роту старшего лейтенанта Власенко. Придётся выполнять безумный приказ командира минроты, который с завтрашнего дня мне больше не начальник.

Возвращаться после выполнения задачи нам следует по берегу озера, а там - наш пулемётный дзот. Я попросил командира роты (он стал уже лейтенантом и буквально цветёт от гордости!), попросил предупредить пулемётчиков о нашем возвращении из нейтральной полосы. Командир роты заверил, что всё будет сделано, чтобы нас не приняли за разведку румын и не пристрелили ненароком.

Наступила полночь. Темно, серп молодого месяца закрыт облаками. Я повёл миномётный расчёт в нейтральную полосу. С собой захватили 10 мин в лотках. Идём осторожно, шаг в шаг: как бы не наступить на противопехотную мину. Идём по прошлогодней пахоте. В полусотне метрах от переднего края противника остановились. Подкопали малой сапёрной лопаткой землю под опорную плиту. Открыли лотки. В расположении противника - сонная тишина.

То и дело вздымаются в небо осветительные ракеты и падают за нашей спиной. Затаив дыхание, открыли огонь, наскоро выпустили все 10 мин и начали отход вдоль фронта к озеру. Нас не обнаружили и, возможно, не обратили никакого внимания на чахлые разрывы 50-ти миллиметровых мин.

Спустились к тропке по берегу озера, поспешили в своё расположение во весь рост и вдруг попали под длинную пулемётную очередь из нашего дзота. Случилось то, чего я опасался. Значит, никто пулемётчиков не предупредил! Мы сразу же залегли и прижались к земле на неширокой тропе вдоль озера. Наши крики, проклятия и крепкие фронтовые выражения не помогали. Дзот извергал огонь в буквальном смысле слова: в темноте ночи амбразура дзота как бы пламенела. Я приказал командиру расчёта, опытному сержанту, который участвовал в обороне Москвы и получил в бою ранение в руку, попросил обойти дзот слева и связаться с пулемётчиками; объяснить, кто мы такие и почему оказались тут ночью. Примерно через 20 минут огонь из дзота прекратился. Мы счастливо отделались, несмотря на "старания" командира роты, который безответственно отнёсся к нам. Всё равно наш взвод уже с завтрашнего дня ему больше не принадлежал!

Я предъявил ему претензии, а он, командир роты, обвинил во всём пулемётчиков, которые спросонья, якобы, не разобрались и обо всём забыли. Старый служака всегда придумает оправдание!

2-ое ноября 1942-го года.

С утра начали подготовку к передаче своего участка обороны новому "покупателю". Самые благоприятные и желанные слухи. Говорят, что мы отправляемся на отдых и пополнение личного состава. В самом деле, устали мы очень и поэтому охотно верили в самые фантастические, согревающие душу, слухи. Радостное возбуждение не покидает нас в течение всего дня.

3-ье ноября 1942-го года.

Ночью нас сменила бригада морской пехоты. Крепкие, бодрые ребята! Хорошо обмундированы в форму сухопутных войск, но воротники гимнастёрок расстёгнуты настолько, чтобы видна была рябь тельняшек - морская гордость, превосходство над пехотой. Эту слабость охотно им прощаем: моряки очень храбро воюют, убеждались в этом не раз.

Мы шли весь день. Надеялись увидеть переправу через Волгу, но вскоре поняли, что перемещаемся не на восток, а в южном направлении. Настроение омрачилось. Об отдыхе можно и не мечтать больше. Ни командир батальона капитан Буйный, ни начштаба капитан Шевченко не знают, куда нас ведут - полнейшая тайна!

4-ое - 6-ое ноября 1942-го года.

Совершаем марш. Идти тяжело. Полное отсутствие дорог, нетронутая девственная степь - лишь кое-где едва намеченная полевая тропа. По пути нашего движения ни одного населённого пункта. Калмыцкие степи во всём их пустынном великолепии! Ночью - полная темнота, ни луны, ни звёзд. Мы не видим даже впереди идущую роту. Мой взвод уже в подчинении командира 8-ой роты старшего лейтенанта Власенко.

Днём 6-го ноября проводили рекогносцировку маршрута, а ночью потеряли ориентировку. Да и как ориентироваться на такой местности в полной темноте вдали от населённых пунктов и хотя бы улучшенных грунтовых дорог?! Мы

сбились с маршрута, совершаем частые привалы, но всё же произошёл конфуз: голова нашей полковой колонны встретилась со своим же арьергардом. Около часа начальство уточняло направление и удалось выбраться на какую-то едва различимую тропу.

Утром сделали привал в степи. Снега ещё нет, но на почве - заморозки. Зимнюю форму ещё не получили. Очень холодно. Настроение бойцов подавленное. Один возрастной красноармеец разоткровенничался в моём присутствии, сказал, что мы войну проиграли. Я его переубеждал, приводил яркие исторические примеры. Напомнил о сокрушении Наполеоновской великой армии, а боец не внял доводам и остался при своём мнении. Винить красноармейца не за что и наказания он не заслуживает, так как честно исполняет свой долг и воюет не хуже других. Кроме всего, не в моём характере докладывать вверх о неверии красноармейца в нашу окончательную победу под Сталинградом. Общее положение на Советско-Германском фронте и в самом деле пока оптимизма не внушает.

7-ое ноября 1942-го года.

Утром подошли к новому месту дислокации. Позавтракали, выдали положенные 100 граммов фронтowych. Настроение бойцов несколько улучшилось. Через два часа мы начали смену УР-а (укреплённого района). При небольшом числе личного состава эта часть сумела держать устойчивую оборону южнее Сталинграда. В УР-е было достаточно станковых пулемётов и противотанковых пушек. Кроме того, обложили свой фронт, фланги и даже глубину своего оборонительного района противотанковыми минами.

Я и часть моего взвода заняли небольшую низенькую землянку, похожую на нору. Рядом на огневые позиции поставили свои миномёты и дежурных на случай необходимости открыть огонь по противнику. Мы давно не мылись в бане и не проходили санобработку. Это не проходит без последствий. В связи с трудностями доставки грузов по волжским переправам, испытываем перебои в снабжении. Нередко не привозят соль, спичек, кормят плохо, почти одной мучной похлёбкой и супом из пшённного концентрата. Бойцы не любят это блюдо, но выбора нет.

9-ое ноября 1942-года.

Получили газеты с приказом Верховного Главнокомандующего. Слова Сталина "и на нашей улице будет праздник!" внушают некоторый оптимизм, но мы считаем это далёкой перспективой. Пока что с таким неукomплектованным полком надеяться на переход в наступление невозможно.

10-19-ое ноября 1942-го года.

Получили пополнение. Численный состав роты доведен до 54-ёх бойцов - вдвое больше, чем было вчера. Переходим на зимнюю форму обмундирования, только в валенки обуют с появлением снега. Изучаем новую тактику наступления. Атака в два эшелона упразднена. Командиры должны двигаться позади своих подразделений и управлять боем. Личный пример и рывок - реликт гражданской войны 1918-20 годов: многократно возросла огневая мощь противника, и штык перестал быть молодцом. Командир стрелкового взвода не должен удаляться от цепи более чем на 50 метров, ротный - на 150. Боем необходимо управлять непрерывно и организовать взаимодействие с приданной и поддерживающей артиллерией.

Командир батальона может располагаться на наблюдательном пункте в 500-ах метрах от своего наступающего батальона. В изучении нового Боевого Устава Пехоты проходят осенние дни. 19-того ноября произошёл трагический случай с бойцом моего взвода Путинцевым. Он прибыл к нам неделю тому назад с новым пополнением. Я поручил возрастному красноармейцу попытаться найти немного дров для нашей печурки - уж очень холодно в норе-убежище. Боец не возвращался, хотя уже прошло несколько часов, как он отправился на поиски топлива. Позже мы узнали, что случилась беда. Плохо обученный боец увидел на дорожке край деревянного ящика противотанковой мины и, не понимая, что перед ним, ударил киркой с размаху по крышке. Сработала мина огромной взрывной силы ... Красноармеец Путинцев был переброшен взрывной волной через насыпь в нейтральную полосу. Когда я вылез на дамбу (так мы называли насыпь, по которой проходил наш передний край), то увидел обезглавленное тело и предположил, что это мой погибший подчинённый. Я доложил старшему лейтенанту Власенко о случившемся, но командир роты не поверил мне на слово и предположил, что Путинцев, житель этих мест, попросту сбежал, а обезглавленное тело - это останки его пропавшего сегодня ординарца. Я не согласился и послал своего боевого сержанта в нейтральную полосу. Сержант должен был достать из кармана погибшего красноармейскую книжку и принести командиру роты. Мой сержант справился с задачей и подтвердил, что погибший и в самом деле - Путинцев, мой боец.

Командир роты был расстроен, не знал, как доложить об исчезновении своего ординарца. Однако вскоре всех командиров рот и взводов вызвали в штаб батальона на срочное совещание. Таким образом, о дезертирстве бойца докладывать не пришлось.

19-ое ноября 1942-го года (вторая половина дня).

Вместе с ротным Власенко, высоким могучего телосложения командиром, я и командиры стрелковых взводов Корнилов и Гришин, прибыли в штабную просторную землянку комбата. С небольшим опозданием явился и замполит 8-ой роты. Собрались и другие командиры, вызванные на совещание. Командир батальона капитан Буйный отдал приказ на наступление в ночь (скорее - раннее утро 20-го ноября). Наш статный с тщательно подстриженными каштановыми бакенбардами командир был в приподнятом настроении. Ветеран дивизии, бывшей 136-ой, а ныне 15-ой гвардейской, участник финской кампании, награждённый орденом Боевого Красного Знамени, соскучился, должно быть, по настоящему боевому делу.

Приказ на завтрашнее наступление был секретным. Только командиры рот и взводов были проинформированы и обязаны сами всё подготовить к завтрашнему дню. Бойцам сообщим о наступлении только после завтрака, которым их накормим в 3 часа ночи. Скрытность и внезапность - прежде всего.

В 23 часа 19-го ноября я пришёл в землянку к командиру 1-го взвода Корнилову. Волнующее и приподнятое настроение! Такое состояние хорошо известно людям, которые готовятся к предстоящему серьёзному и опасному делу. Потянуло почему-то на грустные песни, размышления о ближайшем будущем. Завтрашний день будет совсем другим, чем тяжёлые дни оборонительного сражения. А каким он будет?! Само известие о наступлении поднимало боевой дух, и всё же не покидала тревога: моральное состояние отдельных красноармейцев ещё предстояло проверить в наступательном бою.

Как себя поведут наши подчинённые? Мы были стойкими в обороне, а наступать ещё предстоит научиться.

20-ое ноября 1942-го года.

В три часа ночи мы подняли своих подчинённых. Завтрак к назначенному времени уже был готов. Объявили всем о предстоящем наступлении и коротко поставили задачу. Кухня остановилась в 500-ых метрах от переднего края. На этот раз сварили гречневую кашу, выдали по 100 граммов водки. Молча бойцы поели, уложили свои принадлежности и запас патронов в вещмешки и вскоре были уже полностью готовы к бою.

В 5 часов и начали наступление. 8-ой роте выпала честь провести предутреннюю разведку, без артиллерийско-миномётной подготовки проникнуть в тыл противника и обеспечить затем бесшумное продвижение всего батальона и полка. Задумано всё прекрасно, но как удастся исполнить этот план?

Удалось незаметно пройти нейтральную полосу. Наш 50-ый полк должен овладеть высотой 32 и 5. Высота господствовала над всей местностью у населённого пункта Дубовый Овраг. Теперь предстояло взойти на эту высоту с тыла. Какой долгий путь мы прошли, чтобы в наступлении снова оказаться там, где оборонялись - только с тыльной стороны!

Слева от нас - совхоз Приволжский, который наша дивизия оставила в 20-ых числах августа 42-го года, когда я только-только прибыл в полк. Теперь мы робко, боясь, что нас может обнаружить "хитрый противник, затаившись в засаде", неуверенно продвигались вглубь. А противник вёл лишь дежурный пулемётный огонь, очевидно не подозревая о нашем проникновении в его боевые порядки. Перед нами стояла 2-ая дивизия 4-ой румынской армии. Нам удалось пройти незаметно между двумя дзотами, которые стояли один от другого на расстоянии 300-400 метров. Основная цепочка дзотов располагалась вдоль балки.

Мы спустились в балку и залегли. После разведки, которую осуществил младший лейтенант Гришин, прошли ещё несколько сот метров и снова остановились. Впереди -тёмная пустыня, страшная в своей таинственности. Очень холодно. Мы продолжали лежать на земле. Ночь, как и прежде, тихая. Постреливали пулемёты. В небе шипели осветительные ракеты. Двигаться вперёд бессмысленно. Что можно сделать одной ротой в составе 54-ёх человек личного состава и с 3-мя 50-ти миллиметровыми миномётами в придачу? Власенко, бывший интендант, возглавивший стрелковую роту, не имел опыта пехотного командира. Надо было немедленно отправить посыльного к командиру батальона и ждать его решения. Власенко почему-то медлил. Кому-то в темноте почудилась румынская солдатская цепь, кто-то сказал, что нас могут обойти. Напряжение и страх неизведанного заставили ротного отдать приказ отойти на исходный рубеж. Отступили, так же незаметно, как и пришли в расположение противника. Командир допустил очень серьёзную и непростительную ошибку.

Досталось ротному от комбата и командира полка майора Голуба. Когда наступило утро, наш батальон предпринял атаку переднего края румын, но теперь уже под интенсивным пулемётным огнём из дзотов. Наша рота сместилась немного вправо и, как бы искупая свой ночной промах, первой ворвалась в балку, впереди которой и стояла вся шеренга дзотов. Быстро

двигались вдоль балки и легко обезвредили укрепления с тыла. Вражеские солдаты выходили с поднятыми руками, а некоторые нам отдавали честь.

Пленных много, их задержат другие, а нам надо было поскорее выбираться из балки, пока не подверглись артиллерийскому обстрелу. Известно, как гипнотизирует укрытие и как не хочется покидать его! Над полем боя - туман.

В 9 часов левый сосед начал мощную артподготовку, а наша дивизия обходилась только своими двумя артполками, полковыми и батальонными миномётами. 50-ти миллиметровые - не обладают ни дальностью стрельбы, ни мощностью; двигаемся за спиной стрелков в 50-ти метрах от них; подвергаемся ружейно-пулемётному обстрелу. Идём вперёд. Румыны оставили первую позицию и отступили метров на 800. Противник - у вершины возвышенности. Мы наступаем цепью. Испытываем огромное возбуждение от удачного прорыва обороны противника и неожиданного успеха в наступлении. Прошли ещё полкилометра и с криком "Ура" атаковали румын. И они побежали к следующему рубежу. Мы двигались вперёд, но в тумане теряли направление, не видели ориентиров. Командир роты остановил движение бойцов, достал карту и компас. Туман понемногу рассеивался. Власенко пытался сориентироваться на пересечённой местности. Возле командира стояли связные от взводов и ординарец. Я и командир приданной нам роты ПТР (противотанковых ружей) находились от Власенко в 10-ти шагах в стороне. Долго разбирался ротный и не мог пока решить, куда же нам идти. Все бойцы были на ногах, ждали распоряжений.

И неожиданно прошипел небольшой 37-им миллиметровый снаряд. Слабый глухой удар не испугал, но насторожил. Мы залегли, ожидая обстрела из пушки, но больше выстрелов не было. Прямой наводкой румынский артиллерист поразил широкую грудь высокого крупного командира роты. Когда поднялись, перед нами лежало растерзанное тело старшего лейтенанта Власенко. Больше никто не пострадал. Карта и компас уничтожило тем же снарядом-болванкой. Возле трагически погибшего ротного остался его ординарец, а мы снова продолжили наступление. Туман, хотя и рассеялся, ещё не опустился полностью на примёрзшую степь. Мы опять сбились с направления. Взвод Корнилова увлекло куда-то в сторону, а Гришина не видели с той минуты, когда покинули балку с шеренгой румынских дзотов. Я взял на себя командование разрозненным подразделением, хотя рядом со мной находился старший по званию и должности командир роты ПТР Карпенко. Он не возражал и сам посоветовал мне возглавить остатки роты.

Пройдя несколько сот метров, мы увидели на гребне небольшой высоты крыши населённого пункта. Было необычно тихо, будто вымерла степь. Промёрзшая трава шуршала под нашими сапогами. Нас тянуло к населённому пункту, который казался покинутым людьми и домашними животными: не слышно было и лая собак. Всего со мной было 30 бойцов и младших командиров. Рядом - Карпенко и его неизменный замполит. Оба - коренастые, полнолицые, отличавшиеся по выправке от кадровых командиров. Карпенко до войны был учителем, а его заместитель - партийным работником среднего звена. По пути наступления узнал это из слов замполита, который разговорился и вспомнил гражданскую жизнь по контрасту с нынешним днём.

Тридцать человек нас было вместе с приданными пулемётчиками и бойцами ПТР. Из вооружения - один станковый пулемёт, одно противотанковое ружье и всего один мой миномёт. Другой миномёт был разбит во время утренней атаки на румынские дзоты, а третий затерялся пока в стрелковой цепи. Шли не очень

уверенно, приближаясь к населённому пункту, но не ожидали встретить противника. И вдруг по нам открыли сильнейший кинжальный пулемётный огонь. Мы залегли сазу же. Непонятно почему никто не был ранен или убит. Возможно, попали в мёртвое пространство. Пули роем жужжали над головами, врезались в грунт впереди и сзади, со свистом и замирающим протяжным воем, а потерь у нас не было. Слева от нас широкий и глубокий овраг. Мы решили отползти и укрыться там от пуль.

Когда забрались в овраг, передохнули, осмотрелись. Нас осталось всего 11 человек. Куда же подевались другие? Вероятно, отползли в противоположную сторону, возможно, удачно отступили назад?! Нас, командиров, тут было трое: я, командир роты ПТР и его замполит. Из вооружения осталось одно противотанковое ружье, два ручных пулемёта, 5 карабинов, 4 автомата ППШ и миномёт без единой мины. У нас было к автоматам по два полных диска, в каждом 71 патрон. Остались у нас гранаты Ф-1 и две противотанковые гранаты ударного действия.

Я посоветовался с Карпенко, решили по оврагу отойти назад на километр, подняться наверх, оглянуться и постараться найти основные силы нашего батальона. Мы уже поняли, что вместо высоты 32 и 5 направились к совхозу Приволжский и попали тут под кинжальный пулемётный огонь. Мы вынуждены были ускорить отход, так как противник начал сосредоточение для контратаки. Оказавшись вне опасности, поднялись наверх по круче оврага. Мы очень устали - прежде всего психологически. Наткнулись на какой-то котлован, залезли в него, надеясь передохнуть немного. Ружьё ПТР не поместилось в нашем укрытии. Карпенко оставил его за бруствером наверху и велел своему бойцу-бронбойщику находиться там же и вести непрерывное наблюдение.

Когда поднялись из оврага, были уверены, что легко найдём высоту 32 и 5, но это было невозможно сделать без карты. Повсюду холмистая степь, возвышенности, гребни, вершины, а также балки и овраги. Мы выжидали. Вдруг заметили вдалеке чёрную массу, которую можно было принять за пехоту или кавалерию: в километре от наблюдателя не отличишь конного от пешего - так говорит Устав и практический опыт. Мы посчитали, что это наши наступающие части, попросту заблудились и потеряли ориентировку. Вышли из своего убежища и встали во весь рост, желая разглядеть приближающихся к нам военных. По логике наших сегодняшних передвижений следовало одно: только противник мог двигаться к нам. И почему мы рассчитывали на чудо? Уж очень желали этого! Вскоре поняли свою ошибку. Нас начали обходить с обоих флангов. Быстро заскочили в котлован и изготовились к бою.

Более батальона солдат нас начали окружать, оставляя лишь небольшой выход в лощину, которая начиналась от нас в 150-ти метрах. Румыны почему-то залегли и пока огня не открывали. "Сдавайся русский!" - раздался зычный голос румынского офицера, который приподнялся на локте. Почему "русский", а не "Русь"? - подумал я некстати. Какие только несуразные ассоциации приходят в голову в самую трагическую минуту!

Сдаваться мы не собирались. Приготовили на бруствере бойницы. Решили выждать, пока румыны поднимутся в атаку. Бронбойщик лежал сверху. Солдаты подползали к нам поближе. Когда они уже находились в 100 метрах слева от котлована, Карпенко приказал бронбойщику уничтожить пулемёт противника. Прицелился боец, нажал на спусковой крючок и в то же роковое мгновение вдруг один из наших стрелков поднял голову и был смертельно поражён нашим же бронбойщиком. 14-ти миллиметровая пуля приподняла

несчастливого красноармейца, повернула в воздухе, и тело погибшего с огромной силой ударило о глинистое дно котлована. Нелепая и страшная гибель! И в ту же минуту румыны слева начали атаку. Мы открыли огонь из автоматов, двух ручных пулемётов. Солдаты сразу же залегли. Мы решили перейти на одиночные выстрелы. Теперь с фронта к нам поближе перебежками начал подходить противник. Мы вели прицельный огонь и выводили из строя вражеских солдат. Время тянулось и тяготило. Наступила у меня какая-то опасная апатия. Все мы, сидевшие в почти полном окружении под прицелом пехотного батальона противника, считали себя обречёнными. Кто-то из бойцов предложил нам, своим командирам, отпороть кубари (знаки отличия), предвидя пленение; хотели уберечь от расстрела румынами. Другой боец предложил взорваться всем сразу противотанковой гранатой. И я понял, что требуется моё слово. Во мне мгновенно что-то взбунтовалось внутри. Я предложил попробовать прорваться к лощине, а там - что суждено нам: погибнем, так сопротивляясь. А может быть и проскочи, конечно, придётся оставить оба ручных пулемёта, противотанковое ружьё и миномёт. Если уцелеем, вооружимся снова. Молча все согласились со мной. Приняв решение, я успокоился, руки крепко сжимали приклад автомата, продолжал прицельно вести огонь одиночными выстрелами.

И когда противник ослабил свой обстрел и притих в нерешительности, мы сразу все выскочили из котлована, Бежали очень быстро. Не сразу хватились румыны. Когда они открыли по нам пулемётный огонь, мы уже подбегали к балке. Но огонь был сильный. Казалось, вот-вот пробьёт спину. Но мы рвались из последних сил. То был рывок от смерти. Мне мешал вещмешок за спиной, попытался от него на бегу избавиться, но вещмешок так и повис на лямках в изгибах локтей. В таком виде я и опустил в спасительную балку. Свист пуль уже не пугал нас. К счастью все благополучно пробрались в укрытие. Мы продолжали бежать. Осмелели румыны и начали нас преследовать. Мы вскоре начали задыхаться, замедлили бег, потом перешли на шаг. Преследователи почему-то отстали и вскоре остановились. Мы также присели, отдышались немного и по балке, которая постепенно переходила в лощину, вышли на ровную местность. Издали увидели свой батальон. Как же далеко мы оторвались от наступающего полка?!

Возвратились мы к своим в крайнем возбуждении, взхлёб описывали своё сопротивление батальону противника, считали, что совершили героический выход из западни; а командир батальона и не обратил на всё это никакого внимания. Отнёсся к нам совершенно равнодушно и даже слегка отчитал, как отчитывают заблудившихся по своей вине детей. Вернулись - и ладно, стоит ли об этом долго рассуждать и пересказывать свои страхи? Капитан Буйный приказал мне принять 8-ую роту, пока не придёт со своим взводом Корнилов. Я собрал всего 14 бойцов. Нерадостны для 8-ой роты итоги дня: убит не только старший лейтенант Власенко, но и его замполит; ранен зам по строевой; не пришли пока взводные Корнилов и Гришин со своими бойцами.

Холодно, пронизывающий, пробирающий до костей ветер. Поужинали и предприняли наступление на высоту 32 и 5, выполнили тем самым главную задачу дня. Противник покинул высоту ещё до нашего подхода. Один из моих красноармейцев, сумевший под пулемётным огнём в числе 10-ти человек выбраться живым из румынского огненного капкана, теперь погиб от шальной пули, пущенной кем-то наугад. Вот и гадай, где ждёт тебя на передовой гибель!

Не сомкнули глаз всю ночь. Разминались и спасались от холода пробежками. Так мы встретили наступившее утро 21-го ноября.

21-ое ноября 1942-го года.

Рассвело. Мы спустились с высоты 32 и 5 и подошли к улучшенной грунтовой дороге. Уже отвыкли от дорог с телеграфными столбами на обочине. Правда, провода оборваны. Оборону противника пехота прорвала в течение вчерашнего дня, а сегодня в прорыв входили механизированные войска, существование которых мы и не предполагали. Откуда всё это взялось?! Нам до сего дня казалось, что мы - последнее прикрытие фронта и за нами никого уже нет, кроме снабжающих пехоту тылов. А теперь увидели сотни машин и орудия, которые тянули тягачи, а не кони, запряженные цугом.

На грузовиках стройно в ряд с оружием восседали одетые в новое обмундирование красноармейцы. Машины мчались по дороге куда-то на северо-восток. По обочинам шли танки Т-34 и артиллерийские полки. Мы смотрели на всё это воинское величие с восторгом и завистью. Невольно возникала надежда, что мы то уж совершенно не нужны больше, можно и без нас наступать, а нам уже пора и передохнуть в тылу - в тепле и на человеческих постелях. Но пехота ещё нужна! Как только дорога освободилась от техники, поступил и нам приказ двигаться туда же, куда ушли подвижные части. Способ передвижения привычный - пеший марш. Несмотря на усталость и бессонную морозную ночь, настроение - праздничное, приподнятое. Выходит, и наша армия способна наступать, а не только отбиваться от противника в обороне. В 41-ом - Москва, а теперь - Сталинград!

На дороге много разбитого и брошенного вооружения противника; немало и неубранных трупов лошадей. Брошенную в спешке вражескую технику рассматриваем с любопытством, ощупываем руками: ведём себя, как любознательные дети. Ни с чем не сравнимое чувство восторга: участвуем в наступлении, и противник в панике от нас убегает!

Шли целый день, устали, несмотря на эйфорию первых часов марша. И опять по пути ни одного населённого пункта. Никто из ротных не знает, какую задачу выполняем. Уверен, не знает этого и командир батальона. Когда стемнело, колонна остановилась в стороне от дороги в безмолвной степи. Нашли несколько землянок, оставленных противником. Ночевали в тепле.

22-ое ноября 1942-го года.

Продолжаем наступление, нас обгоняют новые механизированные части. Наша рота, наконец-то, в полном сборе. Пришли лейтенант Корнилов и младший лейтенант Гришин. Корнилов принял роту. Спокойный, уравновешенный командир отмалчивается. А импульсивный, подвижный Гришин подробно рассказывал, как после прорыва по ошибке примкнул к соседней части и продолжал воевать значительно южнее нашего полка. Причин много. Наш 3-ий батальон находился на самом левом фланге дивизии, продвигался в одиночку; подготовки к наступлению фактически не было из соображений секретности. Внезапность хороша по отношению к противнику, но не для своих подразделений. Кроме того, сама местность сильно пересечённая и у нас не было достаточного количества топографических карт.

Из моего взвода остался всего один расчёт, четыре человека и один миномёт, который прибил к взводу Корнилова. Правда, в живых у меня осталось больше людей и их превратили в стрелков. Мы снова на марше. Шли весь день

и лишь вечером увидели долгожданный населённый пункт. За населённым пунктом - землянки, оборудованные добротной в надежде на зимовку под Сталинградом. В землянках расположились румынские солдаты. Наш приход был для них совершенно неожиданным. Охраны у румын не было никакой, солдаты обогривались у изготовленных из железных бочек печек. У румын было много продуктов, в том числе густой твёрдый мёд. Всех солдат взяли в плен и отправили к нам в тыл в небольшом сопровождении наших бойцов. Румынские офицеры сами построили своих подчинённых, которых мы обезоружили, и соблюдали порядок в движении. Чувствовалось, что они радовались избавлению от войны и дружбы с немцами.

Мы снова переночевали в тепле, в комфортабельных условиях, насытились трофейными продуктами питания.

23-тье ноября 1942-го года.

Весь день - на марше. Вдохновляет наступление, некоторое чувство свободы, но усталость омрачает, подавляет радость. К вечеру подошли к большому населённому пункту Бузиновка. Расположились в домах местных жителей. До нас уже побывали тут бойцы механизированных частей. Мы шли непрерывно три полных дня, преодолев не менее 120 километров и после всего, по словам местных жителей, оказались всего в 50-ти километрах от Сталинграда! Как это могло произойти?!

24-ое ноября 1942-го года.

В 10 часов утра ротных и взводных собрал командир батальона, капитан Буйный Он проинформировал нас, впервые с начала наступления сообщил некоторые сведения о противнике. Румын перед нами больше нет. Они разбиты и большей частью пленены. Нашим войскам удалось окружить около одной тысячи пехотинцев и танковую группу, примерно 100 машин. Мы должны поспешить к полю боя и разгромить окружённых немцев. Вот такими расплывчатыми сведениями о противнике мы обладали утром 24-го ноября!

Полк выступил походной колонной. Немцев поблизости нет, германская авиация также занята где-то на других участках фронта. Шли мы обычным темпом, 4-5 километров в час. О форсированном марше при накопившейся усталости и при полной выкладке не могло быть и речи. В полдень колонну догнал новый замполит, житель Грузии, бывший партработник, абсолютно гражданский человек, совершенно не обученный военному делу. Странно он выглядел в летней фуражке с красным околышем. Мёрзнет бедняга! Старшина роты через часа два принёс зимнюю шапку новому замполиту, энергичному и горячему грузину, который сразу же явил свою заботу о бойцах, доброту и приятные манеры.

А мы монотонно, машинально и без особого вдохновения отмеривали километр за километром. Встречные машины везут раненых. Впереди идёт бой, а мы всё ещё не можем приблизиться к месту событий. В 3 часа дня командование армии подогнало к нашей колонне автомашины. Командир полка Голуб не скрывал своей озабоченности и волнения. Широкоплечий, плотный майор в полушубке и войлочных сапогах на толстой кожаной подошве бежал вдоль колонны и торопил бойцов, приказывая поскорее садиться в машины. Вся наша 8-ая рота уместилась в кузове 5-ти тонного грузовика.

Мчались по дороге с ветерком и вскоре приблизились к месту боя. Остановились в 2-ух километрах от линии огня. Слышна пулемётная перестрелка, разрываются мины и снаряды. За несколько дней преследования отступающего врага мы отвыкли от боевых будней. Взволнованы и вместе с тем возбуждены. Сложное смешение чувств робости и скрываемой гордости в связи с причастностью к серьёзному событию - атаке, заставляли собраться и подготовиться к бою.

Командир полка и капитан Буйный уже ожидали нас на исходном рубеже. Нам поставили задачу наступать и заполнить брешь в 6 километров. Немцы нащупали стык между двумя нашими соединениями и пытаются сейчас прорваться, выйти из окружения. Мы успели в самый критический час.

Наш 50-ый полк развернулся в цепь и перешёл в наступление. Удалось пройти полкилометра. Попали под сильный огонь немецких 6-ти ствольных миномётов. Остановились, начали окапываться, но приказали идти вперёд и занять рубеж на линии, где бой ведут соседние части слева и справа. Шли упорно, но медленно к цели и лишь с наступлением темноты заняли позиции в 400-стах метрах от противника. Мы окапывались, но устали в походе и наступлении настолько, что пренебрегли собственной безопасностью и соорудили только лишь ячейки, а не окопы. Выставив посты, завалились спать. Холодно, а усталость берёт своё. Свой единственный миномёт приказал установить в лощинке за передним краем наших стрелков. Рядом со мной и командир роты лейтенант Корнилов. Мы вскоре задремали на земле, подстелив под бока сухие стебли степной травы.

25-ое ноября 1942-го года.

В 12 часов начали атаку. Противник встретил сильным огнём. Лощина, в которой наша рота укрывалась, постепенно и незаметно углубляется в балку. Вдоль этой балки мы теперь продвигались вперёд. Наступали фронтом на восток. Продвижение очень медленное и трудное. Вскоре и вовсе залегли. Лежали долго, пока не стемнело. Потом снова продвинулись вперёд. Наконец достигли намеченного рубежа, но почему-то остановились в 200-ах метрах впереди 7-ой и 9-ой рот нашего же батальона. Заняли оборону на выходе из балки Резников Яр. Окапывались. Я и ротный Корнилов, сидя на земле, покуривали, вели неспешную беседу о чём-то. И вдруг впереди прогремели длинные автоматные очереди, раздавались панические крики, донёсся шум приближающегося бега десятков наших бойцов. Мимо нас пробежал младший лейтенант Гришин и рядом с ним несколько красноармейцев.

На бегу он кричал: " Немцы наступают! Их много и гонятся по пятам!" В темноте ничего невозможно разобрать. Только заметны несущиеся на нас тёмные фигуры. Не стали медлить и побежали вслед за Гришиным. Изредка поворачиваемся и отстреливаемся. Ещё некоторое время неслись со всех ног. Затем замедлили шаг, но продолжали отступать. Сравнялись с огневыми позициями 82-ух миллиметровых миномётов. Миномётчики также в момент снялись с огневых позиций, начали отход вместе с нами. Отступаем, не отдаём себе отчета в своих действиях: куда нас влечёт, куда идём? Никто уже сейчас за нами не гонится.

Корнилов остановился, рядом с ним - Гришин, я и наш новый замполит. Посоветовались, решили занять оборону на этом рубеже. Сзади напирала наша же бойцы, среди них и легко раненные. Возможно, и наша стрельба в первые минуты страшного испуга поразила своих же. Наших подчинённых остановить было трудно.

С высоты справа спустился в балку высокий командир в белом полушубке, по-видимому, командир артиллерийской батареи оборудовал тут свой наблюдательный пункт. "Стойте, остановитесь немедленно!", - грозно закричал артиллерист. Его решительная команда подействовала на бойцов отрезвляюще. Поняли вдруг бессмысленность бегства с переднего края. Артиллерист сердито продолжал:

- Снова драпать вздумали! Опять к Волге вернуться хотите?! В 200-ах метрах позади - мои пушки. Сейчас же возвращайтесь в свои окопы, пока я не приказал вас расстрелять из орудий как изменников.

Только после этих слов артиллериста к нам начало возвращаться нормальное мышление. В самом деле, почему бросились наутёк? Подошли к нашим позициям немцы, спросонья кому-то показалось, что атакуют большие силы, и началось безудержное бегство. Мы всё ещё боялись противника, явно переоценивали его. Многим из нас стало стыдно после слов командира батареи. Мы молча повернули в сторону покинутой передовой и приниженно поплелись по балке к своим позициям. Страх ещё не прошёл окончательно. В темноте каждый кустик кажется вражеским солдатом. Но продолжаем идти, дрожа и часто останавливаясь. Через час-полтора восстановили положение. Ни командир батальона, ни соседние роты не заметили нашего отхода: кто обращает внимание на стрельбу и ночные крики!

До утра усиленно окапывались. Земля мёрзлая, очень твердая и под поверхностным слоем. Немцев не видно поблизости. Значит, приходила всего лишь разведгруппа и её приняли за наступающее подразделение.

26-ое ноября 1942-го года.

В течение дня вели непрерывное наблюдение за противником, пытаемся разглядеть немецкие окопы, а они тщательно замаскированы. Немного позади переднего края противника - населённый пункт Старый Рогачёв. Дождались темноты и снова начали окапываться, углублять свои укрытия. В 400-ах метрах - немецкое боевое охранение, а первая линия обороны в километре от нашего переднего края.

27-ое ноября 1942-го года.

Поступил приказ занять жёсткую оборону. Настроение испортилось, рассчитывали наступать, как другие соединения, которые успешно продвигались на запад. Но наша дивизия развёрнута фронтом на восток. Окружили какую-то группу немецких войск и возимся с ней в голой степи, изрезанной длинными балками и бесприютными оврагами. Отрыли землянку-укрытие от ветра и стужи, а накрыть её нечем. Для командира батальона и штаба полка доставили из тыла брёвна, а остальным пришлось прикрыть свои норы толстыми сухими стеблями и сверху насыпать слой земли для маскировки. В степи нет ни воды, ни дров. Освещаемся во время завтрака и ужина, поджигая старый телефонный кабель. Изоляция горит, как каганец, зловонная копоть заполняет так называемую землянку, покрывает лица чёрной сажей; а без воды не умоешься. Отапливаем землянку толковыми шашками, которые плавятся. Нет никакой опасности взрыва: отсутствует иницирующий запал.

Вечером, воспользовавшись затишьем и относительно безопасным подходом по балке, пришёл к нам "в гости" какой-то артиллерийский большой начальник. Наряжённый, как для парада, он свысока посмотрел на наш сиротливый миномёт, стоявший в балке в ста метрах от переднего края, устроил мне разнос

в присутствии командира полка, батальона и ещё каких-то сопровождающих лиц.

- Как додумались оборудовать позицию вдали от стрелковых окопов?! - гремел начальник. - Надо разжаловать лейтенанта в рядовые за такие действия! Немедленно на высотку в стрелковую роту! Там установите миномёт и ведите непрерывное наблюдение за противником!

Защитил меня капитан Буйный, пообещав высокому начальнику исправить ошибку и больше такого не допускать. Я чуть ли не бегом покинул грамотно выбранную миномётную позицию и увёл смущённых бойцов на бугор, торчавший, как мозоль. Убеждался не раз, что в тактике на уровне роты, взвода и одиночного бойца высокое начальство разбирается плохо. Лучше бы не вмешивались, больше было бы толку. Снова отрыли площадку, щели для расчёта и такую же нору-землянку, которую покинули в балке. Чувствуем себя очень скверно. В последний раз мылись в полевой бане в августе. Беспокоят вши, а санобработку только пока обещают.

28-ое ноября 1942-го года.

Ночью напала на нас немецкая разведка под прикрытием небольшого табуна лошадей. Раньше я только слышал о такой тактике, а сейчас пришлось самому убедиться в коварстве нашего противника. Открыли огонь из всех видов стрелкового оружия, и миномёт мой 50-ти миллиметровый выпустил 10-ок мин по табуну. Разведка отступила, а 4 лошади остались лежать перед нашим передним краем за минным полем. Мы увидели трупы животных под искрами осветительных ракет.

29-ое ноября - 5-ое декабря 1942-го года.

Усиливаем свою оборону. Полковые и дивизионные сапёры трудятся каждую ночь, минируют широкое пространство впереди, устанавливают в шахматном порядке фугасные огнемёты. Кроме того, нам придали и ранцевые огнемёты.

6-ое декабря 1942-года.

Наконец-то, и нам доставили дрова из села Бузиновка. Уже несколько дней, как выпал снег. Стало как-то веселей. Смыли с себя копоть. Хорошенько протопили земляную печурку с прямым дымоходом. Часто нам доставляли промёрзший хлеб. Мы отогревали его перед едой. 900 граммов хлеба на день - это достаточно, но при скудном приварке боец чаще всего съедает пайку хлеба в один присест. Наловчились проходить наше минное поле. Добираемся к убитым лошадям. На морозе туши сохранились пригодными для еды. Отрезаем куски мяса и в своей печурке отвариваем в котелках, растапливая девственно чистый снег - благо дрова ещё сохранились.

12-ое декабря 1942-го года.

Сообщили, что немцы предприняли мощное контрнаступление из района Котельниково к нам во фланг. Противник пытается деблокировать свои окружённые войска. Уже знаем, что окружили мы крупную группировку германских войск. Мы уже чувствуем себя более уверенно, чем в тот день, когда панически бежали от немецкой разведки.

13-ое декабря 1942-го года.

Разведчики нашего 50-того полка взяли пленного солдата. Он утверждает, что поляк. Немцы стали бояться называть свою национальность и скрываются под кого угодно. Пленный показал, что в окружение попали десятки дивизий. Солдату, конечно, не известно сколько. И одна румынская дивизия также оказалась в кольце. Немцы получают по 300 граммов хлеба в день, а румынские солдаты - по 100 граммов. Два раза в сутки выдают горячую пищу, отвар из конины. Лошадей кормить нечем, поэтому пустили на пищу. Надолго ли хватит конины?! Немецкие солдаты понимают, что обречены, а сдаваться в плен боятся. Помнят, что натворили, и опасаются возмездия.

А наши бойцы, которые попали в немецкий концлагерь, изредка перебегают к нам, Их перестали кормить, ослабла охрана, Приходят к нам измождённые бывшие военнослужащие Красной армии, просят оружия и готовы сразу же вступить в бой против врага. По разным причинам бойцы оказались в немецком плену. Не сомневаюсь, абсолютное большинство - не по своей вине, но проверка каждого в отдельности необходима.

14-ое декабря 1942-го года.

В три часа ночи немцы атаковали наш левый фланг. Мы открыли огонь, стреляли из всех видов оружия, не жалели боеприпасов. Мой миномёт выпустил 80 мин. Слышны разрывы гранат - близко подошли атакующие. Немцы вряд ли пытались прорваться, скорее проводили разведку боем. Наше командование не раскрывало всю систему обороны и не пустило в ход огнемёты. Бой продолжался два часа.

В пять часов утра позавтракали, а через 15 минут начался бой уже на правом фланге. И там противник не добился успеха и очень скоро прекратил стрельбу. Не верилось, что немцы ушли, полагали, что возле наших окопов осталась засада. Корнилов решил сам проверить, убедиться в том, что нет никого поблизости. Он взял одного бойца, пригласил и меня "за компанию". Мы прошли минное поле по известным нам тропкам, залегли в нейтральной полосе, затем проползли 300 метров. Немцев не обнаружили ни живых, ни мёртвых. Нашли две гранаты с длинными деревянными ручками (для увеличения дальности броска), обнаружили следы кованых сапог на снегу и больше никаких признаков боя вблизи наших позиций. Несомненно, были убитые и раненные, но немцы своих никогда не оставляют.

15-ое декабря 1942-го года.

На передовой относительно тихо. Не обходится, конечно, без пулемётных "трелей" и разрывов мин. У немцев не достаточно боеприпасов, поэтому они вынуждены соблюдать "режим экономии". Этим воспользовалось наше командование и организовало в балке санобработку личного состава. Мы избавились от вшей, с наслаждением, словно аромат, вдыхали жаркий банный запах прожарки всего нашего обмундирования - кроме кожаных поясов, сумок и портупей. Какое-то подобие бани соорудили в построенной большой землянке. Чувствуем себя комфортно!

Днём вели разговоры о предстоящем наступлении - оно неизбежно и должно состояться скоро. В двадцатых числах узнали из "солдатского телеграфа" радостные подробности разгрома деблокирующей группы генерал-фельдмаршала Манштейна. Немецкие войска бегут к Ростову, удирают так резво, что наша разведка не может обнаружить деморализованного противника.

Наши разведчики взяли "языка". Стало известно из его слов, что в окружение попали 22 дивизии, 330 тысяч солдат и офицеров. 6-ой германской армии и частично 4-ой танковой. 6-ой армией командовал Паулюс (тогда ещё - генерал-поковник), а 4-ой танковой руководил генерал Гот, которому посчастливилось оказаться вне сталинградского котла.

До конца декабря никаких особых событий не происходило на нашем участке. Ночами мы открывали сильнейший огонь по немецким позициям, называя такие морально-психологические действия сабантуем, что-то вроде праздника у татар и башкир.

У нас в роте произошёл трагический случай, во время чистки автомата погиб замполит роты. Не достаточно обученный военному делу замполит после сборки ПППШ вставил диск и поставил автомат прикладом вниз. Затвор с постоянным бойком отошёл назад, и короткая очередь пробила живот и грудь замполита. Страшная и бессмысленная смерть! Недолго повоевал у нас в роте замполит. Мне он запомнился как энергичный и настойчивый политработник, он настоял, чтобы я вступил в кандидаты компартии. С 25-го декабря окружённые германские войска начали праздновать свой главный праздник - Рождество. Можно себе представить настроение обречённых!

1-ое января 1943-го года.

Ровно в 00 часов по московскому времени наше командование организовало "Большой Сабантуй". Особенно интенсивно работала наша артиллерия. Артподготовка продолжалась полтора часа. Передний край противника и глубина его обороны - в сплошных разрывах. Особенно впечатляет зрелище в темноте ночи. Кажется, что всё горит на немецкой стороне! Враг сильно укрепил свои позиции и способен перенести не один такой налёт. Ведут огонь и станковые пулемёты "Максим", не жалея патронов. Перегреваются стволы, приходится то и дело заливать воду в кожух охлаждения. Я тоже из своего миномёта выпускаю десятки мин, хотя и знаю, что для укрывшегося в блиндажах противника они не страшны.

Когда прекратилась стрельба, немцы начали освещать местность ракетами, ожидая нашей ночной атаки. Наступила тишина, прерываемая короткими пулемётными очередями. И в промежутках между пулемётными очередями я услышал глухой стон. Через минуту - голос: "спасите..." Справа усилилась стрельба. Заработала и наша артиллерия.

Утром выяснилась, что на правого соседа навалилась разведка, которая целиком состояла из власовцев (изменников, набранных генералом Власовым после сдачи в плен противнику). Им удалось бесшумно снять двух часовых. Заколов ножами красноармейцев, власовцы неожиданно ворвались в окопы правого соседа и натворили много бед. И всё же схватку они проиграли, отступили, оставив пятнадцать тел на поле боя. Раненные и пленённые вражеские лазутчики были отправлены в штаб дивизии.

Днём мы отдыхали. Со стороны противника доносится к нам ветерком немецкая музыка. Празднуют обречённые на уничтожение солдаты и офицеры, зажатые плотным кольцом наших войск. Воистину - пир во время чумы!

2-ое января 1943-го года.

Ежечасно - разговоры о скором нашем переходе в наступление. На участке 50-ого полка и в полосе дивизии появилось много артиллерийских батарей разного калибра. Командир батальона собрал ротных и взводных и рассказал подробно

о противостоящем непосредственно нам противнике. Мы должны атаковать пехотный батальон полного состава. Вооружение - пулемёты, пушки прямой наводки, миномётная батарея. Пехотному батальону придана артиллерия большого калибра, поддерживает пехотинцев батарея 6-ти ствольных миномётов. Пулемётный огонь - трёхслойный. Перед окопами установлено минное поле и устроено препятствие в виде наледи, которую трудно будет преодолеть. Столько страху нагнал на нас капитан Буйный, что и трудно себе представить, как добиться успеха в наступлении. А к окопам противника предстоит пройти под жестоким огнём около километра!

Наступать придётся на населённый пункт Старый Рогачёв. Расходились молча. Немецкие транспортные самолёты и тяжёлые бомбовозы, рокочут непрерывно над нашим районом обороны. Зенитчики ведут огонь, а самолёты прорываются к окружённой группировке и снабжают войска боеприпасами и продовольствием. Когда я подходил к своему укрытию, произошло радостное событие. Нашим зенитчикам (кстати, прибывшим из-под Москвы) удалось сбить немецкий бомбардировщик. Самолёт падал, как нам казалось, медленно. Не только я, а и большинство бойцов и командиров покинули свои укрытия и наблюдали падение сбитого самолёта. Он упал в расположение нашего батальона, между стрелковыми окопами и позициями артиллерийских батарей. Раздался взрыв, разнесший бомбардировщик вместе с грузом. И когда рассеялся дым, все увидели раскрытый парашют одного из уцелевших лётчиков.

Десятки бойцов бежали туда, где предстояло приземлиться парашютисту. Не удалось парашютисту упасть в расположение своих войск. Немец оказался в нашем плену. Его повели на наблюдательный пункт капитана Буйного, а комбату не терпелось из первых уст узнать новости о снабжении противника, о расположении аэродромов вылета и посадки. Капитан, вспомнив, что я владею немецким языком, привлёк меня к допросу пленного. Беседа происходила в штабной землянке.

Передо мной сидел на земляном топчане, застеленной плащ-палаткой поверх сухих стеблей, насмерть перепуганный обер-фельдфебель в меховых унтах и тёплой кожаной куртке. Он был бледен и, казалось, в состоянии какой-то заторможенности. Отвечал на все вопросы, в частности сказал, что вылетел с аэродрома у станции Тацинской, и там стоят 300 самолётов без горючего. Позже это подтвердилось.

8-ое января 1943-го года.

На склонах нашей балки и вблизи окапываются артиллерийские батареи. Усиливаются морозы. Невозможно находиться долго на снегу вне укрытий.

10-е января 1943-го года.

В 10 часов утра на правом фланге началась артподготовка. И наш полк зашевелился в ожидании приказа на начало наступления. Нам, командирам, а также пулемётным расчётам и моим миномётчикам выдали стальные панцири для защиты груди и живота.

Вечером вызвали в политотдел дивизии. В высокой землянке в торжественной обстановке начальник политотдела, полковник, вручал кандидатские карточки вновь принятым фронтовикам передовой. По-доброму напутствовали нас и пожелали успехов в завтрашнем наступлении, которое начнётся с утра.

11-ое января 1943-го года.

В 4 часа утра полк занял исходный рубеж для наступления. Через два часа начнём. Время пришло, а мы почему-то не начинаем. Немцы обнаружили наше сосредоточение и открыли сильный огонь. Справа разгорается серьёзный бой, но, по-видимому, сосед пока успеха не добился. А населённые пункты Старый и Новый Рогачёв всё равно придётся брать нам, 15-ой гвардейской дивизии! Затем, после овладения разъездом Басаргино, мы должны соединиться с другими войсками, наступающими правее нас.

Противник нанёс нам некоторые потери, и ещё по расхлябанности одного из командиров произошла трагедия. На переднем крае окопалась 82-ух миллиметровая миномётная рота. Старший на огневой, чрезмерно импульсивный лейтенант, с таким азартом дублировал команды стреляющего, будто от его зычного голоса зависела точность стрельбы. "Беглый огонь! Какой это к такой-то матери беглый?!" - остервенело ругал лейтенант своих бойцов. И случилось самое страшное, что только может произойти при миномётной стрельбе. Не успела вылететь опущенная заряжающим мина, а командир расчёта поднёс к срезу ствола очередную. Страшный взрыв потряс всю огневую, вверх полетели оторванные руки, куски тел. Весь расчёт погиб и ранения от осколков ствола получили два бойца соседнего расчёта. Я как миномётчик из любопытства стоял недалеко от огневой. Когда произошла трагедия, мне хотелось кричать, обругать дурака-лейтенанта, виновного в гибели людей, но я ему не начальник. Что же, как-нибудь оправдаются, спишут на противника!

Так и не перешли сегодня в наступление. Прошёл день в ожидании успехов соседей, с которыми были связаны и наши дальнейшие действия.

Очень устал, продрог. Вернулся в свою землянку и проспал до следующего утра.

12-ое января 1943-го года.

Снова готовимся к началу наступления, но на исходный рубеж не вышли. Соседи пока ещё не достигли ощутимых успехов, в этом причина и медлительности нашей дивизии. Впрочем, высшее командование не считает нужным информировать нас о своих замыслах. С утра командир полка майор Голуб организовал разведку боем. 5-ая рота должна была приблизиться к боевому охранению немцев по правую сторону балки и по возможности привести "языка".

В полдень меня вызвали в штаб батальона и приказали провести полковых разведчиков по балке через минное поле и поддержать своим миномётным расчётом. 5-ая рота попала в засаду и без нашей помощи не сможет вырваться и возвратиться на исходный рубеж. Прошли минное поле, которое оказалось в стороне от исходного рубежа наступления полка. Нам удалось сбить боевое охранение немцев. Возможно, противник этого и ждал и охотно ретировался на свои укреплённые позиции.

13-ое января 1943-го года.

В 8 часов с исходного рубежа правее балки Резников-Яр после 10-ти минутного артналёта мы перешли в наступление. Полк продвинулся всего на 200 метров. Вынуждены были залечь под сильным пулемётным огнём противника. Из глубины немецкой обороны раздался пугающий скрип "Ванюши", и через несколько секунд тяжёлые мины 6-ти ствольного миномёта упали в расположение нашего 3-го батальона. Неглубокие воронки, похожие на

пригоревшие огромные блины, остались на снегу, к счастью, обошлось без прямых попаданий, но несколько наших бойцов получили ранения.

Как назло, и мороз сегодня был особенно жесток. Противник экономил боеприпасы, но стоило нам лишь попытаться продолжить наступление, как тот час же немецкие пулемёты нас укладывали в снег. Пришлось отрыть мелкие ячейки для стрельбы лёжа. И всё же, стужа и колючий ветер оказались посильнее страха смерти. В разных местах бойцы приподнимались, совершали быстрые перебежки и снова падали ничком в снег. Несмотря на то, что мы были отлично обмундированы в зимнее, не надеялись выдержать до наступления темноты.

Вскоре поступил приказ отойти всем на исходный рубеж. Были рады, хотя сегодняшнее наступление и было сорвано.. Вечером нас накормили ужином и приняли необходимые меры против обморожения. Когда стемнело, стали появляться начальники всех рангов, заходили в землянки, беседовали с бойцами. И ко мне пришёл начальник политотдела дивизии в сопровождении двух капитанов. Под низкой "крышей" при освещении трофейных стеариновых площадок полковник тепло со мной поздоровался, вспомнил, как вручал мне кандидатскую карточку и был очень рад, что я не пострадал в сегодняшнем неудачном наступлении. А потери у нас - и от огня противника, и частично от обморожения.

14-ое января 1943-го года.

В 5 часов утра вышли на новый исходный рубеж, в 800-ах метрах правее прежнего. В течение двух часов лежали на снегу, а в 7 утра после короткого артналёта дивизионной артиллерии поднялись во весь рост и начали наступление. Противник молчит, не встречает нас, как вчера, пулемётным и миномётным огнём. Ушли немцы! В нашей полосе - тишина, а слева, у населённых пунктов Карповка и Мариновка, идёт тяжёлый бой.

Наш 50-ый полк совершил глубокий обход Старого Рогачёва и оставил у себя в тылу Новый Рогачёв. Когда мы проходили покинутый передний край противника, то благодарили судьбу за сегодняшний подарок, который преподнесли нам немцы. Как бы мы под пулемётным огнём поднялись на ледяной косогор, по которому теперь скользили, словно на санках, и лишь с помощью товарищей сумели преодолеть препятствие?!

Мы продвигались в приподнятом настроении. Несмотря на морозную туманную дымку, в небе появились наши штурмовики "ИЛ-2". Самолёты сбрасывали небольшие бомбы на позиции противника и в глубине его обороны, обстреливали из пулемётов и разбрасывали листовки, разъясняя немцам, что им лучше сдаться в плен, чем подвергаться испытаниям в кровопролитных боях.

Поступил приказ остановиться. Мы заняли оборону на высоте. Я и командир роты Корнилов нашли брошенный блиндаж. Немцы начали обстрел занятой нами высоты из пулемётов и пушек, вели огонь из населённого пункта Рогачик, черневший слева в лощине. Мы стали обходить другие блиндажи и взяли в плен четырёх офицеров. Они не успели отступить или не знали об отходе своих подразделений. Опять я допрашивал пленных. Они показали, что должны были взорвать склад боеприпасов, но не сделали этого будто бы из соображений нашей безопасности. Когда же эти завоеватели успели стать гуманистами?! И пока я беседовал с пленными, шустрый наш взводный, младший лейтенант Гришин, сумел забрать у всех четырёх часы, хотя и знал одно лишь немецкое слово - "Ур", достаточное для приобретения трофеев.

Мороз крепчает с каждым часом - казалось, куда ещё усиливаться стуже? Вынуждены развести костры. Ни мы, ни немцы не ведём огня, будто застыли все от холода. Противник укрепился в населённом пункте.

15-ое января 1943-го года.

Продолжили наступление, оставив слева Рогачик. Вскоре соединились с соседом, который наступал правее нас. Продвигаемся вслед за танками. Настроение - праздничное. Противник оставил сотни автомашин, армейские повозки без лошадей, давно уже отваренных в солдатских котлах. Толпы пленных уныло тянутся к нам в тыл. Мы пересекли железную дорогу, оставив её слева. Попали под обстрел 20-ти миллиметровых авиационных пушек со стороны аэродрома. Там сосредоточены десятки германских самолётов, которые не сумели покинуть кольцо. Правда, несколько машин ещё пытались подняться в воздух. Ревели моторы, пилоты отстреливались из пушек и крупнокалиберных пулемётов, но - поздно: наш третий батальон ворвался на лётное поле. Открыли интенсивный огонь по самолётам.

Мы залегали за неподвижными машинами, совершали перебежки и не давали пилотам трёх готовых к взлёту самолётов покинуть аэродром. Несколько наших бойцов получили ранения, точнее, - увечья от 20-ти миллиметровых снарядов и пуль крупного калибра. Аэродромом мы овладели быстро, сожгли три самолёта на старте взлётной полосы, а остальные машины так и остались стоять без горючего.

Наш полк вывели во второй эшелон дивизии. В первый перешли 47-ой и 44-ый полки нашей 15-ой гвардейской дивизии. Немецкие солдаты покидают балки и глубокие овраги и сдаются в плен. Не считали пленных, но говорят их около 5000 в нашей полосе наступления. Мы овладели разъездом Басаргино. Нашу дивизию, начиная с ноября 1942-го года, перебрасывали из одной армии в другую. Прорыв осуществили в составе 51-ой армии, фронт окружения держали в составе 57-ой армии, а после сегодняшнего дня уже оказались в полосе 64-ой армии генерала Шумилова. Идём к большой станции Воропоново. Ночью сделали привал рядом с пылающими немецкими автомашинами, которые они же сами и подожгли.

16-ое января 1943-го года.

Между прочим, мне сегодня исполнилось 20 лет! Идём к станции Воропоново. Остановились в двух километрах от станции. Наш первый эшелон успеха не добился. Мы сделали привал, и тут произошёл несчастный случай с командиром роты Корниловым. Устали сильно, пробираясь без дорог и по глубокому снегу к железной дороге. Корнилов поставил свой автомат стволом вверх, три пули изуродовали ладонь ротного. Он вскрикнул от боли и неожиданности. Опытный фронтовик так по-мальчишески пострадал! Но не ранение его волновало, а предстоящая встреча с медиками. Ожог ладони могут расценить как умышленное членовредительство. За это можно попасть под военный трибунал. Сделали ротному перевязку, и он отправился к командиру батальона в сопровождении санинструктора, который должен подтвердить, что ранение произошло непреднамеренно.

Роту принял Гришин. Мы стояли в снегу несколько часов, приказа на продвижение к железной дороге не было. Успели срезать ремни тяжёлых панцирей (всё же - 1,8 килограмма!), расстались и с противогазами по распоряжению комбата. Всё это снаряжение подобрали наши хозяйственники.

С наступлением темноты спустились в ложину. Батальон разместился в длинном каменном сарае, в котором ранее находилась какая-то совхозная ферма. Во всяком случае, в сарае тепло. Освещаемся трофейными стеариновыми плашками. И вообще с переходом в наступление мы пополнили свой рацион питания за счёт "посылок" с неба: немецкие парашюты с консервированными продуктами из всей Европы, как и прежде, достаются нам. Мой расчёт, по старой памяти именуемый миномётным взводом, занял угол в конце сарая. Нам доставили ужин. Вспомнили про мой день рождения. По сто граммов выпили, закусили бельгийскими шпротами, мясным паштетом и шоколадом - бесконечно рады трофеям!

22-ое января 1943-го года.

В течение 6-ти дней отдыхали, "прохлаждались", как принято выражаться в таких случаях, но морозы вовсе не ослабли. Воропоново находится в 10-ти километрах от окраин Сталинграда. Это последний рубеж немецкой обороны, далее - городские руины. Понятно, противник будет до последнего сражаться на этом рубеже. Местность за станцией сильно пересечённая: балки, овраги, возвышенности, перекаты; глубокий снег и отсутствие дорог в полосе продвижения нашей дивизии.

В 4 часа утра мы покинули "свой сарай" и вышли на исходный рубеж. Окопались кое-как. Наш батальон составляет резерв командира дивизии. Лежим всего в 800-ах метрах от переднего края противника. Впрочем, вряд ли существует у немцев ещё и какая-то глубина обороны. Противник приспособил под окопы, блиндажи и дзоты железнодорожное полотно, глубоко вкопавшись в грунт.

В 9,30 началась наша артподготовка. Наблюдали залп тяжёлых гвардейских миномётов. Головастые снаряды медленно парили на небольшой высоте над нами и затем врезались в железнодорожную насыпь, с огромной силой взрывая рельсы, шпалы, поднимая вверх фонтаны серого снега и глыбы чёрного льда. Мы впервые увидели эту новинку. Все без команды поднялись на ноги, наблюдали за полётом длиннохвостых снарядов с шарообразной головной частью. В восторге бойцы тут же нарекали именами - кличками диковинные снаряды: то Андрюшей, то Иваном Грозными даже Лукой. За нами, точно ограждения от снежных заносов вблизи железнодорожного полотна, стоял ряд установок для запуска с земли тяжёлых реактивных снарядов.

Мы считали, что с немцами всё покончено на нашем участке. Артподготовка продолжалась около двух часов. Не только "РС"-ы, но и артиллерия разных калибров разносила оборонительный рубеж противника. А когда поднялась наша пехота, немцы открыли пулемётный огонь на правом фланге. Артиллерия противника не подавала признаков жизни. Изредка вели огонь немецкие батальонные миномёты. Две мины разорвались в нашем расположении, в нескольких метрах от меня. Один боец убит, двое ранены, а я невредим. Опять повезло! Меня считают удачливым. И мне порой начинает казаться, что суждено уцелеть до конца Сталинградской битвы.

Итак, наш правый фланг залёг под сильным немецким огнём, а левый свободно продвигается вперёд и даже повозки выезжают на передний край и переваливают через железнодорожные пути. Машины, орудия, полевые кухни, всё устремилось вперёд. Потом и полковой обоз подтянулся к железной дороге, остановился в пятистах метрах от путей. Недоумевают тыловые начальники, ничего подобного никогда не случалось: рядом - захлёбывается пулемётный

дзот, а в сотне метрах левее совершенно безопасно. Почему же немцы не уходят? Собственно, и уходить им некуда: они - смертники, пытавшиеся оттянуть гибель своих солдат и офицеров, застрявших в городских развалинах.

Приближался закат. Командир полка, майор Голуб, забрал из дивизионного резерва две роты, 7-ую и 9-ую, и приказал обезвредить немецкий дзот. В батальоне осталась одна только 8-ая рота, в командование которой вступил начштаба батальона Шевченко. Он чем-то провинился и командиром дивизии был понижен в должности. Наши сапёры поставили дымовую завесу. После короткого артналёта роты ворвались в дзот с тыла. В живых не остался ни один немецкий солдат. Наша 8-ая рота перешла в первый эшелон.

23-тье января 1943-го года.

В 0 часов 30 минут снова перешли в наступление. Наша дивизия, взаимодействуя с левым соседом, освободила населённый пункт Алексеевка и лагерь, в котором содержались наши военнопленные. Их просто перестали кормить, ослабили охрану лагеря, но наши бывшие бойцы настолько ослабли, что уже не было сил бежать. Штабеля обледенелых трупов высились вдоль ограды. После освобождения лагеря некоторые пленные вышли на простор, несмотря на запрет врачей. Измождённые, больные бывшие красноармейцы могли стать переносчиками инфекционных заболеваний.

Мы ротой расположились в просторной немецкой землянке и к нам забрёл шатающийся пленный. Высокий, исхудавший до предела человек в лохмотьях еле держался на своих ногах, обмотанных какими-то чёрными кусками одеяла. Голова нашего несчастного гостя также была обёрнута тёмными тряпками. Лицо - жёлтое, глубоко запавшие бесцветные глаза, в которых ни мысли, ни жизни. Он едва слышно поздоровался с нами. Мы его усадили на топчан, дали поесть, но он был настолько слаб, что едва откусил несколько кусочков хлеба, проглотил три ложки супа и больше не смог. Разговорились. Я спросил его, когда он ел в последний раз. Пленный дребезжащим хриплым голосом поведал такое, во что было трудно поверить. Немцы довели наших пленных до каннибализма (людоедства!). Через полчаса в землянку вошёл кто-то из дивизионных медработников и забрал пленного.

Мы долго находились под впечатлением рассказа военнопленного, не могли уснуть. В эту ночь нам и не пришлось отдохнуть. Роту подняли по тревоге и приказали занять в расположении противника высоту 193. Эта господствующая высота находилась в нескольких километрах в немецком тылу. У меня возникло сомнение, знал ли командир дивизии о том, что в резерве у него не батальон, а всего одна рота? Слишком сложную задачу нам приказали выполнить ночью!

8-ая стрелковая рота с приданными 82-ух миллиметровыми миномётами и двумя станковыми пулемётами двигалась по широкому оврагу под началом капитана Шевченко. Рядом с ним шёл взводный Гришин, а я со своим отживающим свой час ротным миномётом двигался в нескольких шагах позади. Мы прошли в темноте несколько километров, Шевченко осветил фонариком топографическую карту и сказал, что перед нами подножие высоты 193. И вдруг услышали немецкий оклик "Хальт!". Мы сделали несколько одиночных выстрелов. Немцы тотчас же убежали. Гришин вызвался провести разведку. Вслед за ним медленно поднималась малочисленная стрелковая рота. Идти тяжело. Каждую минуту можно сорваться со снежного склона. Поднялись к вершине высоты. Шевченко приказал остановиться, а Гришин прошёл несколько шагов вперёд. И вдруг раздался одиночный винтовочный выстрел.

Гришин упал. Кто-то из его бойцов поспешил на помощь, но Гришин уже был мёртв. Неизвестно, сколько солдат противника находилось на высоте 193, но они отступили и скрылись в ночи.

А младший лейтенант Гришин, получив пулевое ранение в голову, погиб. Его смерть произвела на всех тяжёлое впечатление. Шевченко приказал занять оборону. Задачу рота выполнила полностью. На высоте нашли недавно отрытый окоп, завернули тело погибшего командира взвода в плащ-палатку и похоронили на вершине, к которой Гришин сделал последний шаг в своей жизни. Кто и когда найдёт могилу командира второго взвода 8-ой роты 50-ого полка?

Когда рассвело, мы осмотрелись вокруг и поразились дерзости нашей ночной вылазки. В 700-ых метрах от высоты, которой мы овладели, - две высотки пониже, слева - широкий овраг, а за ним - ещё две высотки, на которых расположились немецкие солдаты, их не менее 500-от. Все стоят в полный рост. Ни мы, ни противник огня не ведём. Вскоре в расположении немцев заметили активное передвижение. Солдаты спускаются вниз. Должно быть, увидели, сколько нас и решили атаковать. Но противник опоздал: по утоптанной тропе оврага уже двигались наши войска. Немцы и не смогли уже оторваться от наших полков, безбоязненно двигавшихся колонной к Сталинграду. 8-ая рота спустилась с высоты 193. присоединилась к своему 3-тнему батальону. Капитан Буйный поздравил сияющего временного ротного с успехом. Подошёл и командир полка, майор Голуб. И он пожал руку победителю, пообещал восстановление в должности начштаба батальона.

В этот день мы взяли много пленных, захватили два исправных танка (конечно, без горючего!). А сотни и сотни армейских повозок без конского состава и упряжи аккуратно стояли в балках. Горы оставленного снаряжения, канистры, лотки, темно-зелёные ящики и прочее армейское имущество - на всём пути к городу. Мы уже не спешили: противник зажат в Сталинградских развалинах и дни его сочтены

Мы прошли не менее 8-ми километров, кружа по бесконечным балкам. Остановились в овраге в трёх километрах от района Дар-Горы, деревянной окраины Сталинграда южнее реки Царица. Немцы настроили десятки прочных землянок, рассчитывая в них пересидеть суровую зиму. Не пришлось им насладиться теплом и уютом!

26-ое января 1943-го года.

В пять часов утра мы выдвинулись на исходный рубеж перед немецким передним краем, который проходил по обледенелой возвышенности. До этого провели в овраге митинг, построив изрядно поредевший полк лицом к начальству. Горячо и торжественно говорил заместитель майора Голуба по политчасти. Я теперь уже командую 8-ой ротой. Капитан Шевченко за овладение высотой 193 был прощён и снова занял свою должность начальника штаба 3-го батальона.

Мне выпала честь первым войти в Сталинград через Дар-Гору, вести разведку боем, наступать в авангарде полка. Решение, безусловно, верное: вести бой широким фронтом невозможно в городских развалинах. После пригорода должны выйти на улицу и двигаться вдоль промёрзшей на метр реки Царица. На восьмую роту после успешного овладения высотой 193 командование возлагало надежду. Собственно, ротой мы являлись лишь номинально: 16 стрелков при двух ручных пулемётах, четверо солдат при двух противотанковых ружьях, 8

пулемётчиков, кативших два "Максима", и я во главе всего этого подразделения.

Мы поднялись на ледяной бугор. Огонь противника слабый. Впереди заметили проволочное заграждение в один ряд, скособоченные колья и довольно широкий неприкрытый проход. Перед заграждением увидели четыре обледенелых тела, судя по очертаниям формы, - останки наших солдат. Военнопленные, вероятно, при попытке совершить побег из города были безжалостно расстреляны немцами. Мы остановились, очень тяжкое впечатление от увиденного зверства. Сами немцы погибают и продолжают губить наших людей. Озлобились бойцы, рванулись вперёд, презрев осторожность. Мы приближались к уцелевшим деревянным домикам. Мне не нравилось такое неосторожное и быстрое продвижение. Я остановил бойцов, потребовал действовать по боевому Уставу, перебежками от укрытия к укрытию, тем более под участвовавшим ружейным немецким огнём.

Противник отступал. Мы прошли пригород и вышли на улицу вдоль реки Царица. То, что увидели, улицей назвать невозможно. Поваленные телеграфные столбы, развалины каменных строений, оголённые фундаменты, глубокие воронки посреди шоссе, огромные глыбы льда, разбитые пушки, пулемёты и сотни не похороненных тел - наших бойцов и немецких солдат. Противник прекратил всякую стрельбу и отходит всё дальше и дальше по долгой улице. За нами ускоренным шагом движется колонна полка. Вскоре 8-ая рота оказалась уже позади. Не нужен больше авангард! Победный марш наших бойцов продолжался с неугасающим энтузиазмом. Выполнив свою задачу, полк остановился на дороге, разнесённой бывшей улице. Через несколько часов появилась колонна окоченевших пленных немецких солдат в соломенных ботах поверх одеревенелых кожаных сапог; в накиннутых на головы старых одеялах. Похоронным медленным маршем безоружная масса брела к нам в тыл. Страшное и жалкое зрелище поверженной еще недавно победоносной армии!

Строжайшим приказом было запрещено мстить пленным. Наши бойцы стояли на обочине, много среди них было совершенных сирот, потерявших родных по вине германских завоевателей. Пленные двигались под охраной красноармейцев комендантских подразделений. Кое-кто из наших бойцов украдкой выводил из строя одного-двух пленных и осуществлял над ними самосуд. Кое-кому это сходило с рук, но некоторые самозванные судьи сами попадали под трибунал.

Ночь мы провели в уцелевших домиках, потеснив чудом сохранившихся жителей полумёртвого города. Мы знали, в центральной части Сталинграда и заводских районах шли тяжёлые бои, и всё же не представляли себе, что город почти весь оказался в руках врага. Только небольшая часть береговой линии и несколько зданий удерживались частями 62-ой армии. Немного лучше обстояло дело в полосе 64-ой армии.

27-ое января 1943-го года.

Отдыхали в течение всего дня. Наше командование отправило парламентёров в расположение немецких войск. Парламентёры были обстреляны: не желают немцы сдаваться. Тем хуже для них. Завтра будем наступать, перейдём реку Царица.

28-ое января 1943-го года.

В 10 часов утра мы вышли на лёд реки Царица и попали под интенсивный пулемётный обстрел противника, который закрепился на высоком северном

берегу. Перед наступлением командир батальона сказал, что мы должны оказать помощь воинам 62-ой армии и отбить у немцев Мамаев Курган. За эту высоту шли непрерывные бои. Высота переходила из рук в руки, и сегодня приказано её вернуть нашим войскам и вообще покончить с северной группировкой противника.

С утра я чувствовал себя плохо, поднялась температура. Комбат был готов меня освободить от участия в наступлении, но роту некому было передать. Кроме того, было неудобно перед товарищами: что могут подумать?

Останавливаться под огнём нельзя было. Мы бежали к противоположному берегу и, скользя, падая и снова поднимаясь, достигли немецкой траншеи и сбили противника с его позиций. Немцы быстро отходили к посёлку, который был обозначен десятком разбитых домов. Командир батальона сообщил, что задача батальона и полка изменена. Мамаев Курган уже освобождён другими частями, а нам остаётся лишь преследовать немцев и выйти на северную окраину города.

В посёлке захватили брошенный аптечный склад. Задержались немного, рассматривая бутылки с тройным одеколоном, коробки, баночками с различными мазями и микстурами; на стеллажах вдоль стены - горы упаковок со всевозможными таблетками, бутылочки с бриллиантовой зеленью и йодом, - и прочих лечебных снадобий. Нам всё это ни к чему, разве только несколько флаконов одеколона - не бутылки же тащить с собой в наступление! Выбрались из аптечного склада и продолжили движение к окраине. По пути по всей ширине растянулась балка. Мы подошли к ней. Балка вся была забита трупами германских солдат, лежали они штабелями в несколько рядов доверху. Мы никак не могли обойти балку. Пришлось пройти по оледенелым телам ....

Взяли немецкий штаб. Мы набрали там всевозможных марок пистолетов, Цейсовские бинокли, офицерские планшеты и прочее богатство. Захватили пленных. Кроме того, большинство "небесных посылок", предназначенных окружённым солдатам и офицерам, доставались нам, как и прежде. Немецкое командование как бы каялось перед обречёнными солдатами за то, что не позволило им сдать в плен и спасти свои жизни. Но было уже поздно: никакими консервами, круглыми шоколадками и прочими деликатесами уже никого не удастся спасти. Когда опустились январские сумерки, мы вышли на северо-западную окраину города остановились недалеко от кладбища. И совершенно неожиданно нас обстреляли из автоматов. Наши пулемётчики тот час же открыли ответный огонь и в считанные минуты им удалось подавить нежданного противника. Подошли поближе к кладбищу, подобрали двоих раненых, которые от боли матерились по-русски. Нападавшими оказались наши же предатели из спецподразделений генерала Власова. Группа из 15-ти солдат окопалась возле батальонной кухни, терять этим предателям было нечего. Вот они нас и обстреляли. Пленных отправили к комбату. А убитые так и остались лежать возле полевой кухни, в котле которой варилась какая-то каша. Бойцы моего подразделения попробовали немецкое варево.

Ночь мы провели в землянках и подвалах домов на окраине города. Было холодно. Некоторые бойцы отогревались разбавленным водой тройным одеколоном, которым запаслись на аптечном складе. Угостили и меня. Неопишуемая молочно-белая гадость!

29-ое января 1943-го года.

С 29-го января до 2-го февраля мы отдыхали в уцелевших домах пригорода.

2-ое февраля 1943-го года.

Сегодня капитулировали остатки германских войск, чудом уцелевших в Сталинграде. Мы стоим на обочинах улицы, там, где до боёв были тротуары, и любуемся незабываемым зрелищем. Перед нами - поверженная Германия, так мы воспринимаем марш разбитых и безоружных воинов в их жалких лохмотьях. Обмороженные лица, обмотанные головы, безумные глаза и широкие соломенные боты на ногах поверх сапог. Правда, появляются и колонны, в которых преобладают медсёстры с нарукавными повязками красного креста, вероятно, они обслуживали госпитали, лечили раненых и больных.

Трудно привыкнуть к новой ситуации: сегодня мы сразу же оказались в глубоком тылу, в 500-ах километрах от фронта, который проходит теперь по Харьковской и Ворошиловградской областям! Победители ликуют, не прекращается ружейно-пистолетный салют, который доносится из чрева бесконечных городских руин. Мы отстояли Сталинград, полностью разгромили одну из сильнейших германских армий. Это ли не повод для гордости!

Сапёры в балке соорудили баню. Мы с наслаждением помылись, сбросили с себя старое бельё и почувствовали себя, как новорождённые.

5-ое февраля 1943-го года.

Ещё раз помылись в бане. Обмундирование подверглось полной дезинфекции, многим заменили обветшавшие гимнастёрки и брюки. С валенками ещё не расстаёмся - мороз не щадит. Из политотдела дивизии прислали в роту замполита.

15-ое февраля 1943-го года.

Вышли из Сталинграда и остановились в населённом пункте Дубовый Овраг, где держали оборону осенью 42-го года. Там уцелели дома, в которые мы и не заходили во время боёв. В этих домах мы теперь отдыхали, а в течение дня проводили занятия по огневой и тактической подготовке, занятия, которые считали совершенно ненужными после того опыта войны, который приобрели за 200 дней и ночей Сталинградского сражения. Возвратились в село эвакуированные жители (хотя и не все ушли, как я ранее заметил!), завязывали знакомства молодые женщины с солдатами полка. Жизнь начала налаживаться. И вдруг, ещё не дождавшись пополнения, нам в самом конце февраля приказали готовиться к отправке на фронт.

6-ое марта 1943-го года.

На станции Сарепта погрузились в эшелон и к вечеру отправились ещё раз попытать счастья в боях с неутомимым и неистребимым врагом. Эшелон тянется медленно, с частыми и продолжительными стоянками в пути. Проезжали в первый день Сталинград. Ещё не все тела погибших похоронены. Этим занимаются пленные немцы. Сталин в своём приказе от 23-го февраля отмечал, что в городе, на улицах, остались по окончании боёв 100 тысяч наших погибших бойцов и 130 тысяч немецких солдат, не преданных земле.

Мы теперь - уже не красноармейцы и командиры, а солдаты и офицеры. Вернули армии и погоны. Выехали из города. По обе стороны железнодорожных путей - кресты немецких воинских захоронений. На каждом кресте - стальная каска. Образцовый немецкий порядок. Кладбища растянулись на много километров. Вот оно, завоёванное Германией пространство!

Уже 4-ре дня находимся в пути. Проехали станцию Поворино и взяли курс на Елец, но повернули на станцию Грязи Воронежские, где и застряли на целых 10 дней. Мимо нас на фронт проходят десятки эшелонов, наша дивизия и полк, по-видимому, давно в боях, а нас будто потеряли и некому отправить 3-ий батальон 50-го полка к месту назначения. Настроение невесёлое. Слышен шум моторов немецких бомбардировщиков, прерывающийся гул. Узнали от железнодорожников о том, что немцы в районе Изюм и Барвенково перешли в наступление, снова овладели Харьковом и добились успехов под Белгородом.

20-ое марта 1943-го года.

Станцию Грязи Воронежские бомбили немецкие самолёты. Мы стояли на последней ветке (за нами - степь), на нас бомбы не падали. Пострадал эшелон, в котором двигались на фронт выпускники пехотных училищ. Жалко ребят, которые погибли, так и не добравшись к месту боёв. Наконец, нас отправили по назначению. Помогли офицеры второго эшелона штаба 64-ой армии, ныне переименованной в 7-ую Гвардейскую. По пути налетают германские самолёты.

22-ое марта 1943-го года.

На станции Лиски, около города Воронеж, мы попали под сильную бомбёжку. Пострадал наш паровоз и два первых вагона. Хвастая друг перед другом, я и ещё двое офицеров не покинули вагон, не побежали в поле, хотя было очень страшно.

3-тье апреля 1943-го года.

Выгрузились, не доехав одну станцию до Волоконовки. Предстоит пеший переход. Непролазная грязь. Больше 15-ти километров за день не пройдёшь. За 4 дня одолели 60 километров пути и 7-го апреля заняли оборону вблизи города Волчанск.

10-ое апреля 1943-го года.

Нас переместили на другой участок. Противник ведёт сильный артобстрел наших позиций. Укрепляем оборону, строим дзоты с многонакатными перекрытиями, хотя почва в этих местах песчаная и с трудом выдерживает пять накатов, но начальство требует 8-12. Такое указание сверху не нравилось командирам рот и батальонов, и они всеми способами старались поступать по-своему, руководствуясь здравым смыслом и боевым опытом.

Прислали нового командира 8-ой стрелковой роты, а меня оставили при нём заместителем по строевой части. Взводы 50-ти миллиметровых миномётов ликвидированы. Так называемые ротные миномёты в боях себя не оправдали. Продолжается распутица, питание плохое, продукты доставляются частям с большими перебоями.

15-апреля 1943-го года.

Опять переместили на новый участок обороны.

20-ое апреля 1943-го года.

Приходится повторять: "Опять перешли на новый участок обороны!" Мы получили пополнение, это в основном призывники из среднеазиатских республик. Они плохо обучены, слабо владеют русским языком.

28-ое апреля 1943-го года.

Наш 3-ий батальон занял оборону во втором эшелоне полка на повороте железнодорожной ветки в 4-ёх километрах севернее города Волчанск Белгородской области. Впереди река Северский Донец, взорванный и наполовину затопленный в реке железнодорожный мост, а за ним - возвышенности, поросшие смешанными лесами. Там сидят немцы, скрывая в лесных зарослях свои войсковые тайны. Мы снова строим дзоты и блиндажи. Немцы аккуратно сбрасывают в наше расположение листовки. Активничает предатель, генерал Власов. Его приказ N13 ежедневно попадает к нам. Власов оправдывает свой переход на сторону противника желанием освободить Россию от коммунистов и основать новое свободное государство. Агитирует наших солдат сдаваться в плен, используя листовку как пропуск

А наши уполномоченные СМЕРШ встревожены, сбиваются с ног, носятся по полю, собирая листовки - не дай Бог попадут в руки солдат, и те сразу же побегут сдаваться в плен. Какое недоверие к людям! Уполномоченный СМЕРШ по нашему батальону предъявил претензии командиру роты и мне, позволил себе потребовать от нас сбора и уничтожения листовок. Он удостоился невежливого ответа и больше уже не приставал к нам. В нашем расположении часто останавливаются батареи "Катюш". Открывают огонь и укатывают куда-то в тыл. Мы недовольны, так как после их манёвра ещё долго к небу поднимается дым и пыль, прекрасный ориентир для немецкой артиллерии, которая обрушивается на нас залп за залпом. Сегодня "накрыли" мой наблюдательный пункт. Брёвна накатов выдержали прямое попадание 105-ти миллиметрового снаряда, но пришлось сменить обнаруженный немцами НП.

Между Волчанском и Белгородом, который находится в руках у немцев, расположен небольшой городок Шебекино. Там мы соорудили свой опорный пункт обороны и комендантом назначили меня.

1-ое мая 1943-го года.

В последние дни апреля улучшилось снабжение. Распутица закончилась, кроме того снабженцев крепко поругали, а кое-кто и пострадал за мартовский провал по доставке грузов фронту. 1-ого мая хорошо накормили, доставили и водку. Немцы "поздравили" нас с праздником армалётом. Вот как солидарны германские трудящиеся с нашими, советскими! Мы уже давно избавились от довоенной наивности.

10-ое мая 1943-го года.

Ежедневно получаем предупреждение о том, что немцы должны чуть ли не завтра перейти в летнее наступление. Вспоминая 41-ый и 42-ой годы, естественно, волнуемся. Кто знает, как отобьёмся в этом году?! Правда, оборона у нас очень глубокая. Нас, офицеров, группами доставляли на позиции, которые оборудованы в десятках километров от передовой. Говорят, что резервы фронтов расположены на глубине чуть ли не в 200 километров. За нашим Воронежским фронтом расположился Степной фронт, на котором сосредоточены стратегические резервы. Надеемся, что трагическое прошлое больше не повторится.

А сегодня противник проявил особую активность. Сильнейший артобстрел всего участка полка и района обороны нашего третьего батальона. Больше всего достаётся командному пункту и артиллерии. В полукилометре от НП командира 8-ой роты непаханое зелёное поле обрывается впадиной примерно 15-ти

метровой глубины и большой площади. Возможно, много лет тому назад тут под майским солнцем светило озеро, а сейчас эта впадина поросла редколесьем. На крутом скате сооружены блиндажи, в одном из них находится штаб батальона, а по всему редколесью, среди низкорослых берёз и сосен, расположились батареи дивизионной артиллерии. Противнику за месяц авиационной и звуковой разведки удалось засечь батареи, и сегодня немцы обрушили на впадину шквал артиллерийского огня. Хотя и нам доставалось порядком, я не прекращал наблюдения за укрытием командира батальона. К полудню насчитал 359 разрывов тяжёлых гаубичных снарядов. В высоком майском небе появились наши фронтовые двухкилевые бомбардировщики ПЕ-2 ("Петляковы"). Они наносили удары по немецким гаубичным батареям и подавили огонь противника. Сейчас - уже не 1942-ой год, когда германская авиация буквально носилась над головой. За короткое время после Сталинграда мы с гордостью наблюдали наше господство в воздухе в битве на Курской Дуге. Новые советские истребители "ЯК-2", "Лавочкины" и других типов ежедневно завязывали воздушные бои с немецкими "Мессершмиттами" и выходили победителями в ожесточённых и коротких схватках в небе.

А сегодня к вечеру всё же 28 немецких самолётов бомбили ту же впадину и укрытие командира батальона. На Волчанск совершили налёт 53 бомбардировщика противника. В течение дня немцы несколько раз в разных местах пытались переправиться через реку Северский Донец, но были отбиты.

Наступили долгие майские сумерки. Затихло поле боя. Я и командир роты дождались телефонного зуммера, а в течение дня связи не было. Капитан Буйный вызвал к себе командиров рот и их заместителей на совещание. Мы с любопытством осматривали снарядные и бомбовые воронки вокруг и удивлялись, как можно было уцелеть после сегодняшнего обстрела и бомбёжки?! Правда, укрытия для штаба батальона и ближайших артиллерийских расчётов оборудованы грамотно, в почти отвесной стене обрыва. Добирались к блиндажу комбата по крутым земляным ступенькам, скреплённым оплёткой из хвороста. Удивительно, но не очень сильно пострадали и наши батареи. Лучших позиций всё равно не найти, поэтому батарейцы надёжно закопались в землю, оборудовали убежища и защитили свои орудия.

Тяжёлый день закончился. Таких дней в обороне немало. А в завтрашней сводке Совинформбюро прочтём: "На курском направлении в течение вчерашнего дня проводились бои местного значения. В воздушных боях сбито 40 немецких самолётов. Наши потери?" Скучно читать такие сводки, а между тем солдаты погибают, получают ранения и увечья. Несколько дней тому назад при относительном затишье на дроге разорвался одиночный 105-ти миллиметровый немецкий снаряд. По каким-то своим делам

командир роты ПТР старший лейтенант Карпенко ехал в повозке по этой дороге и был убит осколком того самого "шалюного" снаряда. Странная судьба! 20-го ноября 42-го года он вместе со мной и ещё несколькими счастливчиками сумел выбраться из западни, а погиб в совершенно безобидной ситуации. Вероятно, на фронте не бывает безобидных ситуаций! Везучий защитник Сталинграда погиб под Волчанском.

Конец мая провели в ежедневных ожиданиях германского наступления и начала активной фазы летней кампании 1943-го года.

5-ое июня 1943-го года.

Меня вызвали в штаб полка. Поступила директива Генерального штаба Красной армии об упразднении должностей заместителей командиров рот по строевой и политической части. Очевидно, не хватало командиров рот и батарей; кроме того, в армии укреплялось единоначалие, стали больше доверять командирам и уже не было необходимости в "комиссарском контроле". Красная армия после катастрофы 41-го года и трагических ошибок лета 42-го становилась профессиональной, появились новые типы вооружений: тяжёлые танки "ИС", самоходки, способные вести борьбу с новейшими германскими танками.

Собрали всех заместителей и откомандировали в штаб дивизии, оттуда - в штаб 7-ой гвардейской армии, который располагался в населённом пункте Волоконовка на реке Оскол. Там среди сотен откомандированных офицеров встретил знакомого товарища, с которым вместе занимались в Одесском Пехотном Училище. Из города Уральск были направлены в 196-ую дивизию, но в разные полки. Товарищ мне рассказал о трагедии, которая постигла дивизию. 196-ая попала в окружение. Погиб командир дивизии, комбриг Аверин. Небольшой группе личного состава удалось всё же из окружения вырваться и ещё некоторое время повоевать севернее Сталинграда. Затем 196-ую отправили на формирование.

Некоторых офицеров из нашей команды отправили в разные дивизии сразу же командирами рот, а остальных определили в резервный офицерский полк Воронежского фронта. Я попал в этот полк. Предстояло ещё сдать своеобразный экзамен перед аттестацией на новую должность. Офицерский полк располагался во втором эшелоне штаба фронта. Ночевали в огромном кирпичном строении на матрацах. Днём проводили занятия по специальностям.

Экзамен я держал перед настоящей комиссией, офицерами-преподавателями училищ. Успешно отвечал на все вопросы и справился также на практике с подготовкой данных для ведения миномётного огня и поражением учебных целей. Меня утвердили в должности командира роты 82-ух миллиметровых миномётов. Осталось лишь дождаться "покупателя", который пожелает меня "приобрести".

5-ое июля 1943-го года.

После многочисленных откладываний и колебаний германская армия на Курской Дуге перешла в наступление, начала свою третью летнюю кампанию, посчитав её решающей. Ничему не научили Гитлера события 41-го и 42-го годов под Москвой и Сталинградом. Предстояло новое гигантское сражение.

Наша оборона выдержала немецкий удар и 12-го июля немцы были окончательно остановлены. Вскоре началось контрнаступление Красной армии. Офицерский полк фронта продвигался пешими переходами вслед за наступающими дивизиями, которые преследовали противника. Снова отвоёван Харьков, взята Полтава, форсирован Днепр южнее Кременчуга.

2-ое сентября 1943-го года.

Меня направили в 5-ую гвардейскую армию генерала Жадова. Бывшая 66-ая армия проявила себя под Сталинградом, была переименована в 5-ую гвардейскую и переформирована под контролем президиума Верховного Совета СССР и лично товарища Калинина. Дело в том, что многие армии, в связи с нехваткой высшего комсостава, не имели корпусного деления. 5-ая гвардейская весной 43-го года сформирована в соответствии с требованием Полевого

Устава. 32-ым корпусом командовал бывший командир 13-ой гвардейской дивизии, генерал Родимцев, который в самый критический момент переправил своё соединение через Волгу и отстоял центр города; 33-им корпусом командовал боевой генерал Лебеденко, а 34-ым - молодой красивый и brave генерал Бакланов.

Меня назначили командиром миномётной роты в 9-ую Полтавскую Воздушно-Десантную дивизию. Следует сказать, что наименование Воздушно-Десантная не соответствует действительности. Дивизия формировалась в Люберцах под Москвой осенью 41-го года. В условиях сплошного фронта и насыщенных тылов массовое десантирование себя не оправдало. Дивизию укомплектовали как стрелковую, сохранив за ней старое наименование, и отправили на Северо-Западный фронт. А весной 1943-го года, уже после Сталинградского сражения, дивизия вошла в состав 5-ой гвардейской армии (33-ий стрелковый корпус).

Итак, я командир миномётной роты 28-го гвардейского полка 9-ой Воздушно-Десантной дивизии. На плацдарме южнее Кременчуга тесно, много войск. Главная задача - плацдарм удержать и по возможности расширить для предстоящего наступления. Мы получили пополнение. Заняты боями местного значения и находим время для обучения солдат. Ближайший большой населённый пункт - Степановка.

Октябрь 1943-го года.

Несмотря на полученное пополнение, у нас большой некомплект рядового и сержантского состава. Вместо 3-ёх стрелковых батальонов в полку оставили два. Мне не повезло: именно наш батальон расформировали, а я остался не у дел и находился в резерве при начальнике штаба полка, майоре Приматове. Но долго сидеть без дела мне не позволили. Получил ранение командир 9-ой стрелковой роты старший лейтенант Серов. Меня вызвал к себе Приматов и предложил принять стрелковую роту. Моё недоумение по поводу того, что в резерве при штабе несколько свободных командиров стрелковых рот, а я миномётчик, майор отверг.

- Ты прошёл Сталинград, к тебе большое доверие, - говорил он, сидя за своим столом в позе доброго дяди, который понимает меня, но ничего не может поделать в данной ситуации: обстоятельства сильнее симпатий.

Начальник штаба, офицер кадровой армии, добрый и отзывчивый человек, повернув ко мне смущённое лицо, ждал ответа. Я согласился принять 9-ую стрелковую роту, которая занимала оборону на высоте в 300-ах метрах от немецких окопов. Опять - скука монотонных оборонительных боёв, разведка, наблюдение и бесконечные проверки вышестоящих штабных контролёров. Можно было бы больше доверять своим подчинённым.

Ноябрь 1943-го года.

7-го ноября по случаю праздника хорошо накормили и даже противник нас не очень тревожил. И вообще немцы уже не те, мы сбили с них спесь и самоуверенность. Все понимают, что скоро мы перейдём в наступление. Оно задерживается из-за трудности подготовки, разбитости шоссе и железных дорог и серьёзных укреплений, которые противник соорудил, разрекламировав их как Днепровский Вал. А на плацдарм уже прибывают будущие руководители Кировоградской области и её районов. Даже милицкий работник ночевал у меня на наблюдательном пункте: негде было ему остановиться. Назначен этот

милиционер в райотдел Александрии, а городок пока в руках у немцев. Вот так нудно и в ежедневных перестрелках движется к своему завершению ноябрь месяц. Но кто сказал, что война - это только наступление, порыв и штурм?! Я познакомился с командирами рот 1-го батальона. Все они - прекрасные товарищи, но ближе всех мне старший лейтенант Малинин, среднего роста русский добряк и оптимист.

9-ое декабря 1943-го года.

Мы перешли в наступление. После короткой артподготовки удалось преодолеть оборону противника и продвинуться за день на 12 километров. Взяты пленные и захвачены большие трофеи. Однако немцы усиливают сопротивление. С наступлением темноты пришлось остановиться.

10-ое декабря 1943-го года.

Заняли районный центр Александрия. Кстати, наш полк позже удостоился наименования Александрийский. Наступаем на населённый пункт Новая Прага. Сопротивление противника нарастает. Темп продвижения невысокий.

12-ое декабря 1943-го года.

Заняли населённый пункт Новая Прага и двигаемся к станции Медерово. Все эти населенные пункты находятся восточнее Кировограда, примерно, в 40-ка километрах.

16-го декабря 1943-го года.

Заняли станцию Медерово. Немцы предприняли контратаку и выбил нас из станционного посёлка. И мы, и противник перешли к обороне. Мы уже теперь - войска 2-ого Украинского фронта под командованием генерал-полковника Конева.

17-ое декабря 1943-го года.

В сводке Совинформбюро написано, что мы овладели станцией Медерово. Многие офицеры тыла и хозяйственники прямо на машинах пытаются въехать в посёлок. Моя рота перекрывает эту дорогу. Мои объяснения и предупреждения тыловиками во внимание не принимаются. Офицеры размахивают газетой и говорят, что мы не знаем ничего и проспали немцев. Приходится применять силу и заворачивать ретивых хозяйственников назад. Трудно обвинять тыловиков. По их информации в Медерово сосредоточены большие немецкие склады с воинским снаряжением. Нам пришлось даже выставить на дороге пушку, чтобы образумить охотников за трофеями.

До конца декабря занимали оборону и серьёзно готовились к большому наступлению на Кировоград.

1944-ый год.

1-ое января 1944-го года.

В конце декабря 43-го года мы передали свой участок у станции Медерово соседям и сами переместились вправо на совершенно открытую и ровную местность, изрытую окопчиками и хлипкими укрытиями-блиндажами с перекрытиями в один накат. Наши предшественники не слишком заботились о маскировке, и все оборонительные сооружения, слегка прикрытые снегом,

просматривались противником и подвергались артиллерийскому и миномётному обстрелу. В первый же день моего пребывания в необжитом ещё блиндаже я и мои связные попали под сильнейший миномётный налёт. 119-ти миллиметровые мины в течение 15-ти минут падали и разрывали землю вокруг блиндажа. Достаточно было бы одного попадания, чтобы с нами покончить. Солдаты и офицеры, издали наблюдавшие, как чернеет снег в том месте, где располагался мой наблюдательный пункт, не сомневались в том, что и я, и телефонисты, и связные погибли; даже доложили начальнику штаба батальона. Когда миномётный налёт закончился, и мы начали избавляться от запаха дыма и гари, почувствовали, что и на этот раз повезло.

Восстановили телефонную связь. Начальник штаба батальона меня спросил, не пострадал ли я: он уже собирался прислать из резерва нового командира 9-ой роты. Во так нас поздравили немцы с наступающим новым годом! Пристрелянный противником блиндаж мы, конечно, покинули и оборудовали новый в 100-метрах впереди, отрыли щели и укрепили площадку наблюдательного пункта.

А 1-го января у нас был настоящий весёлый праздник: хороший завтрак с водкой, благодать тишины. Немцы не тревожили нас своими миномётами и тоже отдыхали. Мы теперь стоим в 35-ти километрах от Кировограда и надеемся на скорое наступление. Зима холодная с трескучими морозами, но мы одеты очень тепло. Все - помытые, чистенькие, - не то, что год назад под Сталинградом! Вечером мы получили хорошее пополнение, полностью вооружённое и обученное по мере фронтальной возможности.

4-ое января 1944-го года.

Меня вызвали к командиру батальона, майору Радько. Завтра переходим в наступление. Наш батальон оказался на стыке, слева - 32-ой гвардейский стрелковый корпус генерала Родимцева. 3-ий батальон 28-го полка будет наступать без предварительной артподготовки. Не очень понимаю, с чем это связано. В нашем батальоне только две стрелковые роты, кроме миномётной, пулемётной и роты ПТР лейтенанта Николаева, который всё время находится рядом со мной на НП. Он выше меня на голову, красив и статен, добрый и отзывчивый и почему-то верит в моё везение. Может быть, та же Сталинградская магия? Прошёл живым Сталинград, значит, - везучий! Соседней 7-ой ротой батальона командует опытный и боевой лейтенант Крюков.

После совещания я вернулся в свой блиндаж, наметил по карте направление атаки, и вызвал к себе командиров взводов. Было ещё светло и задачу завтрашнего дня мы уточнили на местности. Перед нами - сильный противник и прочные оборонительные позиции.

С наступлением январских коротких сумерек мы вышли на исходный рубеж, окопались, поднесли боеприпасы. Поужинали и провели ночь на "свежем воздухе". Чтобы не допустить обморожения, посменно отправляли команды в землянки для обогрева.

5-ое января 1944-го года.

В 9 часов 30 минут раздался слева залп дивизиона РС, "Катюш", и началось артнаступление. Пушечный гул доносилось и справа в полосе нашего 33-го корпуса, но отдаленный и глухой. Артподготовка, переносы огня, методичное подавление целей и огневой вал, вся часть артнаступления до начала

выдвижения стрелковых полков, продолжалось один час 40 минут. Далее - артиллерийское сопровождение, которое тоже является частью артиллерийского наступления. Потрясающая мощь артиллерии произвела впечатление своей новизной и эффективностью. Но нашему батальону выпала другая роль: мы должны были дождаться успехов соседей справа и слева, и только после этого предпринять наступление на большой населённый пункт Аджамка, расположенный в 15-ти километрах от Кировограда. А приказа на начало наступления всё не было. Я выслал разведку, и она была встречена сильным пулемётным огнём. Два солдата получили ранения, разведка вернулась на исходный рубеж и пострадавшие солдаты как-то сами могли приползти.

До вечера мы вели огонь из всех видов оружия, а приказа на наступление так и не дождались. У меня возникло подозрение, что перед нами немцы отступили, прикрывшись лишь небольшим заслоном. Я снова выслал разведку. Мои солдаты осторожно ползком достигли траншеи противника, бросили несколько гранат. Всего 4 немецких солдата оставались в качестве прикрытия. Теперь их тела лежали возле покорёженного пулемёта МГ. Мои разведчики заняли траншею. Я доложил командиру батальона, что противника перед нами больше нет. Поступил приказ выйти к дороге, но и там немцев не оказалось. А потерять противника нельзя. Теперь разведку вели уже профессиональные разведчики полка во главе с молодым бородатым москвичом, лейтенантом Скачко.

6-ое января 1944-го года.

Ночью разжигали костры и спасались возле огня от мороза. Когда рассвело, батальон развернули в цепь. Медленно продвигались к дроге и, когда вышли на шоссе, утрамбованное толстым слоем снега, батальон и весь полк свернули в колонну и начали преследование отступившего противника, который, вероятно, оторвался ещё ночью. Мы подошли к высоте с двумя курганами и, в предвидении боя, снова развернулись в цепь. Немцев на высоте не оказалось, но мы продолжали движение развёрнутым строем.

. Аджамка раскинулась в снежной ложине. За этим большим селом видна высота с отметкой на карте 175. Идём вдоль широкой балки, моя 9-ая рота правее балки, а 7-ая Крюкова и первый батальон - левее. Противник молчит. Может быть, и нет его вовсе в населённом пункте?! Не предвидя никакой опасности, я шёл впереди роты поближе к глубокой балке. Возле меня связные и управленцы приданной артиллерийской батарее. Связные несутся по снежному полю с поручениями, возвращаются ко мне бегом, насколько в валенках можно по снегу бежать. Подошли к селу примерно на расстояние в 600 метров и неожиданно попали под миномётный обстрел. Слева полк уже успел ворваться в Аджамку и вступить в уличный бой.

А мы вынуждены были залечь. Противник открыл по роте пулемётный огонь. Потом мины стали разрываться возле меня и моих управленцев, буквально в нескольких метрах. Нас засекли, обстрел не был случайным, а по цели. Близкий разрыв разбросал осколки в шаге от меня и один маленький острый кусочек железа пробил валенок. Некогда было осматриваться. Я быстро сполз в балку, и все мои связные, и артиллерийские управленцы - вслед за мной, не раздумывая ни мгновения! Но и балка нас не спасала от мин, которые будто следовали за нами. Как миномётчик я знал, что на перелёте разрыв менее опасен, чем при недолёте, когда большая часть осколков устремляется вперёд. Поэтому и бежал вперёд из последних сил. Вместе со мной и чуть позади неслись связные. И вдруг наш бег прервал пулемётный огонь вдоль балки. В одно мгновение

почувствовал: спастись надо в расщелине справа. К счастью, таких обрывов и высохших на морозе промоин было много. Я нырнул в ближайшее укрытие, за мной - двое моих связных, молоденьких солдата последнего призыва. Они повторяли каждое моё движение, не сомневаясь ничуть в моих манёврах и считая их продуманными и спасительными. Вероятно, и другие солдаты спаслись так же, как и мы.

Я долго не мог отдышаться после быстрого бега и страха. Сидели молча, не произнося ни слова. Мины всё ещё разрывались вблизи, но осколки застревали на крутом склоне и к нам не залетали. Пулемёт, простреливавший прямую балку, уже замолчал, а идти вперёд было бессмысленно: можно нарваться на противника, который находился от нас не более чем в 150-ти метрах. Пока я решал, что делать, над моей головой раздался громкий командирский голос:

- Командир роты погиб, я принимаю командование на себя. Приготовиться к атаке! Через 5 минут по моему сигналу ...

- Я не погиб! - крикнул я снизу и быстро пополз вверх по крутому склону.

Когда я выбрался и меня увидел старший лейтенант, находившийся в резерве начальника штаба полка, посланный майором Приматовым меня заменить, он, не вступивший в должность ротный, обрадовался и тому, что я жив, и возможности вернуться в резерв. Я решил перевести роту через балку на левую сторону и присоединиться к основным силам полка. Перемещение осуществили без потерь. Вскоре и моя рота вошла в Аджамку, где не прекращался тяжёлый бой. Сражались за каждый дом. Нас обстреливали из пулемётов и точно разрывались немецкие снаряды в нашем расположении. Где-то в селе сидел корректировщик - уж очень точно падали немецкие снаряды. Нам казалось, что и на крышах домов устроились автоматчики и не дают нам подняться.

И всё же мы поднялись, двинулись вдоль улицы вперёд, стреляли из автоматов, ручных пулемётов; бросали гранаты и вынудили противника очистить правый берег реки Аджамки, разделившей село на две неравные части. Большая часть теперь уже захвачена нами, а по другую сторону до дна промёрзшей речки пока ещё хозяйничают немцы. Мы разошлись по домам, выставив посты. Немецкая гаубичная артиллерия продолжала вести сильнейший огонь по селу.

Дом, в котором я остановился, сотрясали разрывы гаубичных снарядов. Все, находившиеся вместе со мной в большой комнате связные, связисты и артиллеристы приданной батарее с заметным напряжением прислушивались к завыванию летящих снарядов, тревожно сгибали головы, ожидая попадания в дом или близкого разрыва; с облегчением вздыхали при перелёте или разрыве где-то в стороне. Гаубичный снаряд разорвался совсем близко, снёс часть кровли, которая, шелестя и выгибаясь на ветру, упала на обледеневшую землю. И сидеть боязно в доме, и выходить некуда: вся часть села, занятая нами, в сплошных разрывах. Казалось, что все прошлые обстрелы были слабее сегодняшнего. Это только потому, что те артоналёты уже забылись, а сейчас каждая минута могла оказаться для нас последней.

Но всему приходит конец. К вечеру артобстрел прекратился. Нам приказали выйти на исходный рубеж и форсировать по льду речку Аджамка. Мы поднялись в наступление на невидимого противника, но были встречены сильнейшим пулемётным огнём. Пришлось залечь на снегу. Я доложил командиру батальона, что продвигаться невозможно. Телефонную трубку взял заместитель командира дивизии, полковник Грачёв. Он в своей манере напускной строгости меня отчитал:

- Два вшивых "Фрица" - на той стороне, а вы не можете продвинуться! Если упустите противника, прощения не будет!

Я заверил полковника в том, что не прозеваем отход противника и будем пытаться сбить немцев с их позиций, но обещать проще, чем исполнить. Не было у нас никакой возможности добиться успеха этой ночью. Солдат снова отвели на отдых в оставленные жителями дома. Вспоминая левобережную Украину, варварски сожжённую отступавшими немецкими войсками, мы радовались нетронутым очагам правобережья. Но немцы вовсе не из гуманных соображений сохраняли населённые пункты. Уверив самих себя в непроходимости Днепровского Вала, на котором собирались провести новую границу Германского Рейха, немцы оставляли в населённых пунктах целые строения.

7-ое января 1944-го года.

Полк (и, вероятно, вся дивизия) с рассветом продолжил наступление развёрнутым строем. Прошли несколько километров по заснеженным полям, встретили сопротивление противника и завязали с ним огневой бой. Столкновение продолжалось около двух часов. Неожиданно поступил приказ свернуться в колонну и выйти на дорогу, которая вела в Кировоград. Немцы тот час же оставили свои позиции и поспешно отступили. Недолго мы утаптывали дорогу, снова развернулись в цепь и по колена в глубоком снегу продолжали наступление. Только изредка нас обстреливали отходящие разрозненные группы прикрытия. К вечеру мы вошли в Кировоград. Наши танки опередили пехоту и уже стояли на улицах города.

Расположились в домах. В течение ночи подвергались ожесточённой бомбардировке с воздуха, но настолько вымотались за день, что ухитрились спать под близкими разрывами немецких бомб.

8-ое января 1944-го года.

Ещё вчера вечером жители окраины города радостно встретили нас с рождественскими калачами и кутьёй. Мы были приятно удивлены, забыли о существовании религиозных праздников, а освобождение Кировограда от немецких завоевателей произошло в день Рождества. Для нас, атеистов, это не имело значения, но по другому считали люди, которые провели в оккупации почти два с половиной года: они приняли наш приход в город 7-го января как предзнаменование, прелюдию нашей скорой Победы. И сегодня утром приветливые и радостные люди продолжали приносить угощения.

Утром мы вышли из города. Нас вывели во второй эшелон. Появилась возможность немного передохнуть. На дороге накормили завтраком. В 12 часов дня построились в колонну и продолжили марш. Двигались с частыми остановками. Пехоту обгоняли танки, артиллерия на механической тяге и мотострелковые части на "Студебеккерах" американского производства. Немецкие самолёты бомбили и обстреливали колонну. Приходилось то и дело убегать на заснеженное поле и спасаться в стороне от забитой войсками и техникой дороги. Вот так прошёл день. Лишь в 10 часов вечера достигли села Вильный Гай, где нас накормили ужином. Недолго пришлось отдыхать. Остановились в большом селе Новопавловка. Всего два часа отдыха нам позволили. Из Новопавловки направились в село Старый Данциг.

9-ое января 1944-го года.

В 2 часа ночи прибыли в Старый Данциг. Моя рота заняла оборону на высоте 193 и 6. Как и в предыдущие сутки ночь морозная с колючим ветром. Солдаты рыли окопы и худо-бедно разогревались тяжким трудом. Я и командир роты ПТР остановились в крайнем домике села. Достаточно перейти овраг, и мы - уже на месте. Однако, командир батальона не одобрил бы моё самовольное решение остановиться в Старом Данциге. День мы провели спокойно. Непрерывно снижаются над нами немецкие самолёты - к нам "приглядываются", а где-то рядом бомбят. На западе слышен гул непрерывного боя.

10-ое января 1944-го года.

В три часа ночи меня кто-то поднял бесцеремонно. Наш дом был полон штабных начальников. Я вскочил на ноги, предчувствуя большую беду. Поднялся и Николаев. Связные успели осветить стеариновыми плашками просторную комнату, в которой мы спали на полу, подстелив под бока сухую солому и плащ-палатки. Я спросил у начальника, который меня разбудил: "Из-за чего такой переполох?" А тот, стараясь не глядеть на меня и повернувшись как-то боком, ответил:

-Большой драп! Проверь, не сбежала ли и твоя рота заодно!

Мы с Николаевым и мои связные сразу же покинули дом. Посмотрел влево: соседнее село Карловка - в огне; нас отделял широкий овраг. Поднялись на высоту. К счастью, моя рота на месте!

Я ранее упоминал, что недавно мы получили пополнение. Это жители Харьковской и Полтавской областей и среди них - бывшие военнослужащие, не по своей вине оказавшиеся в окружении, а затем - в оккупации. Теперь освобождённые военнослужащие прибывали на пополнение воинских частей. В частности, в моей 9-ой роте на должностях рядовых служили бывшие сержанты - и даже один разжалованный лейтенант являлся первым номером ручного пулемёта. Такие кадры не подведут в бою. И всё же я вызвал к себе командиров взводов и приказал сидеть до последнего на занятых позициях. Мы с Николаевым заняли какой-то мелкий окопчик над краем оврага. Отсюда днём можно будет обозреть весь район обороны роты и лежащую впереди местность. В этом мы могли убедиться ещё вчера.

Село Карловка оборонялось первым батальоном нашего полка. По слухам, дошедшим к нам, полсела находилось в руках противника, а в оставшейся части и прилегающей высоте батальон капитана Серебренникова продолжал вести бой в полукольце. И самое страшное - в тылу батальона всё ещё продолжался бой между нашими танками и немецкими самоходками, которые с фланга вели огонь на поражение. Наша танковая рота была лишена манёвра, оказавшись почему-то в широком овраге, куда заходить вовсе не следовало. А где-то южнее и западнее немцам удалось опрокинуть авангард наших войск и сотворить для 9-ой воздушно-десантной дивизии критическую ситуацию. Мы находились на своих позициях без всякой связи с командиром батальона. Всё грохотало вокруг и горело не только в Карловке, но и на восточной окраине Старого Данцига.

Правого соседа у нашего полка не было. Где-то восточнее стояли какие-то подразделения прикрытия, но это - ненадёжный фланг. На своём НП мы поставили ручной пулемёт. Взвод 45-ти миллиметровых противотанковых пушек старшего сержанта Черемичного занял позиции в районе обороны моей роты. Командир противотанкового взвода был многоопытен и смел. Кроме того, меня поддерживали батарея 57-ми миллиметровых пушек и батарея 76-ти. С

командирами батарей связь не прерывалась, задачу свою они знали и были готовы к бою.

В 9 часов утра на высоту в северо-восточное направление и в обход Старого Данцига выползла длинная тёмная колонна немецких танков и бронетранспортёров. Пока эта махина приближалась, мы не смели дышать. Редко приходится на поле боя наблюдать самоуверенное наступление маршевой колонной. Теперь - не 41-ый год, наша армия уже совершенно другая. Позади пехотных боевых порядков на дороге в Новопавловку - танковая бригада, противотанковая артиллерия, батареи тяжёлых орудий. На что же рассчитывает германское командование? Вероятно, на наше паническое бегство! А бежать мы не собирались, да и бессмысленно было бы мчаться на перегонки со смертью. И всё же это частично произошло. Немецкие тяжёлые гаубицы методично обстреливали Старый Данциг, разрушая дома и строения, в которых располагались хозяйственные взводы. Некоторые беззащитные повозочные, вооружённые всего лишь карабинами, увидев на высоте страшную и грозную стальную колонну, побежали из села наперерез танкам и бронетранспортёрам. Несколько солдат верхом на распряженных лошадях галопом пытались опередить немецкие танки и спастись где-то в тылу. Когда я увидел бегущих и мечущихся на снегу отчаявшихся солдат, то несколько не сомневался в том, что они обречены ...

Немецкий клин пробивался уверенно и методично. В колонне было не менее 200-сот танков и бронетранспортёров, за ними двигались автомашины с мотопехотой. Завидев бегущих солдат, немцы, не меняя общего направления своего движения к дороге на Новопавловку, отправили несколько бронетранспортёров на перехват беглецов. Со своего наблюдательного пункта я и Николаев молча наблюдали, как бронетранспортёры ведут огонь по нашим солдатам. Они падали в снег, а немцы не ограничились расстрелом по существу беспомощных повозочных, поваров, почтальонов и полковых сапожников; высадили из кузовов автоматчиков и те подходили к упавшим солдатам и начали расстреливать всё ещё живых и раненных людей. Понятно, не тащить же за собой пленных! Такое понятие гуманности помешало бы немецкому командованию осуществить прорыв нашей обороны.

Мы ничем помочь не могли. Основная вражеская колонна вышла на линию населённого пункта Старый Данциг, не прикрытый с севера. Колонна не остановилась, продолжила движение по своей дороге и только выделила несколько бронетранспортёров с автоматчиками для атаки села. Завязался бой. Не знали, кого выставил штаб полка для отражения атаки противника с фланга, но бой там завязался упорный и продолжительный. И опять всё это и моя рота, и 7-ая рота Крюкова, занимавшая соседнюю высоту справа (через овраг), наблюдали, но не могли вмешаться. До противника - около двух километров, пулёмётный огонь немцам не страшен, а по бронированной колонне дивизионная артиллерия уже вела огонь прямой наводкой.

Немецкая колонна замедлила ход и затем остановилась. Возле здания штаба полка горело два немецких бронетранспортёра, а оставшиеся три (насколько мы могли рассмотреть со своего НП!) отступили к дороге и примкнули к основным силам. Восточнее Старого Данцига был слышен шум боя и доносился рокот танковых дизелей. Немцы встретили на своём пути серьёзное сопротивление, и основные силы наступающих начали отходить - сначала, сместившись от дороги на север, а затем скрылись на склоне высоты, - отступили на свои исходные позиции.

Когда мои подчинённые увидели толпу убегающих наших солдат наперерез немецким танкам, то прибежали ко мне на наблюдательный пункт связные от взводов. Спрашивали, не началось ли общее отступление полка и что в этом случае делать взводам? Увидев меня и Николаева на месте, сами всё поняли. Отступить не было приказа, и если бы такой приказ и поступил, мы бы его не смогли выполнить. Слева не прекращался бой в Карловке - а это за спиной 9-ой роты; справа горел Старый Данциг и в селе беспрерывно разрывались снаряды. Ничего не оставалось: надо было сидеть на месте весь день и дожидаться темноты.

Казалось, прошло много времени с начала авантюрного немецкого движения, а на часах - всего-то 10 часов утра. Немцы очистили пространство, но не оставили попыток опрокинуть наш полк и сбить с высоты. Сначала прилетело 12 пикирующих бомбардировщиков. Самолёты образовали атакующий круг, снижались над нашими окопами, из-под крыльев сыпались бомбы, со стоном неслись к земле и разрывались прямо вблизи траншеи и даже на бруствере. После нескольких заходов первая партия улетела и через 15 минут появилась новая эскадрилья. И опять всё повторилось с немецкой точностью и убийственной аккуратностью. Совершив три захода над ротным районом обороны, пилоты, растратив бомбы, продолжали ещё кружить, снижаясь и обстреливая из пулемётов.

Третий прилёт германских пикирующих бомбардировщиков запомнился новинкой. Пилоты сбрасывали на нас какие-то контейнеры, которые разваливались невысоко над землёй. Из контейнеров высыпались какие-то мелкие бомбы, гранаты и мины, которые взрывались залпами и поочерёдно и могли нанести серьёзный урон пехоте, если бы она не окопалась на совесть. Был и четвёртый налёт, и такие же контейнеры с неба. Затем - 15-ти минутный артиллерийский налёт и атака немецкой пехоты на бронетранспортёрах. 10 машин двигалось на окопы моей 9-ой роты. Была атакована и 7-ая рота Крюкова, но мне некогда было наблюдать, что происходило у соседа.

Подойдя поближе, немцы высадили автоматчиков, которые выскакивали из открытых сзади железных кузовов. Солдаты шли за своими бронетранспортёрами. Атаковали мой левый фланг, где местность была относительно ровная. Открыли огонь наши 45-пятки, батарея 57-ми миллиметровых пушек и 76-ти миллиметровые орудия, отсекая автоматчиков от брони. В дыму наблюдение совершенно невозможно, но мы продолжали вести огонь

Бой затих как-то сразу. Когда рассеялся дым, я увидел в 100 метрах от наших окопов 4 догорающих бронетранспортёра и десяток трупов немецких автоматчиков. Как правило немцы своих убитых не оставляют на поле боя. Значит, придут за телами попозже. А пока противник откатился туда же, откуда и пришёл.

До 12,30 было совсем тихо, будто не поле боя разделяло противников, а какая-то полоса отчуждения, которую никто не желал перейти. А потом снова налетела немецкая авиация с теми же контейнерами и рассыпающимися боеприпасами. И почему не препятствовали налётам наши истребители? Может быть, были заняты на более опасных направлениях, но нам от этого было не легче!

На короткое время была восстановлена телефонная связь с командиром батальона майором Радько. Всегда сдержанный и строгий он сейчас был заметно оживлён, коротко рассказал, что пришлось пережить, как покинули

горящий дом и перебрались в блиндаж, где и оборудовали более надёжный командный пункт. Сообщил также, что командир полка, майор Пономарёв, силами роты автоматчиков, комендантского взвода и самих штабных офицеров сумел отбить немецкую фланговую атаку на Старый Данциг. Поблагодарил 9-ую роту за стойкую оборону высоты.

И снова бомбардировка, артобстрел, прерванная связь. Так продолжалось до 14 часов, а в 14,30 началась вторая атака немецкой пехоты при поддержке бронетранспортёров. 12 машин приближалось к траншее 9-ой роты.

Противотанковые пушки Черемичного и 57-ми миллиметровая батарея вели огонь прямой наводкой до тех пор, пока дым не закрыл видимость. Потом приходилось ориентироваться на гул моторов. И поддерживающая батарея дивизионных пушек поражала автоматчиков, беглый огонь вели батальонные миномёты лейтенанта Кацубы. Через 20 минут немецкая атака была отбита. Оставив в 150-ти метрах от нашей траншеи 4 подбитых бронетранспортёра, противник отступил. На снегу осталось примерно 20 убитых автоматчиков.

Ещё раз по отработанному шаблону немцы атаковали перед вечером. И эта атака была отбита. А слева слышна артиллерия и выстрелы танковых пушек. Идёт, по-видимому, танковый бой, и судьба нашего полка во многом зависит от исхода этого боя. Справа 28-ой полк пока с открытым флангом. Должен подойти 23-ий полк, но и эта часть пробивается слишком медленно. Ещё до начала немецкого наступления с самолётов сваливали на голову нам сотни листовок, в которых звучала угроза: "Иван, ты ещё запомнишь Кировоград!" Наверное, и немцы запомнят этот день.

Когда стемнело, наши солдаты стали подползать к сгоревшим бронетранспортёрам, как всегда в таких случаях находили трофеи; притащили и немецкие карты, которые мы намеревались после боя передать в штаб полка. К вечеру снова восстановили связь с батальоном и соседней 7-ой ротой.

11-ое января 1944-го года.

В 9 часов утра мы подверглись ожесточённому артобстрелу. Потом авиация образовала над нами знакомую карусель. Самолёты зло и отчаянно пикировали над окопами, сваливая свои бомбы и успевая уходить в высоту ещё до разрывов. Опытные пилоты были направлены против нас и на поддержку своих наступающих танковых соединений. Не сомневалось германское командование в конечном успехе своего мощного контрудара.

После артиллерийско-бомбового удара немецкая пехота начала атаку без поддержки бронетранспортёров. Наше командование использовало приданную гаубичную артиллерию, методичный огонь вела и полковая батарея старшего лейтенанта Московского, и 120-ти миллиметровые миномёты Грошева, а беглый огонь по пехоте - батальонные миномёты лейтенанта Кацубы. Бесперывно стреляли наши пулемётчики.

Атака противника была отбита за каких-то 20 минут. А за селом, в котором как бы на отшибе торчало единственное каменное здание, облюбованное штабом полка, началась фланговая атака немецкой пехоты при поддержке нескольких танков. Рассчитывать на успех противник не мог. С околицы села два наших танка Т-34 открыли огонь по немецким машинам, кроме того, и противотанковое орудие, укрывшись за углом штабного здания, вело огонь по бортам медленно ползущих немецких танков. Немцы сначала остановились и, потеряв две машины, отошли на север к дороге, которая наискосок пересекала высоту.

И снова, как и вчера, немцы направили против нас авиацию. Противник бомбил наши позиции до трёх часов дня. Бомбы разрывались в основном на позициях наших батарей и миномётной роты. Погиб её командир Кацуба, пострадало несколько расчётов. Гибель командира миномётной роты была вдвойне трагичной. Кацуба только неделю тому получил первое письмо от жены, которая в конце ноября 43-го года была освобождена из оккупации и сумела найти своего мужа. Теперь же она снова осталась одна с малолетним ребёнком, и трагическая весть придёт к ней очень скоро ...

Противник изменил объект своей атаки. После трёх часов дня направил удар на село Старый Данциг и высоту, на которой оборонялась 7-ая рота Крюкова. Мы помогли огнём с наших позиций в поддержку соседа. Расстреляли тысячи патронов и остались без боеприпасов. Связной передал снабженцам наше требование доставить несколько ящиков патронов к стрелковому оружию. Неожиданно через полчаса из оврага по полевой дороге вверх выскочила повозка с боеприпасами и стала разгружаться прямо под огнём противника. Усатый ездовой, похожий на крестьянина, облачённого в солдатское обмундирование, быстро, но аккуратно и деловито, разгрузил повозку, развернул коней и на рысях покинул опасное место. Мысленно мы обругали незадачливого солдата за неосторожность и бессмысленный риск: разгрузить боеприпасы вполне можно было, не выезжая наверх. А патронам были рады. Вскоре произошло происшествие, которое могло привести к жертвам, если бы наши солдаты не были так надёжно окопаны. Внезапный залп батареи "Катюш" накрыл значительную часть района обороны 9-ой роты. Дробное падение снарядов и огненные кусточки разрывов удивили и напугали своей неожиданностью. Кто-то решил помочь пехоте, отбивавшей немецкую атаку. В лабиринте оврагов, буераков и высот не мудрено было ошибиться и неверно указать цель. Кроме того, в штабах не совсем точно знали, как распложены наши войска и подразделения наступающего противника. Однако, такое понимание появилось немного позже, когда мы успокоились и попытались разобраться в том, что произошло. Это было моё второе знакомство с нашими же реактивными снарядами. В первый раз это произошло южнее станции Воропоново (Сталинград!), когда мы двигались к посёлку Алексеевка. Мы и тогда не пострадали: случился близкий перелёт.

В 5 часов дня - очередной налёт немецкой авиации на Старый Данциг и позиции 7-ой, и 9-ой рот. И первый наш успех за два дня. На левом фланге противник выбит из той части села Карловка, которую занимал после своего начального успеха. Через полчаса немецкая авиация обрушила на весь участок обороны нашего полка мощный бомбовый удар. Старый Данциг весь объят пожаром. Что ещё там горит?!

К вечеру телефонная связь с комбатом восстановлена. Майор Радько ещё раз благодарит за стойкость и сообщает обнадеживающую весть: подходят 23-ий 26-ой полки нашей дивизии и вскоре займут участок севернее нашего. К ночи у нас появится надёжный сосед. И так, немецкое полукольцо, теснившее 3-ий батальон майора Радько, перестало существовать!

Ночью 23-ий полк нашей дивизии занял участок севернее Старого Данцига. Нашему 28-му предстояло сдвинуться влево. Но почему-то ничего лучшего не придумали, как осуществить необходимую передислокацию в светлое время, на виду у противника. В 12 часов дня моя 9-ая рота снялась со своих позиций и

отошла в овраг. Немцы обстреливали из стрелкового оружия и 105 миллиметровых гаубиц. Несём неоправданные потери. Я двигался рядом с расчётом станкового пулемёта. Недалеко разорвался снаряд, ранены двое солдат, повреждён пулемёт. И на этот раз осколки меня пощадили.

По оврагу рота сместилась влево метров на 800, потом мы поднялись на высоту, и сменили какой-то малочисленный взвод, который по фронту в один километр никак не мог обеспечить прочную оборону. Я занял блиндаж под старой скирдой соломы. Рядом с убежищем оборудовали наблюдательный пункт. Наше укрытие было хлипким: на деревянную дверь (откуда её притащили предшественники?) насыпали слой земли, а снег прикрывал черноту. Вход в низенький блиндаж занавешен плащ-палаткой. Одна лишь надежда – промахнётся противник, не попадёт в НП!

14-ое января 1944-го года.

Накануне, после полудня, ко мне на НП явился старшина роты, которого мы считали пропавшим без вести. Старшина был среди тех беглецов, которые 10-го января пытались обогнать немецкую танковую колонну и таким образом избежать неминуемой гибели, как сгоряча показалось беспомощным тыловикам. Хозяйственные взводы полка слишком увлеклись успешным нашим наступлением и втянули большую часть обоза в населённый пункт Старый Данциг. Обоз должен был находиться хотя бы в трёх километрах от передовой, а не в непосредственной близости.

Старшина роты, младший командир ещё довоенного призыва, опытный и уверенный в себе старший сержант, теперь выглядел растерянным и униженным. Он стыдился смотреть мне в глаза, был готов выслушать любой упрёк и даже наказание за свой проступок, но я не собирался его отчитывать: он и так уже был наказан. Высокий крупный мужчина с гордо посаженной головой как-то сразу почернел, обвисли щёки; он весь согнулся и в окопе наблюдательного пункта опирался обеими руками на бруствер, как бы боясь упасть. Рассказал старшина, как догнали их немцы на бронетранспортёрах, расстреливали в упор, а потом отделение автоматчиков, шагая по ещё не остывшим телам наших несчастных солдат, стало выискивать раненых и добивало одиночными выстрелами, по-видимому, из бережливости. Старшина лежал среди мёртвых тел, старался не дышать. Подошёл к нему немец, кованым сапогом ударил в бок. Старшина не проронил ни звука, ни стона – это спасло ему жизнь. Дождавшись темноты, он начал медленно, ползком покидать поле, где лежали тела расстрелянных наших солдат, пережил все бомбёжки и обстрелы трёх дней и вот пришёл. Подозреваю – не всю правду изложил в своей «исповеди» старшина роты. Не выжил бы две ночи на морозе, погиб бы под снарядами и бомбами, покрывавшими всё пространство вокруг. Возможно, пересидел некоторое время в какой-то оставленной землянке, домике на окраине села, но об этом не расскажет. Свои сомнения я оставил при себе, а старшине приказал приступить к исполнению обязанностей.

А с утра сегодня мне поставили задачу атаковать высоту с тремя курганами, которые возвышались над нами, закрывали обзор. Мы окопались на подъёме высоты, а противник закрепился на гребне и с курганов просматривал всю нашу оборону и мог засекал передвижения отдельных солдат в Старом Данциге, до которого было 2,5 километра. Левее 9-ой роты под почти прямым углом уступом назад оборонялась 7-ая рота Крюкова. Три кургана атаковать только нам, 9-ой роте.

После короткого артналёта мои подчинённые покинули окопы и начали продвижение к позициям противника. Рота была остановлена сильнейшим пулемётным огнём. Мои солдаты застряли в 150-ти метрах от своей траншеи и не могли продвинуться вперёд и даже отступить назад. Лишь к вечеру удалось всё же при содействии 7-ой роты отвоевать у немцев один курган (от нас – левый) и одну скирду соломы, впереди которой стоял немецкий пулемёт МГ. По всей высоте – и впереди, и в глубине ротного района обороны, и в расположении Крюкова стояли уплотнённые скирды, которые могли служить ориентирами для обеих сторон и вместе с тем – какой-то призрачной защитой от просмотра местности с курганов. С наступлением темноты солдаты вернулись в свою траншею. Потери мы понесли немалые, а успеха не добились. И отбитый курган пришлось оставить. Рассердилось на нас вышестоящее начальство!

15-ое января 1944-го года.

Утром осмотрелись: немцы уже успели за ночь поставить проволочное заграждение перед своими окопами. Похоже, - под курганами оборудованы убежища и хорошо защищённые огневые точки. Всю ночь трудились и наши полковые сапёры, устанавливая перед траншеями 9-ой и 7-ой рот минные поля. Оставляли только проходы для выхода на исходный рубеж для атаки. Приказано с утра 16-го января повторно атаковать высоту с тремя курганами. А завтра мне исполняется 21 год! Невольно прокручиваются в мозгу слова Ленского перед дуэлью с Онегиным: "Что день грядущий мне готовит?" Этот вопрос преследует и не оставляет в покое. Риск и опасность во сто крат страшнее до наступления. А когда она, опасность, пришла, уже надо только действовать.

16-ое января 1944-го года.

После артналёта, который продолжался 10 минут, в 11 часов утра мы начали атаку высоты с тремя курганами. Удалось подойти вплотную к проволочному заграждению. Немцы открыли ожесточённый пулемётный огонь. Дальнейшее продвижение невозможно. Я доложил о срыве атаки майору Радько.

- Вперёд!!! - зло скомандовал он - Никаких причин во внимание не принимаю. Высоту и курганы взять сегодня же!

- Помогите хотя бы артиллерией, - попросил я.

- Хорошо, артподготовку организуем, а после этого - вперёд на высоту! - ещё раз подтвердил свой приказ командир батальона.

По опыту я знал, что не поможет никакая артподготовка и сбить противника с его, господствующих на данной местности позиций, не удастся малыми силами. Нужна полноценная артиллерийская подготовка и фланговый обход. Лобовая атака ничего не даст. Не сомневаюсь, знал это и майор Радько, но на него давили сверху - и не только командир полка. Для себя я решил, выполняя приказ, всё же зря не посылать своих солдат на гибель. Одна решительность и порыв успеха не принесут.

Артналёт ограничился лишь 30-тью снарядами, которые разорвались на курганах, и наша вторая атака снова была отбита пулемётным огнём. Уцелели огневые точки противника. Мы их плохо разведали и, кроме того, у немцев была свобода манёвра за обратным скатом высоты и по траншее между курганами.

В три часа дня мне в помощь прислали взвод полковых автоматчиков. И они не внесли ничего нового в наше наступление. А комбат непрерывно ругал меня по телефону, угрожал и требовал решительных действий. В день своего рождения решил попытать счастья. Я оставил телефон на наблюдательном пункте, а сам отправился поближе к курганам. Удалось поднять солдат, мы захватили центральный курган, но развить успех не удалось. Я собирался доложить комбату о "достижениях" роты, но пока добирался к телефону, мои солдаты и полковые автоматчики оставили занятый курган и отошли на исходный рубеж.

А вечером поступил приказ занять жёсткую оборону. Потребовалось два дня, чтобы в вышестоящем штабе поняли бесплодность наших атак малыми силами и в лоб. И как теперь занять "жёсткую оборону", прикрыть 1300 метров траншей после таких потерь?! Осталось в моём подчинении 13 стрелков при трёх ручных пулемётах. Два расчёта приданных станковых пулемётов, два ружья ПТР лейтенанта Николаева. Уцелевшие полковые автоматчики вернулись к себе, поближе к штабу полка. Правда, меня поддерживал целый гаубичный дивизион капитана Петрова. Сам Петров пришёл ко мне на наблюдательный пункт, приятно улыбнулся, уважительно поздоровался со мной за руку и серьёзно отнёсся к нашим запросам. Днём я ознакомил Петрова с ротным районом обороны, показал проклятые курганы и отработал с ним вопросы взаимодействия на случай атаки противника. Командир дивизиона мне сразу понравился. Немного грузноватый, в полушубке, опоясанный португееми, с биноклем на шее он производил впечатление боевого, уверенного в себе офицера - и, главное, надёжного.

17-ое января 1944-го года.

Сегодня - банный день. Мы спустились в овраг, где сапёры оборудовали жаркую баню. Наши окопы временно заняла полковая рота автоматчиков. Помылись, прожарили своё обмундирование и с наслаждением предались отдыху. До вечера на свои позиции выйти не сумеем. Получили дивизионную газету. Корреспондент так ярко и выпренно описал случай, который произошёл 11-ого января в районе обороны моей роты, что, казалось, главным в тот день и был подвиг ездового, который выехал повозкой прямо под огонь и доставил нам патроны. И вправду случай был редкий и хорошо, что завершился "выезд" без тяжёлых последствий.

Вечером меня вызвал к себе командир батальона и приказал 15 солдат во главе с командиром взвода расположить на правом фланге в качестве боевого охранения. Мы получили пополнение в количестве 20-ти человек. Ночью мы вернулись в свои окопы, а рота автоматчиков отправилась снова в своё расположение.

19-ое января 1944-го года.

На правом фланге обороны моей роты расположилась противотанковая батарея 57-ми миллиметровых пушек. Эта батарея из состава истребительно-противотанкового артиллерийского полка (ИПТАП) нам не придавалась, действовала самостоятельно, но прикрыть пехотой её все же надо было. Вчера вечером я попросил у командира батальона разрешения использовать боевое охранение для прикрытия артиллерийских огневых позиций. Майор Радько не разрешил и обещал сегодня прислать новое пополнение.

В 6 часов утра я поднялся, вышел из блиндажа. Густой туман белел в предрассветной тьме и был настолько плотен, что, казалось, его можно было нащупать рукой и подержать в ладонях. Мои солдаты завтракали, а из штаба батальона позвонили, сообщили, что пополнение придёт немного позже, но ещё до наступления утра. Было совсем тихо: ни стрельбы, ни шороха, как будто разошлись противники в противоположные стороны и опустело поле боя. Морозы ослабли, снега было много. Рассветало, а туман всё ещё висел над землёй.

Неожиданно донёсся шум моторов с немецкой стороны. "Танки!" - кричал наблюдатель, хотя и не мог увидеть в тумане никаких танков. И вообще, куда бы им идти?! За нашей спиной - овраг, разве только через боевые порядки 9-ой роты повернут вправо на север и снова устремятся в обход Старого Данцига к дороге, на которой побили немцев ещё 10-го января?

Батарея 57-ми миллиметровых орудий произвела несколько выстрелов и снова наступила тишина. Я доложил командиру батальона о немецкой танковой атаке и попросил поскорее прислать пополнение. Майор Радько сказал, что пополнение уже подходит к моим позициям, солдаты вооружены - готовы к бою. И, в самом деле, минут через пять я увидел цепочку солдат, которую вёл к НП старшина роты. Конечно, я обрадовался. Подошли новые солдаты, и предстояло им сразу же получить боевое крещение. Старшина доложил о прибытии. И пока я собирался познакомиться с прибывшими и записать фамилии новых солдат, снова донёсся с немецкой стороны шум моторов и залп наших 57-ми миллиметровых пушек. Разгорался бой, но через 5-7 минут прекратилась стрельба.

Прибежал на мой наблюдательный пункт запыхавшийся и злой командир батареи. Худощавый, высокий старший лейтенант в полушубке и с биноклем на шее, ещё приближаясь ко мне, кричал:

- Ротный, если не прикроешь своими стрелками, пойдёшь под суд военного трибунала!

А когда остановился передо мной и увидел пополнение, разгорячился ещё больше:

- Я сниму свои пушки с огневых, если сейчас же не отправишь ко мне своих солдат! Отвечать ты за это будешь!

Я его пытался успокоить, говорил, что пополнение только что прибыло и ещё не успел записать фамилии солдат. Отдышавшись немного и подавив в себе возмущение, командир батареи рассказал, что подбил три танка с десантом пехоты. Немецкие автоматчики улеглись в 100 метрах от орудий и могут в любую минуту захватить огневые. Ничего не оставалось, пришлось отправить 10 солдат с командиром батареи. Он увёл их с собой. Рассеялся туман. Следовало ожидать атаки немецкой пехоты. И атака началась сразу же по центру и справа.

Как миномётчик я взялся корректировать огонь миномётной роты погибшего Кацубы. Мои команды выполнялись охотно. Беглым миномётным огнём и длинными пулемётными очередями удалось за несколько минут сорвать наступление противника, но немцы не успокоились. Мы подверглись сильнейшему артобстрелу. Это была настоящая артподготовка, которая продолжалась 30 минут. Весь район обороны батальона был закрыт плотным едким дымом. Дрожала и гудела земля. Когда завершился обстрел, и дым поднялся немного над высотой, мы увидели чернеющие воронки и во многих местах прошлогоднюю пахоту вместо снежного покрова.

Началась решительная атака противника при поддержке танков, которые, совершив манёвр, двигались на позиции 7-ой роты, во фланг моей 9-ой, и на 57-ми миллиметровую батарею справа. А в центре - новая атака пехоты. 76-ти миллиметровое орудие в расположении 7-ой роты выпустило несколько снарядов по немецкому танку и тот час же было уничтожено ответным огнём. Справа гремели орудия. Одна 57-ми миллиметровая пушка разбита. Не утихал бой и с немецкой пехотой. Хорошо действовала миномётная рота. Сотни мин валились на головы противника. И дивизион Петрова бил по курганам и залегшим немецким солдатам, которые попали в огненный капкан: ни вперёд, ни назад не могли двинуться!

Бой продолжался 4-ре часа. Противник смирился с неудачей. Его танки постояли на месте, ведя огонь по обнаруженным целям в расположении нашего 3-го батальона. Из глубины огонь вели 76-ти миллиметровые пушки нашей дивизионной артиллерии. Немецкие танки повернули назад. На склоне высоты с тремя курганами остались лежать немецкие трупы. Перед фронтом моей роты их было не менее 250-ти. Для 9-ой роты боевой день завершился, а 7-ой Крюкова пришлось пережить ещё одну немецкую фланговую атаку. День 19-го января не принёс немцам успеха. И у меня в роте, и у Крюкова были большие потери. Из последнего пополнения, тех ребят, которых с ходу отправили в бой, уцелело пятеро. Доложить о потерях я не мог: не знал, к сожалению, фамилий пострадавших солдат. Я поручил старшине роты найти список пополнения в штабе полка, отправиться с этим списком в дивизионный медсанбат и выяснить фамилии раненых - каждый знал, в какую роту его направили (и в штабном списке это записано!). Остальных - придётся считать погибшими. Пропавших без вести у нас не было. И если бы оказались такие, я бы всё равно не доложил о них. За день из строя выбыли все мои командиры взводов. Из резерва прислали других, но и они не уцелели.

К вечеру прислали полковых сапёров для установки мин перед нашим передним краем. К нашему стыду, немцы сумели перед своей танковой атакой бесшумно снять противотанковые мины, прикрывавшие наш передний край. Теперь предстояло всё восстановить и обеспечить охрану - не проспать бы ещё раз!

Командир батальона поздравил с успехом. Он сообщил, что кинооператоры направлены из штаба корпуса в расположение моей 9-ой роты, они должны запечатлеть на плёнке трупы погибших немецких солдат. Конечно, никто не пришёл: бессмысленна была затея с самого начала. Кому нужны новые жертвы, да и страшное было это место после сегодняшнего дня!

20-го января 1944-го года.

Вчера ночью немцам удалось на левом фланге 7-ой роты овладеть несколькими окопами. К утру полковые разведчики выбили противника, а в 12 часов дня немцы снова овладели окопами. Майор Радько вызвал меня к себе на наблюдательный пункт, расположенный на краю буерака между 7-ой и 9-ой ротами, и приказал отправить один взвод для обеспечения левого фланга 7-ой роты. Подтянутый, строгий и гордый комбат смотрел на меня испытующе и предупредил:

- Сам поведёшь взвод, никому не перепоручай!

Вообще наш комбат производил на меня впечатление немного странного офицера. Он иронично-презрительно относился к молодым командирам, был чрезмерно замкнут и сосредоточен на самом себе - и в то же время боевой,

бесстрашный настолько, что не залегал под пулемётным огнём. Гордость не позволяла ему "унижаться"!

Я повёл взвод вдоль нашей траншеи под сильным огнём противника. Мы шли осторожно и по необходимости залегали на снегу - не считали это "унижением". Когда я пришёл к Крюкову, он уже сидел в блиндаже и спокойно пил чай. Среднего роста, усталый лейтенант с красным обветренным лицом, строгий и порой вспыльчивый поборник справедливости, сказал мне, что помощь ему не нужна, немцев окончательно выбили и погнали; приняты все меры, чтобы обезопасить свой фланг. Я ему оставил один ручной пулемёт, по телефону Крюков доложили комбату обстановку, и майор разрешил мне увести взвод.

21-ое января 1944-го года.

Утром немцы снова предприняли атаку левого фланга 7-ой роты. Три танка всего, приспособившись к складкам местности, уничтожили противотанковое орудие, станковый пулемёт и ружьё ПТР, прикрывших слева окопы, а автоматчики опять добились успеха. Ранен командир роты Крюков.

Противник также предпринял атаку на боевое охранение моей 9-ой роты, но был отбит миномётным и пулемётным огнём. А в остальном, - день прошёл спокойно. В 11 часов ночи учебный батальон нашей 9-ой Воздушно-Десантной дивизии выбил немцев из окопов 7-ой роты и восстановил положение на левом фланге 3-го батальона, а также закрыл стык с 1-ым батальоном капитана Серебренникова.

28-ое января 1944-го года.

Свиристует грипп. Я заболел, температура выше 38-ми градусов. С наблюдательного пункта не ушёл. Отлеживался в блиндаже, когда немцы не тревожили. Ночью отразили ещё одну атаку противника, она пришлась по центру моего района обороны. Батальонный фельдшер настаивает на моей отправке в медсанбат.

1-ое февраля 1944-го года.

Роту принял её бывший командир, старший лейтенант Серов, который вернулся из госпиталя после излечения, Это было его уже третье ранение. Меня же отправили в дивизионный медсанбат, где я провёл три недели в команде выздоравливающих (КВ).

24-ое февраля 1944-го года.

Я сейчас нахожусь в резерве начальника штаба полка майора Приматова. В полку действуют всего 2 батальона - по две стрелковые роты в каждом. Вакантных должностей нет. И только две миномётные роты - вместо трёх. Так что и по специальности я остался "безработным". Штаб по-прежнему - в Старом Данциге, в том же каменном двухэтажном здании с надёжным подвалом, который пригоден и в качестве бомбоубежища. Наблюдательный пункт командира полка майора Пономарёва - недалеко от штаба, на высоте. Из блиндажа (а, может быть, дзота?) с тремя амбразурами виден весь участок обороны полка. Я, как и другие офицеры резерва, выполняю обязанности наблюдателя. Ночуем не в штабе, а в одноэтажном домике напротив. Когда я нахожусь на наблюдательном пункте, то не могу оторвать взгляд от "своей скирды", возле которой находится НП, откуда я управлял боем во второй половине января. Противник авиацию сейчас не использует: его самолёты

заняты на Корсунь-Шевченковском направлении, где окружены 10 германских дивизий.

Я познакомился с двумя замечательными офицерами. Один из них - москвич Боря Гальковский, примерно моего возраста лейтенант, оказался в резерве после контузии; другой - Александр Сергеевич Ларионов в резерве ожидает скорого получения новых противотанковых длинноствольных 45-ти миллиметровых пушек. Ларионов - лейтенант-артиллерист, лет на 12 старше меня, но - это не препятствие для нашей фронтовой дружбы. Боря Гальковский имел какое-то музыкальное образование, хорошо пел, был всегда весел и остроумен. Ларионова мы уважали за жизненный опыт и мудрость.

Сегодня в три часа ночи я проснулся от сильных разрывов гаубичных снарядов. Немцы стреляли по штабу и нашему домику - это всё, что ещё не было разрушено в селе. Мы спали на полу полураздетые - снимали только гимнастёрки и сапоги. Сбросишь с себя армейское одеяло, вскочишь с соломенной подстилки, натянешь сапоги - и готов. Так было и на этот раз. Близкие разрывы раскачивали наш домик, снесло кровельную крышу. Страшно было оставаться в помещении. Воспользовались минутным перерывом и побежали к штабному каменному дому, который в этот миг казался нам крепостью. Не скажу, что штабные нам обрадовались, но угол в подвале мы нашли.

Когда обстрел прекратился, нам дали понять, что пора возвращаться к себе. Не успели расположиться в своей комнатухе, как начался новый обстрел - такой же интенсивности. И снова мы совершили бросок в штабной подвал. Так продолжалось ещё несколько раз до самого утра. Что-то противник узнал, подслушал отдалённый рокот тягачей, которые тянули поближе к нам тяжёлые орудия.

До конца февраля подтягивалась наша артиллерия. Растаял снег, непроходима грязь оттаявшего чернозёма. По всем признакам предстоит большое наступление.

5-ое марта 1944-го года.

Сегодня нас сменили. В полосе 9-ой Воздушно-Десантной посадили три гвардейские дивизии 32-го корпуса нашей 5-ой гвардейской армии генерала Жадова. Сведения - строго секретные, но офицеры о них узнают неофициальным путём. Нашу дивизию переместили вправо на 7 километров, и эти несколько километров мы преодолевали в течение ночи по полуметровой грязи, вытягивая на руках орудия, армейские повозки и самих себя. Грязь была настолько густой и липкой, что приходилось подвязывать тесёмками ушки сапог, чтобы не потерять их в болоте. Не верилось почему-то, что в такую распутицу можно наступать. Даже "Катюши" не могли двигаться своим ходом, их тянули тягачи. Но и противник не ожидал от нас активных действий! В этом и состояла внезапность.

8-ое марта 1944-го года.

Второй Украинский фронт, возглавляемый генерал-полковником Коневым, сегодня перешёл в наступление. На участке нашего полка артподготовка продолжалась 1,5 часа. Немецкий передний край был прорван без потерь с нашей стороны, а за населённый пункт Николаевка - в 5-ти километрах от передовой - шёл серьёзный бой. К обеду полк овладел половиной села, но сопротивление немцев ещё не было сломлено. К вечеру все огневые средства и

даже тылы были подтянуты к Николаевке. Ночью противник ушёл, отметив свой маршрут пожарами.

9-ое марта 1944-го года.

Продвигались вперёд к населённому пункту Большая Виска. Проходим мимо разбитых танков и тяжёлых орудий, которые противник вынужден бросать. Большую Виску взяли без боя. А за селом, на высотке, полк встретил сопротивление. Окопы немцев были отрыты на опушке роши, и подход к узлу обороны скрытый. Кроме того, наша артиллерия отстала. Весь день без успеха полк одними стрелками вёл бой. Так продолжалось и на следующий день. Вечером на левом фланге потеснили немцев. Ночью они отступили.

11-ое марта 1944-го года.

Наступали на Плетённый Ташлык. Село взяли, а на высоте за селом противник оказал серьёзное сопротивление. В полку большие потери. Убит командир батареи 120-ти миллиметровых миномётов старший лейтенант Грошев и командир стрелковой роты лейтенант Иванов. К вечеру подошла артиллерия, которая обрушила на противника сильный огонь. В короткой схватке наши стрелки заставили немцев покинуть высоту. Ночью наш полк занял крупный населённый пункт Злынка.

12-ое марта 1944-го года.

Полк освободил населённые пункты Новая Поддымка и Поддымка, наступление продолжается по труднопроходимой грязи. На так называемых дорогах в глубоком "джеме" чернозёма сидят германские грузовики всех марок. Это немцам - не автострады Западной Европы!

13-го марта 1944-го года.

Поднялась сильная метель. Мокрый снег кружил, заметал всё вокруг, а колючий ветер забивал дыхание. Так продолжалось два дня, но продвижение на запад не останавливалось. Понятно, немцы не оказывали никакого сопротивления - они остались за спиной наших войск.

15-го марта 1944-го года.

Овладели населённым пунктом Добрянка. На левом берегу реки Синюха бой продолжался более суток. Ничего удивительного: отстала артиллерия, застряли в болотах тылы - даже батальонных кухонь не видно. Кормимся по "бабушкиному аттестату", то есть гражданское население спасает от голода. Полк форсировал реку Синюху и утром освободил Юзефполь.

17-ое марта 1944-го года.

Вышли к населённому пункту Лысая Гора севернее города Первомайск. Мы уже рядом с моими родными местами. Ещё немного - и начнём освобождать север Одесской области. Волнение нарастает.

18-ое марта 1944-го года.

Форсировали Южный Буг у села Великая Мечетка. Населённый пункт освободили, но немцы оттуда выбили наших пехотинцев. У нас катастрофически не хватает солдат. Село переходило из рук в руки несколько раз.

20-ое марта 1944-го года.

Утром наши малочисленные подразделения перешли в наступление под звуки полкового оркестра. В каждом стрелковом полку по штату положен духовой оркестр. В трудные дни боёв музыканты использовались на хозяйственных работах, в основном на заготовке дров. Наконец, наступил год наших побед, снова нужна музыка бравурных маршей. Вот сегодня оркестранты вдохновляли наших солдат, звали на штурм! Сам командир корпуса, генерал-лейтенант Лебеденко, пришёл в наш полк и наблюдал атаку. Великую Мечетку освободили и продолжили наступление.

21-е марта 1944-го года.

Освободили село Секретаровка. На очереди городок Кривое Озеро Николаевской области - это уже совсем рядом с родной Одесской! Немцы уже не просто отступают, а панически бегут, бросая всё своё тяжёлое вооружение и автомашины.

22-ое марта 1944-го года.

Освободили Кривое Озеро. Балту нам не суждено было брать. Жаль. Мы свернули на город Ананьев Одесской области. Наконец, избавились от непроходимых болот, но нас поджидает другая опасность: все грунтовые дороги и тропы, которые нам отвели для марша, густо минированы. Когда пересекали железную дорогу у станции Жеребково, были поражены степенью разрушения полотна. Рельсы разорваны на куски, порезаны шпалы специальными железными крюками. Вандализм немцев достиг своего предела!

Апрель 1944-го года.

Освобождён город Первомайск. Бой был не очень сильный. Противник отступает, ищет и создаёт, вероятно, по Днестру новый и надёжный рубеж обороны.

В начале апреля я вынужден был обратиться за помощью в медсанбат дивизии: замучила пиодермия на обеих ногах. Трудно ходить, а передвигаться пешком - моя профессия. Я снова в команде выздоравливающих (КВ). Медсанбат также перемещается. Идём в город Григориополь на Днестре. Меня вскоре отправили в свой полк. Днестр наша дивизия форсировала южнее Григориополя и заняла населённый пункт Делакау.

Слишком много вина в этих местах. Солдаты пьют его полными котелками. И офицеры к вину равнодушны. Я никогда не злоупотреблял спиртным, но и меня угощают за компанию.

1-ое мая 1944-го года.

Утром противник начал решительную атаку, стремился сбросить нашу дивизию с днестровского плацдарма. Работает его артиллерия и в особенности свирепствует авиация, - не дают голову поднять, буквально припечатали к земле. И всё же атаку удалось отбить. Помогла и наша артиллерия с левого берега Днестра.

Май проходил относительно спокойно, если спокойствием считать артиллерийско-миномётные налёты и пулемётные обстрелы. Наши войска подтягивали артиллерию и создавали запас боеприпасов. Готовили наступление.

25-ое мая 1944-го года.

Спокойствие нарушено. Утром после сильной артподготовки части нашей дивизии перешли в наступление с плацдарма. Рядом действовали и другие соединения 5-ой гвардейской армии. Наступление противник сорвал в первый же день. Плохо сработала наша разведка. Немцы изучили нашу тактику, отвели свои основные силы километров на 8 и там ждали подхода нашей пехоты. Артиллерийская подготовка пришлось по пустому месту (немцы оставили только заслон). На новом рубеже немецкой обороны наши войска встретили серьёзное сопротивление, остановились и стали подтягивать артиллерию. Немцы перешли в контратаку, вернули свои ранее покинутые окопы, но сбросить нашу дивизию с плацдарма не сумели.

Чувствительные потери мы понесли в этот день. Убит ранее непробиваемый майор Радько. Недавно он был назначен заместителем командира полка вместо подполковника Мещерякова, который возглавил 26-ой полк. А сегодня и Мещеряков погиб в кровопролитном бою. Вспоминается встреча с Мещеряковым в конце октября 43-го года. В беседе с комбатом Серебrenиковым о дальнейших действиях Красной армии после выхода к границам Советского Союза заместитель командира полка утверждал, что нас "Заграницу" не пустят. В комнате, в которой, сидя за деревянным столом, мечтательно рассуждали два боевых командира, был и я, и ещё два офицера. Энергичный, подвижный Мещеряков иронично улыбнулся, а глаза его оставались при этом вполне серьёзными и немного грустными. Он откинул голову назад и, глядя куда-то вдаль, как бы за пределы этих стен, говорил:

- И кто нас пустит в Европу? Подойдут другие войска, обмундированные во всё новенькое - молодые, стройные солдаты и офицеры. Вот они и перейдут государственную границу и представят нашу страну Европе!

Так и не "пустили" подполковника Мещерякова в Европу! Сколько прекрасных офицеров погибло? А что уж говорить о солдатах-пехотинцах, которые тысячами выбывали из строя, приближаясь к границам СССР?! Мещерякова и Радько похоронили с воинскими почестями. 25-го мая и я, и другие командиры резерва находились в Григориополе, на левом берегу Днестра. Весь день и мы подвергались артиллерийскому обстрелу и пулемётному огню с противоположного берега Днестра.

После срыва нашего наступления немцы как бы успокоились. Наступило некоторое затишье.

7-ое июня 1944-го года.

Нашу армию сменили другие соединения. Нам же предстояло совершить 250-ти километровый марш и перейти границу Румынии. Вот мы и окажемся в Европе - никаких новых и особых частей для освобождения "Заграницы" не прибыло из глубокого тыла: не к параду готовимся!

15-ое июня 1944-го года.

Прибыли по назначению, остановились лагерем в лесу за городом Ботошани. Я сформировал новую миномётную роту и стал её командиром. Вышли на передний край западнее Мунтени. Наша оборона - на высоте 209, а румынская - на обрывистой горе напротив, и нейтральная полоса между нами составляет 2500 метров. Не долетают к нам пули, но артиллерия - и, в основном, германская - нас обстреливает довольно часто. Сидим в роскошных блиндажах,

натаскали туда мебели из оставленных ближайших населённых пунктов; спали на настоящих матрацах и подушках. Мы ведём миномётный огонь по противнику. Роту приходится доучивать прямо на огневой - в том числе, и моих командиров взводов, младших лейтенантов, которые закончили фронтовые (или армейские?) краткосрочные курсы. Я доволен своими взводными. Георгий Ярошок - командир 1-го взвода и старший на огневой, а Афанасий Сивцев командует вторым взводом. Послушные и дисциплинированные подчинённые с боевым опытом. До их отправки на курсы они были командирами расчётов в миномётных ротах.

18-ое июня 1944-го года.

Противник обнаружил мои миномёты и методически обстреливает из 105-ти миллиметровых гаубиц. Мы хорошо окопаны, потеря у нас нет.

28-е июня 1944-го года.

Нас отвели с переднего края во второй эшелон. Сильный дождь. Все говорят о том, что в ближайшие дни нашу армию перебросят на 1-ый Украинский фронт, командующим которого назначен теперь уже генерал-армии Конев. Если солдаты об этом говорят, то приказ непременно поступит.

6-ое июля 1944-го года.

Так и вышло! Наш фронт обороны на северо-востоке Румынии заняла 7-ая гвардейская армия. Мы же снова в походе. Вышли ночью, темно настолько, что дорогу приходится то и дело освещать ракетами. Шли на север всю ночь и весь день. Остановились в лесу, в котором пребывали два дня. 9-ого июля вышли к железной дороге, погрузились в воинский эшелон и передвигались в течение шести суток. Конечно, больше стояли, чем находились в движении. Итак, мы на 1-ом Украинском фронте!

16-ое июля 1944-го года.

Совершили 20-ти километровый переход и вышли к реке Збруч. Снова расположились в лесу, проводим занятия по огневой и тактической подготовке на полянах.

19-ое июля 1944-го года.

1-ый Украинский фронт перешёл в наступление и прорвал немецкую оборону. Нашу армию ввели в прорыв в районе Тернополя.

25-го июля 1944-го года.

Рассчитывали столкнуться с противником где-то под Тернополем, но немцы предпочли отступить. Догонять убегающих - тоже трудное занятие, тем более по густо минированным дорогам. Ежедневно совершаем изнуряющие марши, продвигаемся с кратковременным отдыхом по 55 километров. Командование фронтом торопит, нельзя позволить немцам оторваться и создать новый рубеж обороны.

26-ое июля 1944-го года.

Нам сообщили неожиданную новость: оказывается, 20-го июля в Берлине было совершено покушение на Гитлера. И мы узнали об этом тёмной ночью, когда небо было закрыто чёрным пологом, и колонна наша на всю ночь застряла на

заминированной дороге. Любое неосторожное или нетерпеливое движение повозки, артиллерийского орудия, полевой кухни приводило к подрыву и людским потерям. Что же касается самого Гитлера, то мы были разочарованы его везучестью, хотя и не верили, что гибель фюрера привела бы к окончанию войны

3-ье августа 1944-го года.

За сутки прошли 60 километров с 4-мя двухчасовыми привалами для приёма пищи и короткого отдыха. Расположились в лесу, предполагая продолжительную остановку, но через три часа вызвали командиров рот в штаб батальона и сообщили, что противник обнаружен в 18-ти километрах от нашей стоянки и необходимо сблизиться с ним, не позволить немцам далеко оторваться и подготовить оборонительный рубеж.

В 15 часов дня выступили. К вечеру мы прибыли в намеченный район сосредоточения, а противника, который ранее контратаковал потрёпанные части первого эшелона, так и не обнаружили. Опять сбежали немцы, боясь встречи с нашими основными силами. Мы вынуждены снова продолжить марш.

Идёт сильный дождь, опять тащимся по грязи, отстают обозы и батальонные кухни. Колонна растянута, трудно и почти невозможно двигаться строем, солдаты выбились из последних сил. Порой кажется, что легче было бы залечь под пулемётным огнём, чем продолжать бесконечное движение и пытаться догнать оторвавшегося от нас противника. Прошла ещё одна тяжёлая ночь, К утру вышли на песчаный грунт, стало немножко легче. Лошади устали не меньше, чем люди - приходится на подъёмах подталкивать армейские повозки с вооружением и боеприпасами. Рассеялись дождевые тучи, стало намного теплее.

4-ое августа 1944-го года.

Подтянулись кухни, накормили нас завтраком. И снова марш. По всем признакам - противник уже недалеко. Над нами кружат немецкие самолёты. Но пока не бомбят и не обстреливают. В 11 часов утра мы развернулись в цепь и, пройдя по кочковатому полю метров 800, заняли исходный рубеж для наступления. В устном приказе командира полка говорится: предстоит выбить мелкие группы противника, который занимает неподготовленную оборону.

Поднялись в наступление, прошли без выстрелов ещё около двух километров и попали под редкий пулемётный огонь. Разорвалось несколько мин калибры 81 миллиметра. Казалось бы, этого только и ждали смертельно усталые пехотинцы. Роты залегли, и никакая сила уже не могла поднять наших солдат. Моя рота заняла открытые огневые позиции и открыла огонь по предполагаемым, но не видимым в бинокль целям. Приказали ждать подхода нашей дивизионной артиллерии.

Только в 18 часов начался огневой налёт по позициям противника. После этого стрелковые роты поднялись в атаку и без всяких призывов и криков "Ура" заняли населённый пункт. Справа действовала дивизионная 109-ая штрафная рота ("Шура" - на солдатском сленге!). Эта рота нам очень помогла, атакуя по флангу решительно и отважно. Уже в населённом пункте Тушув Народове мы попали под мощный обстрел немецкой дальнобойной артиллерии.

В результате многодневного марша в предыдущие дни мы оказались без карт. Во всяком случае, командиры рот и батальонов не знали, где же мы на самом деле находимся. Судя по названию населённого пункта, мы уже на польской

земле - и не первый день! Даже не заметили, как и когда пересекли польскую границу.

5-ое августа 1944-го года.

В конце июля командир 28-го полка подполковник Пономарёв был откомандирован на учёбу, на какие-то академические курсы - точнее мы не проинформированы. Теперь у нас новый командир, майор Лазебников. По возрасту он старше Пономарёва и отличается от него беспокойным, вспыльчивым характером.

Ночью наш батальон, которым командовал капитан Серебренников, получил приказ выдвинуться к рокадной дороге (дорога вдоль фронта) и оседлать её. Надо было пройти несколько километров по мокрому лугу в кромешной тьме. В последний момент, учитывая нашу усталость, батальон пожалели и заменили 109-той штрафной ротой, то есть это задание предстояло выполнить штрафникам.

В 9 часов утра нанесли визит в занятый нами населённый пункт немецкие самолёты, бомбардировщики с растопыренными шасси. Не зная типов германских самолётов, пехотинцы называют такие машины по своему, по каким-то ассоциациям - то "костылями", то "музыкантами". Самолёты сбросили бомбы, и одна из бомб разорвалась рядом с домом, в котором мы ночевали. Легко контужен командир 8-ой стрелковой роты старший лейтенант Смирнов. Он остался в строю.

В 10 часов утра получен приказ продолжить наступление, выйти к шоссе и железной дороге. Мы двигались развёрнутым строем, шли по мокрому лугу по щиколотку в воде. Над нами - "Мессершмитты", стреляют по малоподвижной пехоте. Наши ручные пулемётчики и ПТР пытаются сбить самолёты, нагло снижающиеся почти над головами солдат. Через час мы выбрались на возвышенность, покинув мокрый луг. Впереди - шоссе, на подходе к нему стоят в ряд скирды соломы. Подошли поближе. Под скирдой, в 100 метрах от дороги, увидели группу солдат 109-ой штрафной роты. Примерно 15 человек уцелело после ночной схватки с немецкими танками. Рота имела в своём составе 250 человек. Раненых уже эвакуировали в тыл, а на шоссе и обочинах лежали обгоревшие тела наших солдат. Среди немецких танков было два огнемётных, которые и нанесли основные потери штрафникам. Бой был серьёзный. На шоссе два подбитых немецких танка и несколько опрокинутых мотоциклов.

Вот она, судьба штрафников! Им достался страшный рубеж. Рота фактически уничтожена, раненые и уцелевшие солдаты искупили свои грехи. Командир роты отправился в штаб дивизии. Там он представит список прошённых Родиной, и бывшие штрафники станут обыкновенными солдатами Красной армии. Погибших похоронят в братской могиле, а их семьи получают похоронки, в которых родных утешат тем, что муж или сын пал смертью храбрых.

Мы окопались, перевалив шоссе. До 13-ти часов бомбили и обстреливали немецкие самолёты. В основном с неба нас поливали разрывными пулями. В 13 часов продолжили продвижение под непрерывными налётами германских "горбылей", бомбардировщиков с изогнутыми крыльями. Пересекли железную дорогу, овладели населённым пунктом на берегу реки Вислоки (большого притока реки Висла - главной водной артерии Польши!).

Поступил приказ двигаться в южном направлении и затем отойти немного назад для того, чтобы обеспечить фланг дивизии - наш полк вырвался немного вперёд. Мы совершили какой-то замысловатый манёвр и оказались снова на том

рубеже, с которого начали вчерашнее наступление. До вечера охраняли левый фланг дивизии, а затем - на запад! Продвинулись на 4 километра и свернули на юг, вышли к какому-то заброшенному заводу с почерневшими кирпичными стенами. Над нами на большой высоте рокочут двигатели немецких тяжёлых бомбардировщиков. Машины идут на восток. Наши зенитки ведут частый огонь, но машины продолжают свой полёт куда-то в наш тыл.

За заводом встретили сопротивление противника. Сбили немцев с занятых ими позиций и сами провели ночь на рубеже, который был определён как исходный. Утром прошли 1,5 километра в северном направлении и форсировали реку Вислока на пароме. Наша цель - населённый пункт Хюнерн.

6-ое августа 1944-го года.

Полковая разведка шла впереди, а за ней - основная колонна во главе с нашим третьим батальоном. До Хюнерна оставалось ещё 2 километра. Шли медленно и несколько раскованно. Втянулись в населённый пункт по широкой грунтовой улице, не ожидали встречи с противником. За дальней околицей Хюнерна, примерно в 300-400-ах метрах, - ещё один небольшой населённый пункт. Под ясным летним небом - хорошая видимость и благодушное настроение. Но когда мы прошли полпути до околицы, я из привычной предосторожности отправил повозки с минами за дома с правой стороны улицы. На противоположной стороне строений мало и какой-то травянистый пустырь тянется куда-то, вероятно, к обрыву вдоль реки. На пустыре спокойно пасутся две козы - вполне мирная картина - и никаких тревог!

И вдруг мы попали под сильнейший обстрел. В первые мгновения показалось, что стреляют со всех сторон и преимущественно с соседнего населённого пункта за околицей. Я приказал роте укрыться за домами, снять с повозки миномёты и следовать за мной. Я искал место, которое можно использовать как огневую позицию. Бежали вперёд по огородам, ломая штакетники заборов. Нашли просторный двор и за каменным сараем установили все 8 миномётов. Расчёты действовали быстро и слаженно; с повозок были сняты ящики с минами. Стрелять можно было только под большим углом, то есть на расстояние не больше 600-700 метров.

Не видя никаких целей и не зная, где противник, я скоординировал открыть беглый огонь по дальней околице села Хюнерн: по моим предположениям голова батальонной колонны не достигла края села. Расстояние определил визуально. Выпустили по 10 мин на ствол - и этого было достаточно, чтобы остановить бегство наших солдат, застигнутых врасплох. Кроме того, и старший сержант Черемичный под пулемётным огнём развернул одну сорокапятку. Расчёт, укрываясь за стальным щитом, послал несколько снарядов в соседний населённый пункт. Мы слышали выстрелы слева. Командиры стрелковых рот и взводов приводили в порядок своих подчинённых и цепью повели вперёд.

И всё же в населённом пункте ещё оставались немцы, которые стреляли с крыш. На занятой нами огневой позиции - позади миномётов - стоял сарай, крытый соломой (точно, как в украинском селе!). Зажигательные пули воспламенили солому. Под сараем были сложены наши ящики с минами. Увидев огонь на крыше, повозочные и подносчики расчётов быстро оттащили ящики и обезопасили нашу огневую. Теперь уже растерянности не было никакой. Стрелковые роты вышли на околицу Хюнерна, но соседнее село взять не смогли: слишком плотным был пулемётный огонь противника.

Пришёл связной от командира батальона и приказал занять оборону. Сарай за спиной догорал, и я вместе с командирами взводов подыскали другую позицию. В качестве наблюдательного пункта выбрал крайний домик, в котором остановился начальник штаба батальона, старший лейтенант Москаленко. Он был очень возбуждён после того, что случилось, рассказывал мне, что по домику, куда он и комбат забежали, немцы открыли сильнейший миномётный огонь, удивлён, как удалось уцелеть.

Подозреваю, что это были наши мины: немцы стреляли из пулемётов и автоматов с позиций соседнего села. Я не стал разубеждать начальника штаба в том, что он ошибается

и у противника перед нами - только заслон. Как бы там ни было, наши миномёты своё дело сделали, и 80 мин, выпущенных по окрестности села, заставили солдат поверить в свои возможности. Конечно, те мины, которые попадали в домик, разрывались на крыше и не могли повредить людям, которые спасались в комнатах под прочным потолком, хотя страху набрались достаточно.

Справа наступал на колонию Чермин 23-ий полк нашей дивизии. В 14 часов дня и нам приказали наступать на тот же населённый пункт. Предстояло атаковать строго в западном направлении. Плацдарм на левом берегу Вислоки, был пока ещё небольшой, а командир 33-го корпуса, генерал-лейтенант Лебедеко, настойчиво требовал от командира дивизии, генерала Пичугина, немедленного захвата колонии Чермин, важного опорного пункта противника. Немцы также были настроены решительно и не позволяли нам даже приблизиться к укреплённому большому селу. Аккуратные строения издали, в мареве августовского дня, казались какими-то игрушечными, но именно оттуда стреляли пулемёты, где-то в глубине садов стояли орудия, которые обрушили на 23-ий полк губительный артогонь. Часто били и немецкие миномёты, что особенно страшно для залегшей на открытой песчаной местности пехоты. Наш батальон - единственный резерв командира дивизии, который сам выдвинулся поближе к первой цепи и из какой-то мелкой щели пытался руководить боем.

То, чего не могут сделать командиры рот и батальонов, не под силу генералам. Недалеко от щели, в которой сидел командир дивизии, разорвалась 119-ти миллиметровая мина, и генерал Пичугин погиб от смертельного ранения осколком. Очень печальная участь боевого генерала, но каждый должен быть на своём месте и не пытаться заменять в бою своих нижестоящих подчинённых. Истязание огнём продолжалось до самого вечера. Противник покинул населённый пункт к югу от Хюнерна, и мы получили возможность немного отдохнуть в сельских домиках.

7-ое августа 1944-го года.

Подняли в 4 часа утра. Наш батальон сменил 23-ий полк, который понёс серьёзные потери. После гибели генерала Пичугина дивизию временно принял начштаба полковник Горячев. Он приказал нашему 3-му батальону атаковать колонию Чермин. Мои миномёты остались в селе Хюнерн на прежних позициях, а наблюдательный пункт для управления огнём я выбрал примерно в километре впереди. В щели, открытой в сыпучем песчаном грунте, я "обустроился" вместе с моим отделением управления и с батальонными телефонистами. Вести наблюдение сложно - не прекращается пулемётный огонь со стороны колонии Чермин. В 10 часов утра после 15-ти минутного артналёта, в котором принимала участие и моя миномётная рота, стрелки перешли в наступление.

Немцы встретили батальон так же, как и вчера 23-ий полк. Наша атака была отбита. Противник совсем осмелел и стал накапливаться для контратаки. Беглым миномётным огнём мы сорвали приготовления немцев. До самого вечера продолжалась перестрелка. Когда стемнело, нашу дивизию сменила 14-ая гвардейская, которая в последних боях участия не принимала. Ночью нас перевели на другой участок, севернее села Хюнерн, и поближе к реке Висла. Наш батальон двигался по шоссе медленно. Утром остановились в 4-ёх километрах от Вислы. По ту сторону реки уже был завоёван плацдарм 32-ым и 34-ым корпусами нашей 5-ой гвардейской армии.

8-ое августа 1944-го года.

Один из самых тяжёлых дней для 28-го полка, третьего батальона и, в частности, моей роты. После завтрака мы вышли на шоссе и повернули на юг. Этот манёвр был необходим, так как для обороны нашему батальону отвели район на правом фланге полка. Первый и второй батальоны пришли раньше и уже успели окопаться, мы же задержались перед колонией Чермин в течение вчерашнего дня. Батальон растянутой колонной двигался по отличной дороге с глубоким цементированным кюветом справа; а слева мы как бы нависали над желтеющей долиной, которая метров на триста открывалась впереди рощицы. За рощицей слышна стрельба и доносится гул моторов. Наш обоз притормозили, боялись внезапного прорыва противника во фланг.

Стрелки, пулемётчики и ПТР-цы опустили в кювет и продолжили движение уже под свист немецких пуль. В хвосте батальонной колонны - 8-ая рота старшего лейтенанта Смирнова и моя миномётная без мин - не могли тащить с собой боеприпасы, они остались в повозках, которые на рысях умчались в противоположную сторону. Стволы, двуноги и тяжёлые опорные плиты - на плечах моих солдат. Пулемётный огонь противника усиливался и весь батальон, так и не развернувшись, застрял в глубоком кювете и застыл в ожидании. Раздались и понеслись по цепочке тревожные голоса наблюдателей: "Танки справа!". Потом - "Танки слева!" и ещё - "Танки - по центру!"

Мы насчитали 35 машин. Они медленно перемещались по долине. Одна группа в составе 15-ти танков двигалась вправо - там местность ровная и возможно продвижение вперёд; вторая группа (10 танков) шла по центру к дороге, но в 50-ти метрах за дорогой - продольный овраг; третья группа (также 10 танков) оказалась левее нас, примерно в 400-ах метрах. Этой группе и вовсе некуда было продвигаться: фигурный овраг разрезал местность поперёк, за оврагом - высотка, а там - немецкие позиции, возможно, - только лишь заслон.

Моя миномётная рота оказалась совершенно в беспомощном положении: и развернуться невозможно в кювете, и повозки с минами куда-то укатили вместе со всем полковым обозом. Нас просто уничтожат в этой канаве, когда обнаружат. Танки приближались. Приданная батальону пушечная батарея развернулась прямо на дороге и открыла огонь. Удалось подбить две машины, но и сама батарея была уничтожена ответным огнём. Не могла батарея, маячившая на виду у противника, противостоять 10-ти танкам. И Черемичный смело привёл к бою оставшуюся теперь свою единственную сорокапятку, произвёл несколько выстрелов и успел отойти в более или менее безопасное место за домики населённого пункта, за которым нам предстояло занять оборону.

Левая (для нас!) группа танков вышла на дорогу и застыла. 45-ти миллиметровое противотанковое орудие, стоявшее поблизости, открыло огонь,

но после двух выстрелов было разбито. Так и не узнали, чья эта пушка и удалось кому-либо из расчёта спастись. Я приказал приготовить противотанковые гранаты (на всякий случай мы запаслись ими заранее!). Немецкие батареи открыли сильный огонь по дороге вблизи населённого пункта. 15 танков продолжили своё движение. Справа - дым и клубы песчаной пыли затрудняли наблюдение, а танкам по центру и слева идти просто некуда. Они стоят и выискивают цели для поражения.

Справа началось в кювете какое-то движение. Наблюдая за противником, я не обратил никакого внимания на шевеление наших соседей. К тому же мы подверглись сильнейшему артобстрелу, а затем и разрывные пули начали лопаться над головой и не позволяли выглянуть из кювета. Вскоре наступила полная тишина, и я обнаружил, что в кювете кроме моей неразвёрнутой роты осталась ещё 8-ая стрелковая рота Смирнова - малочисленная и без средств усиления. Куда же всё подевалось?! Где станковые пулемёты и ПТР-ы? Где батальон и полк? По канаве ко мне пробрался Смирнов. Он был страшно расстроен, прилёг возле меня на локоть, опустил глаза и, скорбно вздохнув, сказал:

- Вот и наступил наш последний час. Везенью пришёл конец!

Что можно было ответить, чем успокоить, если и сам чувствовал, что неминуема гибель? Мои солдаты и сам Смирнов с остатками своей роты впервые оказались в такой ситуации. Я же невольно вспомнил окружение у Совхоза Приволжский 20-го ноября 1942-го года. Тогда и обстановка была страшней, противник нас видел и пытался уничтожить. А теперь немцы и не знают о нашем пребывании в каких-то двухстах метрах от них. Мы пока умело прячемся, но каждый понимает, что так долго продолжаться не может. Нервы у моих подчинённых могут не выдержать напряжения, и солдаты побегут. Я оказался наиболее опытным из всех оставшихся своих подчинённых и самого Смирнова. Мне нельзя попадать в руки к немцам - это верная смерть! Как бы мне ни было страшно, я должен оставаться - хотя бы внешне - хладнокровным.

- Что решил, Саша? - едва слышно спросил Смирнов.

- Пошлю в разведку своего ординарца Сошенко. Он смелый и надёжный солдат, и мне лично предан. Верю, он узнает, куда отступил полк и сумеет разведать путь отхода.

Сошенко сидел рядом со мной. Плотного сложения рыжий солдат в пилотке, сдвинутой к затылку, смотрел на меня доверчивыми глазами, в которых светилась надежда и желание действий, борьбы. Я указал путь поиска полкового начальства и пожелал своему ординарцу проявить осмотрительность. Не мешкая, он выполз незаметно из кювета и скрылся в августовской жухлой траве. Нам оставалось только жать его возвращения.

А перед нами те же застывшие танки недалеко от дороги. Что-то не получилось у немцев. По шоссе на север ушли 8 танков в поиске обходного пути; справа у населённого пункта - никакого движения, а где же наши 1-ый и второй батальоны, которые ещё со вчерашнего вечера сидели в обороне за той сереющей рощей? Только на западе, в десятке километрах отсюда, слышна глухая канонада - идёт бой. В 400-ах метрах севернее горела деревня Гурки, справа, за рощей, поднялся дым и медленно начал окутывать шоссе и населённый пункт.

Мой ординарец Сошенко вернулся через час. Он доложил, что по оврагу повернул влево, встретил артиллеристов, которые пытались выровнять и

протолкнуть застрявший грузовик. Артиллеристы показали, куда отступил полк и дорогу к штабу, если дорогой можно назвать спираль оврагов и балок.

Посоветовались со Смирновым и решили всем сразу подняться из канавы и рывком достигнуть оврага. Было ли это решение лучшим, сказать невозможно, но медленное переползание заняло бы не менее часа. За это время немецкие танкисты нас обнаружат и просто перестреляют из пулемётов. Впрочем, нам не оставили времени на раздумье: танки двинулись поближе к шоссе. Мы сразу же все выскочили из кювета и побежали к оврагу. Всего-то 70 метров надо было преодолеть! Я почувствовал то же жжение в спине, что и при бегстве из румынского полукольца 20-го августа 42-го у совхоза Приволжский. Никаких мыслей - один лишь инстинкт самосохранения гнал к укрытию. Танкисты не сразу поняли, откуда и как появились советские солдаты. Когда мы уже были в десятке метрах от оврага, немцы открыли пулемётный огонь и произвели два выстрела из танкового орудия. Недалеко от меня рухнул снарядный Доминов, надо мной просвистело несколько пуль, но я, как бы обогнав самого себя, вскочил в овраг и на спине сполз вниз по двухметровому склону. Слева и справа катились в укрытие наши солдаты. В первую минуту не могли ни двигаться, ни сообразить, что же с нами произошло. Пока вроде бы спаслись, а что дальше - увидим. Не все добежали, да и трудно было под миномётными выюками стремительно нестись вперёд к спасительному оврагу. Один мой заряжающий, рядовой Зелёный, ранен 4-мя пулями в руку и плечо. Его товарищи перевязывали, а он и не стонал - смотрел удивлёнными глазами на друзей, не верил, что ещё жив и в относительной безопасности. Танки не пойдут вперёд через овраг, вероятно, машины выдвигались к дороге и по ней собирались совершить только им известный разворот.

Некоторые наши солдаты всё ещё не могли сообразить, что пора остановиться и продумать, как действовать дальше, продолжали идти влево по оврагу и готовы были двигаться подалее от страшной опасности, пока ещё несли ноги. Смирнов и мой командир взвода Сивцев с трудом этих солдат остановили. Мы боялись подхода автоматчиков, которые сидели на танковой броне. Разрывные пули продолжали лопаться над оврагом и создавалось впечатление, будто немцы нас обходят. По опыту я знал: это только нам кажется, но страх и ожидание худшего не проходили.

Западнее оврага, в котором мы засели, виден населённый пункт Воля Оталенска. Сошенко сказал, что там и должен находиться штаб нашего полка. Кое-как привели в порядок роты и направились по оврагу влево, собственно туда, где не слышно стрельбы; а вот справа, с холма высотки, доносились длинные пулемётные очереди в сторону населённого пункта, в котором расположился отступивший 28-ой полк. Через минут 20 мы подошли достаточно близко к Воле Оталенской - метров 500 всего до околицы. На изгибе кручёного оврага мы увидели комсорга батальона Иленко. Он вместе с водителем пытался выволить из глубокой колеи пятитонный грузовик со снарядными ящиками. Наши солдаты помогли ему в этом: поставили машину на твёрдый грунт, а ехать некуда. По оврагу широкая тропа вела в населённый пункт Оталенж - южнее Воли Оталенской, - а там слышен шум боя. В селе Оталенж дорога поворачивает вправо и можно было бы выехать по ней к штабу полка, не будь на пути противника. А как же нам присоединиться к своему батальону? Остаётся только одна возможность - перебежки на полукилометровое расстояние, подставляя бок под огонь немецких пулемётов. Трудно было решиться на ещё одно смертельное испытание за сегодняшний

день. Сначала побежали два солдата 8-ой роты, затем - старший лейтенант Смирнов, потом - я, за мной - командир взвода, младший лейтенант Ярошок. Это всего лишь бег без материальной части, а наводчикам, заряжающим и снаряженным придётся просто переползать по-пластунски!

Выхода не было. Командир второго взвода, младший лейтенант Сивцев, должен был замыкать роту. Огонь справа меня прижимал к земле. Несмотря на лёгкость и ловкость, я с каждой перебежкой укорачивал броски, припадал к земле, отползал в сторону, страхуясь от прицельных выстрелов, благословляя каждую бороздку и ямку как укрытие от пуль, которые рыхлили рядом землю со свистом и стоном. До чего родна земля в такие мгновения!

Добрался я к населённому пункту с 6-тью солдатами 1-го взвода, со мной был и младший лейтенант Ярошок. Принесли с собой один ствол, одну двуногу, а опорной плиты не было. Я доложил командиру батальона о своём прибытии и спросил, почему не прислали связного и не передали приказ на отход? Капитан Серебренников меня заверил, что он лично отравил связного, но тот, вероятно, не смог к нам добраться. Я этому не поверил: должно быть, не рискнул солдат пройти 400 метров под пулями и добраться хотя бы к 8-ой роте Смирнова.

Долго не приходил Сивцев со своими подчинёнными. Не решился взводный на рискованные перебежки под немецким пулемётным огнём. Но примерно через 1,5 часа из-за посадки возле дома, в котором остановился штаб полка, показался взвод в полном составе с миномётными выюками за спиной. И не только взвод самого Сивцева, но и подчинённые Ярошка. Конечно, формально Сивцев послушался приказа и мог завести своих людей прямо на немецкие позиции. А повезло всё же, прошли мимо, очевидно, их не заметили, а возможно в Оталенже стоял всего лишь небольшой заслон противника. Как ни рассуждай, Сивцев оказался удачлив и поэтому прав. А ждала нас другая беда. Мы должны были занять огневые позиции, но не оказалось ни одной опорной плиты. Из штабного дома вышел заместитель командира полка по политчасти, капитан Гринчевский. Увидев меня, он раскричался:

- Где вы болтались полдня? Почему не разворачиваете роту? Ваши повозки с минами уже прибыли и стоят в 200-ах метрах отсюда - за сараями!

Я вынужден был ему доложить, что мы остались без опорных плит. Вскипел замполит:

- Как могли такое допустить, пойдёте под трибунал!

- Не надо мне угрожать трибуналом. Вы виноваты в том, что бросили мою роту и роту Смирнова на уничтожение! Почему не отдали приказ на отход?!

Гринчевский опешил от дерзости моей, повернулся и, бросив на ходу "разберёмся!", ушёл к себе в штаб. Мне ничего не оставалось - надо было срочно доставать опорные плиты из кювета, в котором их оставили снаряженные. Только один солдат Доминов побежал с тяжёлой опорной плитой и был убит танковым снарядом.

Я позвал ординарца Сошенко и попросил (не приказал!) взять с собой снаряженных и вытащить опорные плиты из той проклятой канавы. Без плит - мы не рота. 20 минут тому назад с плацдарма по ту сторону Вислы прогремели залпы "Катюш". Немецкие пулемёты на высоте уничтожены. К дороге, где стояли танки, можно пробраться теперь самым коротким путём. Сошенко, как всегда, изъявил готовность выполнить моё поручение. Он собрал приунывших снаряженных и цепочкой повёл к шоссе, к тому кювету, откуда мы едва выбрались живыми. Ещё раз подвергнуть себя смертельной опасности было непосильным испытанием для солдат, но другого выхода просто не было.

Ко мне подошёл начальник штаба батальона, старший лейтенант Москаленко, присел на траву и оживлённо начал рассказывать, что ему пришлось испытать при отступлении:

- Я и комбат Серебренников шли во главе колонны, ни сном, ни духом не предполагали, что может такое случиться! Впереди в обороне 1-ый и второй батальоны полка - с артиллерийским дивизионом и полковой батареей 120-ти миллиметровых миномётов. Мы должны были за населённым пунктом развернуться фронтом на юг - за правым флангом второго батальона. И вдруг на нас поёрли танки! - начштаба в своей манере громко и, закинув голову назад, начал честить "проклятых Фрицев" и пожелал им дюжину напастей. - мы кинулись убежать от немцев, падали, поднимались и не надеялись спастись. Хорошо ещё глубокая канава позволила немного отсидеться! А танки обогнули село и направились на запад. На дороге, гады, давили орудия и автомашины артиллеристов, Потом поступил приказ отойти в село Воля Оталенска. Опять под огнём добрались и добрались в эту мышеловку. И что нас ожидает тут?! Прижали и могут кинуть в Вислу. Немцы хотят прорваться к переправе и отрезать Сандомирский плацдарм. Ничего у "Фрицев" не выйдет, а нашей дивизии может быть плохо, очень плохо.

У меня также было плохое предчувствие и мрачное настроение. Москаленко продолжал:

- Смирнов мне рассказал, какой смертельный кросс пришлось вам отмахать под пулемётным огнём из танков. Только какое-то чудо помогло вам спастись и ещё солдат привести с собой! Особое везение!

- А Гринчевский угрожает мне военным трибуналом за то, что опорные плиты оставили в кювете, - оправдывался я, - а как можно было бежать под пудовым грузом?!

- Не обращай внимания на Гринчевского, - успокоил Москаленко, - наверное, ему тоже выдали по полной норме из политотдела дивизии. Были бы миномётчики, а опорные плиты старшина роты тебе завтра же достанет.

Я не стал говорить начальнику штаба о том, что отправил Сошенко и снарядных за опорными плитами. А стоило ли так рисковать? Через час мой ординарец привёл солдат. Они навьючили себе на спины драгоценные опорные плиты, которые вытащили из кювета. Немецких танков уже не было на дороге, ушли куда-то на юг. В нескольких километрах от населённого пункта раздавалась пушечная стрельба. Сошенко рассказал, что рядовой Доминов был убит прямым попаданием снаряда. Опорная плита разбита, тело солдата обезображено. В овраге нашли ямку и похоронили Доминнова.

Я развернул свою роту, оставшиеся 7 миномётов. Мы были готовы к бою. До 16-ти часов дня сидели в обороне. 14-ая дивизия нашего корпуса нанесла контрудар по немецкой группировке и выручила нас. Плацдарм на реке Вислока корпус отстоял. В 16 часов 30 минут восстановили телефонную связь с первым и вторым батальонами нашего полка. Солдаты не побежали, пропустили через свои окопы немецкие танки. Правда, пострадала одна приданная пушечная батарея и полковые миномётчики потеряли два ствола. А досталось больше всего нашему 3-му батальону, который был застигнут врасплох на марше.

Когда стемнело, полк занял оборону фронтом на юго-запад.

9-ое августа 1944-го года.

Нас пожалели и оставили 28-ой полк во втором эшелоне дивизии. Два других полка - в наступлении и продвинулись на 10 километров к югу. А мы отдыхаем

в буквальном смысле слова. Там, где вчера господствовала смерть, мы сейчас наслаждаемся покоем и много едим. В населённом пункте нет никого из местных жителей, а продуктов в домах хватает. Солдаты превратились в поваров, готовят умело разные кушанья: и свиные отбивные, и блины со сметаной, разные супы и украинский борщ, - всё подзабытое нами и давно не виданное. Солдаты, вчера спасшиеся от гибели, сегодня чувствуют себя самыми счастливыми людьми. Наш пир продолжался до 4-ёх часов дня.

Потом поступил приказ занять населённый пункт Брень Осуховски и окопаться на дамбах. Выступили. Подошли к лесу, правее населённого пункта, и попали под сильный артиллерийско-миномётный обстрел. Я прямо в лесу развернул роту, выбрал позицию на поляне. Населённый пункт полк захватил, а к дамбам противник не подпускал. Вечером по приказу командира полка мы сместились на 400 метров вправо.

10-ое августа 1944-го года.

В течение дня мы отбивали слабые контратаки противника. Вечером меня и командиров стрелковых рот вызвали в штаб батальон, который размещался в неприметном домике большого села, и приказали подготовиться к ночному наступлению. Говорил в основном Москаленко, а командир батальона в углу полутёмной комнаты разговаривал с каким-то полноватым, плотным капитаном и не вмешивался в инструктаж к ночной вылазке. Не знаю, приходилось ли батальону наступать ночью. Командир 9-ой роты Серов не проявлял никаких эмоций, спокойно слушал начальника штаба и только едва заметно скользил пальцами левой руки по топографической карте, развернутой на столе, на котором горели две стеариновые плашки. Командир 7-ой роты, Ветров, в своё время заменивший раненого Крюкова, был непоседлив и недовольно перебивал Москаленко уточняющими вопросами, будто пытался предусмотреть каждый шаг и движение в ночном бою. Ветров был почти вдвое старше Серова, работал до мобилизации прокурором какого-то района за Уралом; своей дотошностью он раздражал вспыльчивого начальника штаба и тот обрывал ротного на полуслове. В батальоне снова 2 роты вместо трёх. Малочисленная 8-ая Смирнова расформирована.

По Боевому Уставу ночью следует атаковать бесшумно, без боевого клича "Ура!", но фронтовая практика опровергла старые установки: противник боялся шума и впадал в панику. Мы и сами проверили это на себе ещё под Сталинградом, когда немцы нас гнали по балке Резников Яр.

Исходный рубеж мы должны занять снова там, где сидели вчера днём, то есть опять сместиться на 400 метров, но уже влево. В 22 часа стрелки бесшумно, без единого выстрела, должны перебраться через дамбу и по сигналу "белая ракета" также бесшумно добраться до второй дамбы, которая сооружена в 50-ти метрах позади первой. Артиллерия и мои миномёты должны вести огонь, поражая противника в глубине и не позволяя ему отступить. Примерно в одном километре за второй дамбой расположено село Дольны. Этот населённый пункт будем брать уже утром. Конечно, план ночного наступления пришлось по ходу изменить. На исходном рубеже стрелкам пришлось посидеть долго, артиллерийские орудия вкапывали прямо в "тело" первой дамбы. Подносили ручную снаряды и мины. Всё это заняло много времени.

11 августа 1944-го года.

В 5 часов утра в небо взвилась белая ракета. Стрелковые роты поползли через первую дамбу. Через 15 минут по второму сигналу, "красная ракета", открыла огонь артиллерия и моя миномётная рота. Мы обстреливали населённый пункт Дольны. Раздались с нашей стороны пулемётные очереди и частая винтовочная стрельба. Несмотря на старые требования Устава, раскатывался протяжный крик "Ура!". Противник был сбит со второй дамбы, но никто из нас не сомневался, что немцы непременно предпримут контратаку. Когда рассвело, 7-ая и 9-ая роты ворвались в населённый пункт Дольны. А немцы ответили фланговыми контратаками с обеих сторон. Пришлось оставить село и отойти на исходные позиции.

Немцы открыли по нашему расположению миномётный огонь, а из глубины методически вели обстрел тяжёлые гаубицы. Моя рота снова вернулась на лесную поляну. Разрывы были особенно страшны в лесу. Задевая высокие кроны сосен, мины разрывались над головой, осколки сыпались вниз и вместе с десятками разрывов на самой земле не оставляли никаких надежд на спасение - так нам казалось каждый раз, когда усиливался миномётный налёт. Для наблюдения я занял окоп на бугре впереди лесной опушки.

Через полчаса связь со штабом батальона и полком была прервана. Я посылал связных, но они возвращались ни с чем, в страхе живописуя весь ужас, который им пришлось испытать по пути, переползая и спасаясь в снарядных воронках.

Неожиданно восстановилась телефонная связь со штабом батальона. Москаленко сообщил, что учебная рота дивизии с правого фланга овладела селом Дольны, а я должен подтянуть свои миномёты поближе к дамбе. И снова связь прервалась после артиллерийского налёта противника. Было совершенно ясно: немцы снова предприняли контратаку. Надо было немедленно открыть огонь по западной околице населённого пункта, который оставил наш батальон, затем - и учебная рота дивизии, и не позволить немцам подбросить подкрепление. Данные подготовил по карте, мин у меня было достаточно. По 20 мин на ствол, - а стволов снова было 8, - рота выпустила по намеченной цели. Младшего лейтенанта Сивцева и одного разведчика-наблюдателя я отправил поближе к первой дамбе. Они должны были узнать обстановку и доложить. Вскоре они вернулись и начали уверять в том, что невозможно и проползти даже, настолько губителен миномётный огонь противника.

Мне ничего не оставалось, надо было самому разведать обстановку, переместить огневую позицию на полкилометра поближе к опушке леса. Я разрешил старшему на огневой действовать самостоятельно, по обстановке, а сам со своим отважным ординарцем Сошенко отправился к дамбе. В самом деле, миномётный обстрел был очень плотный. Мы пробирались от ямки к ямке, от окопа к окопу, падали и поднимались снова и снова и подошли совсем близко к первой дамбе, на которой закрепились 9-ая и 7-ая стрелковые роты. Увидев нас, начальник штаба из щели, в которой он застрял, начал усиленно помахивать рукой, не разрешая нам приближаться к своему убежищу. Сошенко вызвался доползти к щели старшего лейтенанта Москаленко. Моему ординарцу удалось получить от начальника штаба указание. Нам следовало вернуться на свои позиции, село Дольны снова в руках противника и нет смысла миномётчикам подходить близко к переднему краю. Сразу возвратиться на свои позиции мы не смогли. Сначала попали под пулемёты двух бронетранспортёров, которые стреляли поверх дамбы наугад, но подняться было невозможно. Мы прижались ко дну окопа и переждали стрельбу. Потом

ближе к нам стали падать мины батальонных миномётов. И всё же наступило несколько минут относительного затишья, и мы этим воспользовались.

Я снова занял свой наблюдательный пункт, выставил буссоль и начал готовить данные для открытия огня по посадке у северной околицы села, которое наш батальон сегодня оставил. И в эту минуту на бугор, где мы сидели и тщательно маскировались, во весь рост выскочил солдат, который вёл под уздцы пару лошадей, запряжённых в армейскую повозку, а в ней, развалившись на соломке, находились ещё двое военнослужащих.

- Куда прёшь, придурок?! Ложись! - кричали мои управленцы и выдавали такие образные и цветистые фронтовые выражения в адрес заблудшего, что тот совсем опешил и продолжал торчать во весь рост в своей выцветшей гимнастёрке и съехавшей набок пилотке. Мой телефонист Мовчан высунул свои длинные руки из окопа и, немилосердно схватив ездового за ноги, повалил на землю. Но было уже поздно: ездовый и кони уже были засечены наблюдателями противника. Свист снарядов и шелест мин заставил нас всех прижаться ко дну окопа и пережить ещё одно испытание. Несколько снарядов, затем и мин, разорвалось вокруг наблюдательного пункта. Когда рассеялся дым, мы увидели павших лошадей, опутанных разорванной упряжью, разбитую повозку, и погибших в них двоих военнослужащих. Ездовый уцелел. Его била частая дрожь, он не мог говорить и только хныкал. Когда солдат, наконец, понял, что произошло, он сорвал с головы пилотку и начал оправдываться:

-Военврач послал в освобождённое село Дольны за ранеными, ехали с военфельдшером и санинструктором по просеке, потеряли дорогу, заблудились.

Ему растолковали, что населённый пункт Дольны в руках противника, дорога проходит ниже под обрывом и тянется вдоль опушки, а вместо спасённых раненных солдат мог бы пополниться лишь список погибших - как и случилось! Я велел ездовому возвратиться в санчасть полка, убежать отсюда как можно скорее, а мы сами вынуждены были сменить наблюдательный пункт: немцы с минуты на минуту обрушат на нас новый артналёт.

С нового наблюдательного пункта управлял огнём роты. Мин мы не жалели. Обнаружили немецкую миномётную батарею в саду села Дольны, заставили её замолчать. Ослаб немного пыл боя, наладили связь с батальоном. У нас новый комбат, капитан Хабибуллин, а Серебреникова перевели в другую часть. Начальник штаба батальона Москаленко сообщил мне, что ночью мы переместимся вдоль дамбы влево и велел выслать в штаб толкового сержанта для разведки маршрута. Ночью этот сержант будет нашим проводником.

Когда стемнело, наш проводник, командир первого расчёта, повёл роту по дороге вдоль опушки соснового леса. Мы шли медленно, осторожно и долго. Мне это показалось довольно тревожным знаком: возможно, сбился с пути мой сержант. Я спросил его, запомнил ли он маршрут движения? Ответил он не очень уверенно:

- Вот подойдём к дамбе, потом повернём влево и отмахнём расстояние чуть больше полукилометра. Там и встретят нас и покажут место огневой позиции.

У меня возникло подозрение, что мы через проход в первой дамбе приближаемся ко второй и можем попасть в руки к немцам. Я приказал развернуть повозки и возвратиться назад, туда, откуда начали свой неудачный марш. Вернувшись в крохотное село на опушке леса, начали искать телефонный кабель к штабу батальона. Младший лейтенант Сивцев как-то нащупал провод на земле, и мы, не выпуская его из рук, пришли прямо в штаб батальона. Новый

проводник нас привёл к месту назначения. Огневые позиции выбрали за разбитым домом, а наблюдательный пункт начали сооружать прямо на дамбе.

12-ое августа 1944-го года.

Утром батальон перешёл в наступление. Прошли солдаты всего 200 метров и залегли под пулемётным огнём противника. Дальнейшее наступление было невозможно, а оборону выгоднее держать на дамбе. Пришлось отойти на исходный рубеж. В 12 часов дня стал слышен непрерывный гул танковых двигателей, который глухо доносился из-за рожицы в расположении противника. Командир батальона сообщил по телефону, что перед нами сосредоточиваются крупные силы немцев и нам необходимо перейти к жёсткой обороне.

В 15 часов противник начал обстреливать наши позиции из тяжёлых орудий. Дамба была пристреляна, кроме того, песчаный грунт не позволял нам создавать надёжные укрытия. После перехода на новые позиции наши прежние, перед селом Дольны, занял 1-ый батальон полка. Из населённого пункта две немецкие роты предприняли атаку на дамбы, но дружным огнём немецкая "проба" добиться успеха малыми силами провалилась. В 17 часов по переднему краю и на всю глубину нашей обороны противник обрушил мощный артиллерийский огонь. Сплошной дым окутал поле. Несколько снарядов разорвалось возле моего наблюдательного пункта. Пришлось под обстрелом сменить НП. Когда прекратился артобстрел, и дым начал понемногу рассеиваться, я увидел атакующую цепь немецких солдат - их было не менее батальона! Мы сразу же открыл беглый огонь из всех 8-ми миномётов. Густо ложились наши мины по немецкой цепи. Атака была сорвана, и противник отступил с серьёзными для себя потерями.

Засекли немцы мои огневые позиции и начали пристрелку. Когда мы попали в артиллерийскую "вилку", я скомандовал "отбой!" и за считанные минуты мы успели сменить позиции. Немецкий артоналёт пришёлся по пустому месту. Через час противник повторил атаку, считая, очевидно, что наши миномёты подавлены. Мы снова рассеяли немцев беглым миномётным огнём. К вечеру немцы начали ещё одну атаку, но и её отбили - на этот раз одним лишь пулемётным огнём стрелковых рот.

13-ое августа 1944-го года.

В 8 часов по московскому времени мощный залп тяжёлых немецких гаубиц как бы вздыбил землю за рожицей и дальними хуторами, и ещё сотни выстрелов орудий меньшего калибра слились в сплошной гул начавшейся артиллерийской подготовки. Густой беловато-серый дым навис над широкой прогалиной между опушкой леса и посадкой высоких тополей; над населённым пунктом за спиной и километровым полем боя. Мы долго не могли ни шевельнуться, ни продохнуть: тухлый и удушливый запах сгоревшего тротила проникал в узкие щели укрытий.

Так продолжалось не менее 20-ти минут, а минуты эти тянулись бесконечно долго. Когда барабанный бой разрывов ослаб, и артиллерия перенесла огонь вглубь, я выглянул и в поредевшем дыму увидел в 400-ах метрах от дамбы немецкую пехоту, медленно следовавшую за 4-мя средними танками. Мы сразу же открыли беглый огонь, отсекая пехоту от броневого прикрытия. По танкам стреляли 45-ти миллиметровые пушки. Один танк загорелся, другой остановился с разорванной гусеницей, а два оставшихся начали разворачиваться

назад. Я знал, что осколочная мина не страшна броне, и всё же решил бить по танку - может быть случится прямое попадание в крышку верхнего люка, и танкисты с испугу покинут свою машину? Так и случилось. Три члена экипажа через нижний люк покинули свой танк и бросились бежать в сторону рожицы. Конечно, им не удалось обогнать ни полёт мин, ни длинных пулемётных очередей со стороны дамбы.

А бой затихал не сразу. Немецкие пулемётчики и автоматчики залегли и не спешили отступить. Находиться на месте было более безопасно, чем бежать назад под свист пуль и шуршание мин. Станковые пулемёты со стороны дамбы вели непрерывную стрельбу, закипала вода в кожухах охлаждения "Максимов". Патроны были на исходе. Подносчики с трудом тащили по земле тяжёлые ящики с цинковыми коробками, которые ещё предстояло вскрыть и затем набить пулемётные ленты.

Дым, хотя и поднялся вверх, но висел ещё в поднебесье, закрывая солнце - день мог быть безоблачным и ясным ...

Через час немцы начали отползать, оставив на поле множество неподвижных тел. Раненым пока никто не оказывал никакой помощи. Последний танк из 4-ырёх, возглавивших немецкую атаку, скрылся за серой опушкой рожи, а оттуда выдвинулась небольшая группа санитаров с сумками красного креста.

Через два часа всё повторилось снова: и артобстрел, и немецкая пехота, но танков уже не было видно. Разрывы немецких снарядов на дамбе поднимали фонтаны песка, который забивал стволы ручных пулемётов. Командир 7-ой роты Ветров нервничал и требовал от начальника штаба батальона помощи. Москаленко связывался со мной и просил Ветрова поддерживать непрерывным миномётным огнём:

- Прошу тебя, Саша, выручай Ветрова, ему труднее, чем Серову, основная атака - на 7-ую роту. Поддержи!

А я расстрелял почти весь запас мин, осталось всего 30 для самообороны самой огневой позиции. Об этом я сказал начальнику штаба, но не упомянул о том, что уже давно отправил старшину роты за минами, и повозка может примчаться в любую минуту. А старшина мой, бывший председатель колхоза, хозяйственный человек с хорошими армейскими связям. Его обязательно снабдят минами - даже в ущерб другим ротам. Москаленко продолжал меня уговаривать:

- Хотя бы 10 мин брось против "Фрицев". Тебе хватит и 20-ти для самозащиты.

В 200-ах метрах от своих огневых позиций я заметил приближавшуюся повозку с минами. Сам старшина, широко размахивая плетью, подгонял усталых лошадей и звал подносчиков мин к себе поближе - спешил разгрузиться. Без пилотки, в широкой расстёгнутой гимнастёрке и пропылённых добротных яловых сапогах он был похож на доброго волшебника, который явился в нужную минуту как спаситель. Не сообщив начальнику штаба никаких подробностей, я пообещал помочь стрелкам и, вместо 10-ти "выпрошенных" мин через несколько минут выпустил по 15 на каждый ствол. Немецкое наступление было отбито,

- Зачем же ты плакал, что остался без мин! - кричал в трубку телефона обрадованный Москаленко. - Не полезут уже больше "Фрицы!"

Но ещё две атаки в течение дня пришлось отражать, правда, наскоки немцев были уже менее решительны, чем в начале.

14-ое августа 1944-го года.

Очень спокойный день - по сравнению с прошедшим. Противник контратаковал левый фланг нашей дивизии. Вечером вызвали в штаб батальона, представились новому комбату, капитану Хабибулину. Коренастый, круглолицый, с открытым спокойным взглядом он произвёл на меня благоприятное впечатление.

15-ое августа 1944-го года.

С наступлением темноты нам было приказано сдать свой район обороны и переместиться поближе к городу Дембица. Мы шли всю ночь - и не потому, что далеко: просто слишком часто останавливались без видимых причин.

16-ое августа 1944-го года.

Утром на новом месте я занял огневую позицию. Приказано готовиться к наступлению. Нашему полку придётся обеспечивать правый фланг корпуса. На артиллерию рассчитывать не приходится, будем обходиться своими миномётными ротами и полковыми батареями (миномётной, 76-ти миллиметровой и противотанковой).

17-ое августа 1944-го года.

В 10 часов утра началось артноступление, главным образом, за левым флангом нашего полка. Артподготовка и бой в глубине с сопровождением артиллерии продолжались в течение двух часов. А наш полк начал свою атаку в 12 часов 40 минут. Удалось продвинуться на 2,5 километра и перед крупным населённым пунктом вступить в серьёзное столкновение с противником. Бой был очень упорный и продолжался в течение 8-ми часов. Населённый пункт мы заняли, прошли ещё 300 метров на запад и закрепились на дамбах. Всюду - эти дамбы! Так и не знаю, для чего они сооружены из обыкновенного грунта. Должно быть, для предохранения от паводка.

18-ое августа 1944-го года.

Утром полк начал наступление с целью овладеть дамбами (кое-кто называл эти сооружения валами). Я занял свой наблюдательный пункт в полуразрушенном костёле, но с исправным органом. Не только моё управление расположилось там, но и управленцы приданных батарей. Противник обнаружил неосторожное движение за выбитыми витражами костёла и усиленно нас обстреливал из орудий прямой наводки. Каждый раз при близких разрывах мы срывались вниз, затем снова поднимались по наклонному настилу и продолжали корректировать свой огонь. Немцы своими снарядами сорвали остаток кровли, вспыхнул небольшой огонь под одним из куполов, но хватало окон для наблюдения, и никто не покидал костёл: просто больше не откуда было управлять огнём. Дамбами в этот день мы так и не овладели. А когда стемнело, поступил приказ "перебраться" вправо. Следовало пройти два с половиной километра под сильным и метким огнём противника. Устал больше обычного, только чудо позволило многим из нас уцелеть. А может быть не только чудо, но и хорошая выучка, опыт и огромное желание жить?!

19-ое августа 1944-го года.

На новом участке мы оборудовали прочный блиндаж, соединённый с ячейками наблюдательного пункта ходом сообщения. Накрыли убежище двумя

накатами брёвен - и сделали это своевременно. Как только рассвело, мы подверглись ожесточённому миномётному обстрелу. Мины падали очень близко. Было два прямых попадания в блиндаж, но накаты выдержали. Сильно досаждала нам немецкая батарея 81-ого миллиметровых миномётов. Мы засекли её на околице населённого пункта и открыли огонь на подавление. Однако, упорный попался нам противник. Я выпустил 25 мин, а немец по моей роте 35. Началась настоящая дуэль. Я решил не отступать - уже не 41-ый и даже не 42-ой год - пусть немцы нас боятся!

Я ответил немцу 50-тью минами. Он выпустил 60, а я приказал накрыть немецкую батарею 120-тью минами. Замолчал немец, а может быть, и вовсе погибла вся его батарея?! Кто знает?

Атаки батальона на проклятые дамбы были отбиты немцами. А приказывали сверху овладеть дамбами, во что бы то ни стало! Ещё два раза попытались добиться успеха, но не получилось.

20-ое августа 1944-го года.

В течение всего дня - сильная артиллерийская дуэль. Ночью нас сменили и снова перевели на прежний участок, но уже впереди населённого пункта Дольны, который у немцев отбит. Настроение у нас праздничное. До начала сентября по существу никаких активных действий. 23-го августа 33-ий корпус овладел городом Дембица на реке Вислока. Наш полк также получил наименование "Дембицкий". Точно знаю, что 3-ий батальон 28-го гвардейского полка в город не вступал - и меня там не было. Вот мы теперь уже "Александрийский" и "Дембицкий" 28-ой гвардейский Воздушно-Десантный полк 9-ой Воздушно-Десантной гвардейской дивизии, а в действительности - стрелковая дивизия, правда, - гвардейская и вполне заслуженная!

6-ое сентября 1944-го года.

Ячейки НП находились под одиночным домиком, в котором я и мои управленцы отдыхали в часы затишья. Из чердачного окошка виден был весь район обороны нашего 3-го батальона: слева и впереди по фронту - желтеющий лиственный лес, справа - фольварк, что-то вроде каменного господского дома. Перед опушкой леса - окопы, хотя и замаскированные дёрном, но всё же отличимые от чахлого грунта прогалины. Можно было бы долго изучать немецкий передний край, если бы не периодические выстрелы орудия прямой наводки из укрытия. Снаряды разрывались под стеной дома, случалось и под самым чердачным окном. В такие мгновения я и мои разведчики-наблюдатели бросались вниз и в своём блиндаже спасались от разрывов. Когда стрельба надолго прекращалась, мы снова занимали своё положение.

В обороне, когда ведётся вялая и эпизодическая перестрелка и поиски разведчиков, расход снарядов и мин строго лимитирован. Не больше 10-ти мин в день "отпускали" моей роте, но недалеко от домика в щели удалось обнаружить в ящиках 350 мин к немецким миномётам. У противника такие же мины, как у нас, хотя и меньше по калибру на десятые доли миллиметра. Я ещё ранее научился использовать трофейные мины. К нашим миномётам в 82 миллиметра вводил определённую поправку и довольно точно пристреливался. Если противник будет атаковать наши окопы, расположенные в 300 метрах от немецких, то "угостим" их минами их собственного "изготовления" - и уже сверх лимита!

Сегодня в 12 часов немецкое орудие снова нас обстреляло и заставило прыгать с чердака в блиндаж. А когда наступила тишина, я опять полез на чердак и очень долго в бинокль изучал опушку леса. В тщательно замаскированном под цвет лесной опушки укрытии определил площадку, на которую артиллеристы выкатывали из более глубокого окопа своё орудие и, отстрелявшись, снова убирали подальше. Я провёл пристрелку по дальности немецкими минами - немного в стороне. Для перехода на поражение осталось лишь повернуть угол прицела. Приготовили 80 трофейных мин - зачем жалеть "дарованное"?! Беглый огонь по цели открыли из всех 8-ми стволов. Ещё очень долго после нашего налёта на том месте, где находилось немецкое орудие, вздымался столб дыма и песчаной пыли и разрывался задел боеприпасов.

А поближе к закату ко мне на наблюдательный пункт пришёл начальник разведки, молодой бородач Скачко, попросил подготовиться и завтра с утра поддержать разведчиков, которые пойдут за "языком". Моя рота подготовит заградительный огонь и прикроет группу захвата, когда она будет возвращаться с "языком". По топографической карте Скачко показал мне рубеж и пообещал обеспечить минами.

А утром разведчики выползли из траншей нашего переднего края. Противник боялся нашей артподготовки и на день отводил роты в глубину, оставляя впереди немногочисленное боевое охранение. Этим и решил воспользоваться Скачко и взять пленного в светлое время после огорчительных ночных неудач. Долго разведчики добивались к немецкому окопу перед опушкой леса. Как ни смотрел я в свой бинокль, никого заметить не мог. Приятно был удивлён, когда по траншее от меня справа услышал шум и радостные возгласы. Приволокли всё-таки немца! Оставалось только "развязать" ему язык и получить нужные сведения.

Взволновался и противник, вероятно, обнаружив исчезновение своего солдата, открыл пулемётный огонь. Группа наблюдения и прикрытия ещё не успела вернуться. Я немедленно открыл миномётный огонь по намеченному рубежу, и противник сразу же затих. Разведчики, возвратившиеся позже, сообщили, что наш миномётный налёт пришёлся по скоплению немецких солдат возле полевой кухни. Не моя забота: надо уметь укрываться и уже пора немцам научиться уважать своего противника.

25-ое сентября 1944-го года.

Нас вывели во второй эшелон, сменила 78-ая гвардейская дивизия. Живём в пустых домах населённого пункта. Проводим занятия и тренировки.

14-ое октября 1944-го года.

Срочно вызвали в штаб и сообщили тревожную весть: по сведениям агентурной разведки противник собирается завтра провести против нас внезапную газовую атаку. Конечно, это не первое предупреждение. Ещё под Сталинградом немцы наш 50-ый полк 15-ой гвардейской дивизии (я тогда там воевал) обстреляли фосфорными снарядами, которые мы приняли за химические. Подобный случай произошёл в Крыму в 1942-ом году. Тогда в газетах писали о применении противником отравляющих веществ. А чего ждать завтра?! Немцы постараются не пустить Красную армию на свою территорию. Кто может поручиться, что не прибежнет враг к крайнему средству?!

Немедленно раздали противогазы, которые уже больше года лежали на повозках и передвижных складах. Даже специальные маски для лошадей

нашлись в запасе. Срочно оборудовали камеры окуривания для проверки противогазов и тренировки личного состава. Забытый начальник химической службы полка, который ранее хмуρο тянулся со своими повозками в обозе, вдруг ожил, помолодел, приосанился и стал центральной фигурой. Ночью мы снова заняли свой "обжитый" участок обороны. Противник не предпринял газовой атаки.

Ноябрь 1944-го года.

Переходили из первого эшелона во второй, потом - из второго снова в первый. 6 ноября отметили праздник Октябрьской революции, а 19-ого ноября - новый праздник, День артиллерии, учреждённый в честь перехода в контрнаступление под Сталинградом. Артиллерия тогда сыграла решающую роль и стали называть её "Богом войны". Фронт остановился надолго. В дни затишья я снова с грустью вспомнил о родителях и младшем брате Марке. Что с ними, где они? Не хотелось думать о плохом. Вечером я написал два письма, одно - по старому адресу домой, а другое - отправил в горсовет города Балты Одесской области, где родители и брат проживали в начале войны. С июля месяца 1941-го года у меня с ними не было никакой связи.

6-ое декабря 1944-го года.

Ночью мы перешли на Сандомирский плацдарм. Идёт крупная перегруппировка войск, значит, будет скоро наступление. На плацдарме в населённых пунктах почти нет гражданских лиц. Поляки эвакуированы в тыл на расстояние в 25 километров.

7-ое декабря 1944-го года.

Утром полк остановили в лесу в 10-ти километрах от городка Поланец. Строили шалаши. Непролазная грязь. Развели костры и сушили на себе обмундирование.

8-ое декабря 1944-го года.

Закончили обустройство в лесу и получили серьёзное задание - начать строительство бревенчатой дороги от городка Поланец и до самой передовой. По этой дороге будут доставляться боеприпасы, подтягиваться техника, перемещаться различные грузы к полю боя. Лесов в этих местах много и заметного ущерба Польше мы не нанесём, тем более, что участвуем в изгнании оккупантов с польской земли.

10-ое декабря 1944-го года.

Получил письмо от родных. Я счастлив и рад. Всё же успели эвакуироваться в глубокий тыл и не попали в руки к фашистам. И брат мой жив. Ему только исполнилось в этом году 18 лет, и он уже тоже на фронте и воюет в Венгрии.

Дорогу строили почти до конца декабря и начали усиленную учёбу и подготовку к предстоящим боям. У меня в роте отдельная кухня, солдаты отлично обмундированы и сыты. У меня верховой конь, которого польский помещик подарил моему старшине ещё в сентябре месяце. Старшина же убедил меня, что лучше и удобнее командиру роты на марше передвигаться верхом.

1945-ый год.

1-ое января 1945-го года.

Новый Год мы отмечали безудержной стрельбой в воздух, своеобразным бешеным салютом из всех видов стрелкового оружия. В небо сквозь кроны высоких сосен взлетали цветные ракеты, - свои и трофейные, - распались радужными огнями и освещали ночной лес. Все понимали, что война близится к победоносному завершению. Вместе с тем не покидала грусть. Что же 45-ый готовит каждому в отдельности? Удастся ли мне лично праздновать грандиозную Победу после стольких бед и лишений?

Чувствовалась близость большого наступления. Артиллерия подтягивалась поближе к передовой, ночью непрерывно двигались машины с боеприпасами и всевозможными воинскими грузами - шли ощупью, без зажженных фар и караваном борт к борту. И хозяйственники нашего полка понемногу складывали снаряжение, не дожидаясь официального приказа. Выезжали и выходили снабженцы на рекогносцировку, изучали маршруты движения, - в общем, готовились к предстоящему наступлению всерьёз.

3-ье января 1945-го года.

Мы не прекращали занятий, совершенствовали тактику ведения наступательного боя и навыки огневой подготовки. Получили пополнение. В роту прислали ещё одного командира взвода, лейтенанта Батаговского. Интересный офицер с румяным лицом молодой девицы и каштановыми бакенбардами поражал странностью поведения. Молчалив, напряжён и, казалось, постоянно сосредоточен на себе самом. Я пытался с ним поговорить, растормозить, но безуспешно. Он избегал занятия и жаловался при этом на повышенную температуру. И, в самом деле, температура у него не опускалась ниже 37 и трёх десятых градусов. Он сам пришёл ко мне в шалаш и поделился своими тревогами, которые не давали покоя ни днём, ни ночью. Обращал внимание на вещие сны с покойниками, говорил, что в будущем наступлении его тяжело ранят или убьют. Конечно, с таким настроением воевать нельзя. Я его всячески успокаивал.

Сегодня готовились к учебному ночному наступлению. Прошли 6 километров по направлению к передовой, развернулись и пошли в наступление на условного противника, которого обозначал взвод 7-ой роты, (ею снова командует излечившийся в госпитале старший лейтенант Крюков). Ветров заболел, у него открылся туберкулёз и отправили больного на излечение в тыл.

4-ое января 1945-го года.

Сегодня на рекогносцировку вызвали командиров батальонов, переодели в солдатскую форму и велели снять себя все офицерские знаки отличия, в том числе португези и планшеты. Рекогносцировку проводил командир корпуса, генерал-лейтенант Лебедеко, также наряжённый в куцую солдатскую шинель и серую зимнюю шапку.

6-ое января 1945-го года.

Дошла очередь и до командиров рот. И нас вызвали на рекогносцировку. Облачились и мы в солдатское обмундирование и во главе с командиром полка, теперь уже подполковником Лазебниковым, поехали машиной к передовой. Стоял сильный мороз. В полутора километрах от переднего края мы покинули машину и отправились по шоссе пешком. На фронте - тишина и сонное спокойствие. Мы поднимались на бугор, на котором стояли вехи в предполагаемом расположении артиллерийских батарей. В ровиках на земле

складированы ящики со снарядами. Готовы площадки для орудий, которые будут поставлены на огневые позиции в ночь перед артобстрелом. Насквозь промёрзлый грунт солдаты в ватниках (шинели сняты и стопками лежат на снегу) долбят кирками и ломом, продолжая строить убежища и блиндажи.

Мы поднялись, прошли стену, сооружённую из сухих промёрзших ветвей, искусно сплетённых проволокой. Эта стена должна закрыть расположение артиллерийских позиций. Противник в 1,5-2 -ух километрах от наших передовых траншей занимает торчащий бугор, на котором, без сомнения, оборудован наблюдательный пункт. В течение трёх часов командир полка показывал каждому командиру роты окопы, в которых предстоит расположиться перед наступлением. Всей дивизии для прорыва отводится узкий фронт, всего в 2 километра. Я решил занять огневую позицию не в первой траншее, а в 80-ти метрах позади. Там также была выкопана небольшая и почему-то ровная траншейка, в которой можно было оборудовать позиции для двух миномётных рот, моей и ротой 2-го батальона, которой командовал лейтенант Бурматников.

Не хватало земли для размещения миномётов и полковых батарей. На фронте в 2 километра и на небольшой глубине надо было разместить 500 артиллерийских стволов приданной и поддерживающей артиллерии. Куда же ставить наши сорокапятки? Нашли выход: прямо в первой траншее придётся соорудить площадки, а для передков и коней предстоит выкопать укрытия в непосредственной близости от орудий.

8-ое января 1945-го года.

Командиров рот вызвал на инструктаж командир дивизии, полковник Шумеев. Любопытная встреча произошла у меня до этого. Заместителем командира дивизии был недавно назначен полковник Голуб, который (тогда ещё майор!) командовал под Сталинградом 50-ым полком 15 гвардейской дивизии. Он меня узнал, подошёл, обрадовался, обнял. Вот как бывает на фронте!

Полковник Шумеев объяснял задачу каждой роте нашего полка в наступлении. На большом ящике с песком была смоделирована вся оборона противника. Предстояло осуществить прорыв позиционной обороны немцев с основным опорным пунктом в посёлке Стопница. Второй батальон старшего лейтенанта Павленко, полностью укомплектованный и специально обученный на местности в тыловом районе, должен провести разведку боем. Затем по результатам разведки начнётся артподготовка, основная часть артобстрела, которое включает и ложные переносы огня, и огневой вал, и сопровождение пехоты на всю 8-ми километровую глубину всех трёх позиций противника. Наш левый сосед - 14 гвардейская дивизия нашего корпуса. А справа - 13-ая армия. На Стопницу наступает 109-ая штрафная рота, вновь сформированная и пополненная личным составом. Командир дивизии объяснил также задачи 23-го и 26-го полков нашей дивизии: они будут наступать за флангом нашего полка, исключая Стопницу. Нам, собственно, ни к чему были такие подробности, но эта информация была интересна. Никогда ещё не проводилась такая тщательная подготовка наступления. Командирам рот выдали карты с расшифрованной аэрофотосъёмкой. Показано расположение орудий и пулемётов противника. Большие надежды возлагало командование на предстоящий прорыв позиционной обороны и успешное продвижение к границам Германии.

10-ое января 1945-го года.

В полдень артиллеристы и миномётчики полка начали готовиться к выходу на огневые позиции. С наступлением темноты мы выехали в направлении Олесница - Стопница, последним пунктом ещё предстояло овладеть. Темно, сбились с дороги и пришлось искать пути по карте. К месту назначения добрались лишь в 2 часа ночи 11 января. Сразу же приступили к оборудованию огневой позиции.

11-ое января 1944-го года.

Всю ночь противник вёл интенсивный обстрел нашего участка. Как бы мы ни маскировали свои перемещения, невозможно заглушить рокот тягачей, идущих по рокадной дороге, и совершенно исключить всякие звуки разгрузки боеприпасов и стук лопат и кирок солдат, долбивших мёрзлый грунт. А там, где в обороне сидели десятки солдат, теперь уже сотни одним лишь шевелением могли насторожить немцев, которые каждый день ожидали начала наступления Красной армии.

Со своим управлением и ещё какими-то забредшими к нам тремя солдатам, которые ночью заблудились и не знали, куда идти, я занял блиндаж. Тесное сооружение с земляным топчаном, покрытым сухими стеблями ещё осенних дикорастущих трав, едва вмещало нас - 9 человек. Двое телефонистов сидели у входа в укрытие. А проход между топчаном и стенкой землянки-блиндажа был на 3 сантиметра заполнен грунтовой водой. Я не предполагал, что на возвышенности так неглубоко залегают грунтовые воды.

Отвлекаться было некогда. Сидя на топчане и упираясь головой в накат потолка, мне пришлось при свете коптилок по карте готовить данные для стрельбы по отведённой нам площади. А разрывы немецких снарядов ложились всё чаще и ближе к блиндажу. И вдруг сильно сотрясло наш блиндаж. Похоже, 105 миллиметровый снаряд разорвался прямо над головой. Когда рассвело, мы имели счастье в этом убедиться. Спас мёрзлый грунт и три наката брёвен. Гаубичный снаряд оставил заметную воронку ровно по середине "крыши", пробил два наката, а на третий не хватило мощности.

Утром немцы успокоились, перестали стрелять - убедились в том, что сегодня не начнём. Мои люди и миномётчики Бурматникова устали, осунулись за ночь каторжного труда. Мы готовы, но миномёты ещё не стоят на огневых позициях, установим в ночь на 12-ое января. Ко мне на НП пришёл подполковник Климовский, начальник артиллерийской подгруппы поддержки пехоты. Он предложил мне провести пристрелку отведённого квадрата. Я обещал, когда привезут материальную часть, но не собирался это делать: мы все опасались преждевременно себя обнаружить.

Я пришёл на огневые позиции, беседовал с солдатами. Они впервые будут принимать участие в грандиозной артподготовке и наступлении крупного масштаба. Настроение - приподнято-тревожное. Каждый из нас гордится своей причастностью к историческому событию, но и не может отрешиться от самого себя, не думать о своей собственной судьбе. Время тянется уж слишком медленно, стрелки на циферблате часов словно застыли, кажутся неподвижны.

12-ое января 1945-го года.

С наступлением полуночи старшина роты привёз на огневые позиции 7 миномётов. Восьмой не помещается, несмотря на близкое соседство миномётных площадок.

В 5 часов утра 2-ой батальон после 7-ми минутного арналёта начал разведку боем. Моя рота также выпустила 350 мин по немецкой первой траншее. Данные я подготовил по крупномасштабной карте и в точности стрельбы не сомневался. Батальон прошёл через очищенный сапёрами проход в нашем минном поле. Противник встретил сильным пулемётным и миномётным огнём. Через полчаса бой утих, слышны были только отдельные подрывы. Пришли связные, они принесли печальную весть: погибли командиры рот Матросов и Яврумов, заместитель комбата, стройный и блестящий красавец Галуза, ранена его жена, санинструктор Зоя; очень тяжело ранен в живот командир противотанкового взвода 2-го батальона лейтенант Ларионов - мой хороший друг. Выбыло из строя много солдат и сержантов. Разведка боем всё же принесла результат: противник сидит на месте и утренняя артподготовка начнётся не по пустым траншеям.

Зоя Галуза и Рая Каленюк - лучшие санинструкторы полка. Они выносили с поля боя десятки раненых. Рая вообще девушка крепкая, сильная и очень смелая. Не раз она появлялась в цепи наступающих солдат и как-то раз в районе городка Кривое Озеро Николаевской области пристыдила ребят: " Чего разлеглись, мужики, как на сенокосе в родном колхозе?! Я - баба - стою во весь рост, а вы уснули от безделья! А ну, поднялись, живо!". И поднялись солдаты, пошли вперёд. Рая - в первом батальоне и пойдёт в наступление лишь утром, а Зоя уже закончила войну ранением в бедро. Как сложится её дальнейшая судьба? Она потеряла любимого мужа в бою и сама теперь отправлена в госпиталь.

В 9 часов 40 минут по московскому времени залпы РС ("Катюш") возвестили о начале артподготовки. Открыли огонь сотни батарей разных мощностей и калибров. И миномётчики зачастили, предстояла жаркая работа в течение часа и 40-ка минут. Сразу же вся немецкая оборона потонула в сплошном дыму. Не уловить отдельных выстрелов, стоит непрерывный мощный гул, который сливается с разрывами многих тонн металла в какой-то громopodobный вой. Закладывает уши, в голове шум и звон и восприятие реальности, как в полусне: успели и за первые 10 минут надышаться порохового дыма, который ветерком тянет в нашу сторону, проникает в траншеи и окопы, затрудняет дыхание. Солдаты трудятся, как во время аврала, сбросили с себя шинели и в одних ватниках, с расстегнутыми воротниками гимнастёрок тащат на огневые позиции всё новые и новые ящики с минами. Несмотря на мороз, пот льётся по щекам людей. И вдруг меня зовёт к телефону начальник артиллерии полка капитан Шимонаев. В трубке - какой-то шум и чуть ли не подземный голос. Ни я не слышу начальника артиллерии, ни он меня - пустая затея!

Пасмурная погода затрудняет работу нашей авиации, но несколько групп штурмовиков "ИЛ-2" всё же сбрасывают свои бомбы и обстреливают из пулемётов первую позицию (три траншеи!) немцев после начального переноса артогня в глубину. Глядя на весь этот огненный смерч в расположении врага, невозможно себе представить, чтобы что-нибудь там уцелело, и ещё оставались живые люди. На всю 8-ми километровую глубину, на каждый квадратный метр, падает хотя бы 2 снаряда, - не считая мин.

После разгромного арналёта наступила вторая фаза артнаступления, методический, но частый огонь по разведанным целям. 203 миллиметровая двухорудийная батарея приступила к разрушению дотов под Стопницей. Пристрелка была поведена накануне из 152-ух миллиметровых орудий. У этих артиллеристов промахов не бывает. На разрушение дота отпускается два

бетонобойных снаряда, а "работа" батарейцев проверяется на местности и составляется акт. Это мне рассказывал знакомый артиллерист ещё до начала наступления.

Солдаты моей роты и соседней 2-го батальона настолько поверили в наше полное превосходство над противником, что некоторые из них стали выскакивать из укрытий на бруствер траншеи. Командир миномётного взвода, только неделю назад прибывший в роту Бурматникова, в каком-то бешеном восторге выскочил наверх, стал размахивать руками и что-то выкрикивать. Мы не могли его услышать в грохоте канонады, но увидели, как вдруг он схватился за живот и упал на снег. Погиб командир взвода, поучаствовал в бою всего-то 30 минут и по своей же глупости закончил едва начавшийся боевой путь.

5-ый миномёт моей роты опорной плитой опустился в грунт на 15 сантиметров. Вести огонь уже нельзя было с проваливающейся площадки. В пылу боя младший лейтенант Сивцев приказал установить миномёт на открытой позиции и продолжить стрельбу. Я находился в ходе сообщения всего-то в 50-ти метрах от огневой позиции. Увидев возню с миномётом и попытку продолжить стрельбу в открытую, я потребовал от Сивцева прекратить "эксперимент" и укрыть расчёт в щели. Отдельные снаряды немецких дальнобойных орудий разрывались за первой траншеей, падали в нескольких метрах и от наших позиций. По полю понеслась пораженная осколками лошадь. Снаряд попал в укрытие, разбил передок противотанковой пушки. Одна лошадь пала, а другая как-то вырвалась из порванной упряжки и, волоча окровавленный кишечник по снегу, в предсмертной скачке металась по полю. Ездовый, сидевший в узкой щели и не пострадавший от разрыва снаряда, среди всех громовых залпах артиллерии услышал пронзительное, гнетущее, ржание своей лошади, выскочил наверх и выстрелом из карабина избавил от мук обречённое животное.

Завершалась артподготовка, осталось провести последний артралёт. Замолчала и немецкая дальнобойная артиллерия и до этого не проявлявшая высокой активности. К переднему краю начали без всякого распоряжения подтягиваться ротные и батальонные повозки. Мы уже не сомневались в полном подавлении противника и никакого сопротивления на глубине трёх его позиций не ожидали. Поднялись на бугор "Катюши", провели завершающий залп, и наши стрелки начали собираться в колонну. Подошли к широкому проходу в минном поле.

Наступила звенящая тишина - ни стрельбы, ни разрывов. Продолжалась артподготовка 1 час 40 минут. Не понадобился огневой вал - некому больше сопротивляться и задерживать нас на отсечных рубежах.

Сапёры, охранявшие проход, подбадривали нас выкриками: "Смелей, пехота! Только под ноги смотри, не нарвись на противопехотный сюрприз! Держись середины, отходи от края полосы!". Очищенная от мин полоса была отмечена флажками и всё же солдаты приближались к краю - не желали тесниться! Я также шёл не в общей колонне, рядом со мной пулемётчик катил станок "Максима" и вдруг неожиданно наехал металлическим катком на противопехотную мину. Взрывом подбросило станок, солдат получил серьёзное ранение. Ему оказали помощь.

В нейтральной полосе шли уже рассыпным строем. Подойдя к "немецкой стороне", были поражены увиденным. На снегу в разных положениях лежали тела убитых ночью солдат второго батальона. Я остановил свою роту и вместе со своим ординарцем Сошенко мы подошли поближе, пытаюсь понять, что же

произошло ночью и почему столько людей погибло? Несколько солдат лежали головами к немецкой траншее, вероятно, попали под пули в непосредственной близости от огневой точки; другие отбежали вправо и оказались на участке, который приданные дивизионные сапёры не должны были очищать от мин. В темноте эта большая группа солдат начала подрываться на немецких противопехотных минах.

Там, где случилась трагедия, ещё оставались противопехотные мины, поэтому мы не рискнули подходить очень близко. Тела погибших можно было разглядеть на неглубоком снегу. Увидели ротного санинструктора с сумкой Красного Креста. Клапан сумки открыт и раскручен на опалённом снегу бинт индивидуального пакета. Рядом с санинструктором - тело солдата с ранением в голову. В стороне валяется его шапка, санинструктор не успел пострадавшему оказать помощь: погиб сам, своим движением вызвав взрыв противопехотной мины под своим же локтем. Так и остался лежать с раздробленной рукой. Ещё в трёх шагах - солдат с оторванной стопой и возле него - товарищ, пытавшийся оказать помощь. Оба погибли под пулемётным огнём, пытаясь выбраться из адского круга. Трое погибших лежат спиной к немецкой траншее. Выполнив свою задачу, батальон Павленко должен был отойти на намеченный ранее рубеж, но многим не суждено было оторваться от противника. И эти трое с забинтованными головами уже подползали к краю немецкого предполья, но так и остались лежать друг возле друга ...

В стороне лежит девушка, санинструктор батальона. Одна рука её с развёрнутым бинтом на плече солдата, которому она оказывала помощь. Ещё и ещё десятки убитых на минном поле, погибших не сразу; ещё пытались спастись, несмотря на ранения. Умирали эти солдаты мучительной смертью на почерневшем снегу перед вражеской траншеей.

Мы молча возвратились к своей роте. Спустились в лощинку, там и увидели старшего лейтенанта Павленко в окружении его немногочисленных уцелевших подчинённых. Из полнокровного батальона молодых и отлично натренированных солдат осталось не более одной роты. Всё знали, как непредсказуема разведка боем, но без неё невозможно успешно провести прорыв позиционной обороны противника. В этом мы могли убедиться ещё 25-го мая 1944-го года на днестровском плацдарме, когда немцы просто ушли из первых траншей, и наша артиллерийская подготовка пришлась по пустому месту.

Я поздоровался с Павленко за руку. Он был хмур и молчалив, и солдаты его, собиравшиеся в колонну, также молча пристраивались друг к другу, не поднимали глаз, смотрели вниз, не смея поверить в свою счастливую удачу в трагическом бою.

- Куда теперь? - спросил я Павленко.

- В резерв командира дивизии, - ответил он равнодушно и увёл своих солдат полевой дорогой влево.

А мы преодолевали высоты и скаты вражеского оборонительного рубежа. В траншее не заглядывали, знали, что могли там увидеть после нашей сокрушительной артподготовки - что могло остаться?! Прошли всю оборонительную полосу и вышли к шоссе на город Буско-Здруй. Стали собираться в полковую колонну и внезапно попали под артиллерийский обстрел. Сразу же рассыпался наш строй, побежали от шоссе вниз к каким-то домикам и сараям, в общем, вышли из-под огня без значительных потерь. По коротким и звонким звукам выстрелов не приходилось сомневаться в том, что

стрельбу вели наши дивизионные пушки "Зис-3". Была ли допущена ошибка артиллеристами или мы зашли вперёд и приняли нас за отступающего противника, неизвестно. Обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Несмотря на чётко отработанное взаимодействие родов войск и определение маршрутов частей, всё же некоторые наши подразделения примкнули к 26-му и 23-му полкам, которые наступали за левым флангом 28-го полка. В частности оторвались от нас батарея 120-ти миллиметровых миномётов и полковая батарея 76-ти миллиметровых пушек старшего лейтенанта Московского.

13-ое января 1945-го года.

В каком-то подвале большого дома не известного мне населённого пункта (ещё не выдали карт этого района) моя рота отдыхала до 4-ёх часов утра. Разбудили батальонные связные. Полк собирался в колонну на шоссе. В 4,30 мы выступили, идём в город Буско-Здруй. Дорога- шоссейная, прямая, преимущественно ровная. Только через 10 километров пути наша колонна начала скользить на спуске. С обеих сторон - обрывистая высота и проходим как бы в теснине. Именно здесь в полночь в засаду попал 26-ой полк нашей дивизии. Мы уже знали подробности: в короткой стычке с арьергардом отступающего противника неразвёрнутый полк понёс потери. Следы мы теперь и увидели: три разбитые повозки, два артиллерийских передка, полевая кухня, трупы 6-ти лошадей, которых оттащили на обочину, и несколько ящиков с оторванными крышками. Разумеется, раненым оказали помощь и отправили в тыл. Среди пострадавших - командир артиллерийской батареи нашего полка старший лейтенант Московский, который случайно, не разобравшись, пристроился к чужой колонне. Такие случаи нередки в наступлении - войск много, а дорога, чаще всего, одна.

Мы остановились в полутора километрах от города, расположенного на высоте. Я занял огневые позиции на виду у противника - другого места перед городом нет. Ящики с минами мы разгрузили за одиночным домиком в сотне метрах от огневой позиции - хотя бы какая-то примитивная маскировка! Наступление полк начал сходу, и попытка оказалась неудачной. В 10 часов утра противник начал обстрел позиций моей роты. С высоты мы были видны, как на блюдечке, - и весь полк в развёрнутом боевом порядке не мог укрыться от наблюдателей и снарядов самоходок, которые стояли на окраине города за прочными каменными строениями. Мой наблюдательный пункт немцы обнаружили и охватили в артиллерийскую "вилку". И, пока противник не перешёл на поражение, я успел покинуть НП. И на новом месте меня засекли, пришлось вернуться в старую щель.

Немцы несколькими снарядами разбили домик, за которым был сложен запас мин. Разбили на огневой один миномёт. Моя рота понесла первые потери с начала наступления: двое погибли и один солдат, наводчик миномёта, ранен. Мы остались без мин и двух повозок. Старшина пообещал отыскать в тылу полевой склад боеприпасов и попросить поляков помочь доставить мины. А пока мы не могли ничем помочь батальону, который снова поднялся в атаку.

Пришёл на мои огневые злой и издёрганый начальством командир полка Лазебников. Он начал на меня кричать и потребовал немедленно следовать за стрелками. Он не принял во внимание мой доклад о том, что в роте нет мин и бесполезно продвигаться без боеприпасов.

- Выполняйте приказ без всяких рассуждений! - шумел новоиспеченный подполковник. В белом полушубке, в белых бурках на кожаной подошве и шитой на заказ меховой шапке он был грозен и непоколебим.

- Бессмысленно движение за стрелками без боеприпасов, и старшина не будет знать, где мы, когда привезёт мины, - попробовал я ещё раз возразить командиру полка.

- Вперёд и без рассуждений! - опять крикнул Лазебников и хлопнул ладонью, затянутой в шерстяную перчатку, по кобуре пистолета. Зашевелился в готовности и его преданный адъютант. Пришлось подчиниться!

Наш батальон при поддержке первого после налёта дивизионной артиллерии овладел городом Буско-Здруй, который соседи уже успели обойти с правого фланга. Я установил свои миномёты на огневые позиции. Через несколько часов приехал с двумя повозками мин мой старшина. Трое польских крестьян помогли ему своими высокими телегами, а позже и остальные повозки прибыли вместе с хоззводом батальона. Дорога забита войсками и обозами, трудно было добраться к нам и отыскать в городе.

Я направился к командиру батальона с докладом. В большом зале бывшего офицерского курорта за длинным столом сидели капитан Хабибуллин, начштаба Москаленко, ещё несколько офицеров и во главе стола - подполковник Лазебников. Сбросив с себя верхнюю одежду, командиры в одних меховых жилетах-душегрейках отмечали успех сегодняшнего наступления. Спросив разрешения у старшего, я доложил командиру батальона о доставке мин. Хабибуллин меня пригласил к столу, но командир полка воспротивился.

- Его место - на огневой, со своей ротой! - зло распорядился Лазебников.

Москаленко рукой показал мне, что лучше скрыться с глаз разгневанного командира полка. Я ушёл, огорчённый и обиженный начальником. Видимо, чужой я был на этом празднике. Сегодня была - моя первая стычка с командиром полка, но не последняя.

Через два часа по тревоге мы вновь собрались, построились в колонну и начали марш к реке Нида. Шли всю ночь, надо было пешком приблизиться к нашим танковым бригадам, которые вырвались вперёд.

14 января 1945-го года.

Утром по льду мы форсировали реку Нида. Там уже стояли наши танки, которые ещё вчера вышли на этот важный промежуточный рубеж наступления 33-го корпуса. Противник оказывал эпизодическое и вялое сопротивление. После непродолжительного отдыха батальон развернутым боевым порядком продолжил движение на запад. Идём на город Владислав. Пехота обеспечила механизированным корпусам оперативный простор, успешно продвигались впереди танки и свои "родные" стрелки на автомашинах мотопехота. Однако, они обходили узлы сопротивления, оставляя их нам на "добивание". Ещё днём Лазебников устроил мне второй разнос. А случилось вот что. Наш батальон, выполняя приказ, наступал на позиции противника, который закрепился на высоте за шоссе-ной дорогой. Не желая снова попасть в немилость капризного начальника, я следовал по пятам пехоты. Командир полка вдруг отменил наступление и приказал всему батальону вернуться к дороге. Естественно, с миномётными выюками за спиной мои солдаты пришли к месту сосредоточения с опозданием. И опять Лазебников начал на меня кричать, обвинил в том, что я вырвался вперёд без всякой надобности. Снова - угрозы и оскорбления! На этот

раз рядом со мной был командир батальона Хабибулин. Ему удалось успокоить командира полка и защитить меня от его гнева.

Лазебников приказал батальону двигаться на Владислав, а сам сел на танк вместе с радистом и своим адъютантом и поспешил вперёд: надо было ему поскорее въехать в город, доложить о том, что полк уже выбил оттуда немцев и закрепить за собой славу победителя. В дни побед почти все большие командиры так поступали, Лазебников не был исключением. Справедливости ради следует заметить: Лазебников после последней стычки, больше меня никогда не ругал и стал относиться ко мне вполне лояльно.

В город Владислав батальон пришёл поздно ночью, через 8 часов после своего командира полка. Мы расположились в покоях польского помещика и в барских условиях провели ночь. Пан угощал нас коньяком и ромом, был добр и приветлив.

15-ое января 1945-го года.

Утром мы покинули Владислав и направились в город Щекоцины. Шли целый день. Дорога запружена артиллерией, тягачами, машинами и пехотными обозами. Двум дивизиям, нашей 9-ой Воздушно-Десантной и 14-ой гвардейской, одной дороги недостаточно, но другой поляки не провели в предвидении нашего наступления. Смешивались наши повозки. В каком-то месте 14-ая повернула вправо, и один мой взвод последовал за чужой колонной. К вечеру разыскали нас и присоединились к роте.

Пехота шагает по обочине, ей как бедной родственнице нет места за столом, то есть на общей дороге. Промчался полк 160-ти миллиметровых миномётов, мощь и гордость нашей артиллерии, и мы жмёмся к самому краю шоссе и слышим в свой адрес высокомерные восклицания: "Посторонись, пехота!". И артиллерийских дивизионов всевозможных назначений очень много. Когда же и как успели изготовить такую технику?!

В двух километрах от города нас обстреляла немецкая артиллерия. Вся поддерживающая стрелков техника сошла с дороги, начала разворачиваться и занимать огневые позиции - уступили шоссе пехоте, вспомнили, что без неё не разобраться с противником и не овладеть городом Щекоцины. Вскоре нам поставили задачу: 3-тнему батальону капитана Хабибулина провести разведку боем. Мы лежали на снегу в стороне от шоссе. За флангом левого соседа не было. После 5-ти минутного артналёта, в котором принимала участие и моя рота, стрелковые подразделения начали подниматься на высоту. Город в основном располагался за склоном, и мы могли лишь видеть строения восточной окраины. Сплошные траншеи перед Щекоцинами! Нам сообщили, что город весь опоясан инженерными сооружениями, превращён в серьёзный узел сопротивления. Противник встретил сильным пулемётным огнём. Стрелки вынуждены были залечь в 200-ах метрах от немецкой траншеи полного профиля. Я подтянул поближе свои миномёты.

Фактически свою задачу батальон выполнил, но никакого приказа о дальнейших действиях мы не получали. Лежали перед городом не менее 4-ёх часов. Противник не обстреливал, по-видимому, не сомневался в своей неуязвимости. Надоело некоторым солдатам лежать без дела, стали отбегать влево, что-то искали, быть может, более безопасного места, где можно ходить в полный рост и не мёрзнуть, лёжа на снегу? Время близилось к полуночи. Ко мне подошли двое солдат, мой миномётчик и его земляк, стрелок 7-ой роты Крюкова. Говорили, перебивая друг друга, что слева, на повороте траншеи,

немцев нет - сами проверили и свободно прошли через глубокие окопы на окраину. Там разбросаны небольшие домики, в которых не заметно никакого движения. Окна не освещены, можно смело войти в Щекоцины!

Я подполз к Хабибулину и Москаленко и рассказал им о том, что обнаружили солдаты на левом фланге. Посоветовавшись, решили попытаться счастья и выполнить сверхзадачу разведки боем - с минимальными потерями и наибольшим результатом.

16-ое января 1945-го года.

В 0 часов 30 минут батальон, перевалив через пустые траншеи на левом открытом фланге, сосредоточился на окраине города и начал движение вниз по покато́й улице к центру. Мои миномёты остались на окраине, на огневой позиции, а я со своим управлением последовал за комбатом, мои телефонисты разматывали за мной провод и обеспечили связь с ротой - в любую минуту мы были готовы поддержать огнём ночное продвижение стрелков.

Противник нас обнаружил уже в центре города и открыл пулемётный огонь почти в упор. Стреляли из окон и полуподвалов каменных домов, из-за подворотен и ещё неизвестно откуда. Мои миномёты после пристрелки ответили беглым огнём. Ничего не оставалось: необходимо очистить нижнюю часть города. 7-ая и 9-ая роты продвигались медленно шаг за шагом, заходили во дворы и при вспышках разрывов миномётных мин ориентировались в темноте. Особенно отличились рядовые, братья Шиловы, которые автоматными короткими очередями сумели подавить опорный пункт на перекрестке улиц. Я приказал повзводно перенести миномёты поближе. Нашли просторный двор, установили стволы и продолжили огневой бой уже на западной окраине города.

Бой постепенно затихал. Немцы начали покидать город, но ещё постреливали откуда-то с юго-восточного направления. Мне сообщили по телефону, что убит на огневой позиции мой командир взвода Батаговский. Когда уже бой догорал, шальная пуля попала ему в висок. Выходит, предугадал лейтенант свою гибель в ближайшие дни. Вот и не верь после этого в предчувствие и судьбу!

Сегодня мой день рождения, мне исполнилось 22 года. Настроение совсем не праздничное. Ужасно разболелись зубы, да и гибель Батаговского огорчала. Казалось, я мог бы и привыкнуть к потерям и смертям, но Батаговского мне особенно жаль. Он погиб, и в течение последнего месяца жизни его мучил кошмар - страх смерти.

Утром мы построились в колонну. В городе не осталось немцев, пришли наш 1-ый батальон и ещё какие-то подразделения дивизионного подчинения. Совсем мирная обстановка. В полной уверенности в своей безопасности наша колонна в авангарде выступила по шоссе походным строем. Слева по ходу движения, на высоте заметны два дота. Хорошо приготовился к обороне Щекоцин противник, даже дрома на выходе из города под прицелом двух дотов. Эти долговременные огневые точки уже, наверное, обезврежены другими подразделениями, иначе не разрешили бы нам двигаться колонной!

Прошли метров 500 и внезапно ожили доты. Несколько снарядов разорвалось в гуще батальонной колонны. Строй рассыпался, люди побежали на заснеженную пахоту вправо. На дороге остались тела погибших солдат, в том числе и трое моих. Раненые отползали сами и некоторых перевязывали прямо на дороге. В стороне развернулись дивизионные пушки и открыли огонь по дотам. Противник прекратил огонь из орудий, но пулемёты его не давали подойти к прочным огневым точкам. Весь полк в развёрнутом боевом порядке

прямо по мёрзлой и слегка заснеженной пахоте стали обходить шоссе: надо было продолжить преследование отступающего противника. Возле немецких дотов оставили небольшую группу наших солдат, которые должны были блокировать смертников.

Как же могли допустить такой промах и не проверить доты?! Опять кто-то кому-то поручил, а тот перепоручил, а последний "забыл" о задании или посчитал его не столь важным. Конечно, разберутся, но погибших не вернёшь!

Мы вышли снова на шоссе, обойдя зону, которую контролировали смертники, засевавшие в бетонных дотах. Шли к городу Накло. Шоссе снова забито войсками. Кроме артиллерийских систем ещё добавилась колонна танков Т-34. Ни пройти, ни протолкнуться. Вечером пришли в городок Накло. Мы ночевали в покинутых квартирах на кроватях и при электрическом освещении - будто и нет войны в этих местах. Моих солдат, переживших боевую ночь и потерю товарищей, приходилось успокаивать.

17-ое января 1945-го года.

Наступление продолжается. Идём на Лелюв, потом - в Ченстохову, известный польский религиозный центр. Снова две дивизии на одной дороге, никак не можем разминуться с 14-ой гвардейской - она впереди, а мы продвигаемся медленно за ней. Я - верхом на своём красавце-коне. Слева неожиданно нашу колонну потеснили две машины "Опель-Блиц". В кузовах - солдаты в белых маскхалатах, в натянутых на голову капюшонах. В кузове первой машины, вплотную к заднему борту, стоит 37-ми миллиметровая немецкая пушка, а второй грузовик тянет такое же орудие на прицепе. Зычный голос предупреждает "Посторонись, пехота!", а машины не сбавляют скорость, куда-то торопятся. У меня вяло мелькнула мысль: "почему немецкие грузовики, почему 37-ми миллиметровые пушки, которые не состоят у нас на вооружении?". Сразу же нашлось объяснение, подумал, что выделено спецподразделение с определённой задачей и поэтому и пушки трофейные! Никаких сомнений: выкрики - на чистом русском, да и переругивались солдаты между собой тоже по-нашему.

А через час возле меня остановился "Виллис", в лёгковом автомобиле кроме водителя находились трое офицеров в хорошо сшитых желтовато-белых полушубках и добротных меховых шапках. Один из офицеров с погонами майора привстал со своего сидения и спросил меня, вероятно, приняв за большого начальника:

- Не видели две машины с солдатами в маскхалатах, не проезжали мимо вас недавно?

- Проезжали примерно час тому назад, - ответил я и насторожился: неужели немцы?!

- второй день гоняемся за ними по дорогам, - в сердцах сказал майор, - это власовцы, они в дотах сидели. И как их только упустили?! И вы допустили ротозейство. Где же ваша бдительность?! Проворонили!

Конечно, в бдительности мы сильно уступали контрразведке "Смерш", но это - не наше ремесло.

- Машины мчались по дороге на Лелюв. Власовцы не проскочат: деваться им некуда, - попытался я успокоить майора.

Он ничего не сказал, и "Виллис" пустился в погоню за предателями-смертниками, которые погубили десятки наших солдат, когда мы выходили из города Щекоцины.

Машины с власовцами были задержаны недалеко от населённого пункта Лелюв и расстреляны нашими танкистами, когда предатели попытались организовать сопротивление. Когда наш батальон остановился и сделал привал на обед, мы увидели за дорогой разбитые грузовики и пушки, трупы солдат в белых маскхалатах, - всё, что осталось от смертников, которые пытались задержать быстрое продвижение дивизий к германской границе. Возмездие настигло предателей!

Вечером направились в крупный польский город Ченстохова. Крепчал мороз, марш выдался трудный, изматывающий. Отстали наши тылы вместе с батальонными кухнями. К Ченстохову впереди пехоты движется колонна наших танков. Танкисты скоро будут на месте, а нам ещё шагать и шагать.

18-ое января 1945-го года.

Ночью мы вошли в Ченстохову. Город в огне. Пожары на железнодорожной станции и вдоль путей. Горят составы, пламя на окраинах. Мы шли городскими улицами. Наших войск в Ченстохове много. Полку приказано выйти на западную окраину и остановиться там на ночлег. И опять случилась беда. Мои миномётчики последовали за колонной той же 14-ой гвардейской дивизии, а я со своим взводом управления, продолжал идти в нужном направлении. Очень расстроен. Взвод управления только три дня тому сформирован и возглавляет его лейтенант Синютин, переведённый ко мне из 23-го полка. Офицер - интересный, инициативный и смелый.

Когда не знаешь, как поступить, необходимо остановиться. Мы стояли на перекрестке улиц. Неожиданно подкатил мотоцикл с коляской и ко мне радостно бросился Малинин, наш бывший командир 1-ой роты, временно назначенный офицером связи в штаб 33-го корпуса. Он доставил в штаб дивизии пакет. Теперь Малинин свободен. Поздоровались, разговорились - мы уже давно не виделись.

- чем-то ты расстроен, Саша, что случилось?

Улыбчивый, добродушный друг слегка задумался, когда я ему рассказал о своей беде, но долго огорчаться он не привык. Малинин мне обещал, что на мотоцикле догонит колонну 14-ой дивизии, найдёт мою роту, а затем направит в расположение полка.

Ночью рота уже в полном составе прибыла к месту ночёвки. А утром, после непродолжительного отдыха, мы вышли из Ченстохова. Мы двигались к новой немецкой границе, то есть к границе присоединённых к Рейху польских земель. Существует и старая Польско-Германская граница. К ней нам ещё предстояло добираться.

В 14 часов мы пересекли границу генерал - губернаторства. В первом же населённом пункте мы не застали ни одного жителя - куда-то ушли. В доме, в котором я и мой взвод управления остановились, на длинном столе увидели несколько бронзовых бюстов Адольфа Гитлера. Не стали разбираться, почему столько бюстов фюрера в гостиной покинутого, без сомнения, богатого дома. В каком-то необъяснимом возбуждении мы начали из трофейных пистолетов расстреливать бронзового фюрера. Чувство мщения тирану, который развязал невиданную кровопролитную войну, в душе каждого из нас, перешагнувшего границу Германии (пусть пока ещё новую!), было очень велико и изверглось таким вот странным способом.

Долго сидеть в населённом пункте нам не позволили. К вечеру подошли к лесному массиву. Немецкие солдаты разрозненными группами бродят по лесам,

прячутся, но боятся попадать к нам в плен. Мои миномёты заняли позицию в 300-ых метрах от опушки леса. Стрелковые роты и штаб батальона расположились в населённом пункте невдалеке. Я и моё управление также отдыхали в селе, поддерживая телефонную связь с огневой позицией. А посреди ночи вспыхнула стрельба, стали раздаваться тревожные крики. Мы все вскочили и приготовились к бою.

19-ое января 1945-го года.

В час ночи мне доложил младший лейтенант Ярошок, что немцы наступают цепью в сторону миномётных позиций. Часть расчётов Ярошок отправил в село для обогрева - мороз был сильный, а костры разжигать мы не имели права. Я приказал выпустить по цепи наступающих несколько мин и сам со своими людьми бегом направился на огневую позицию. Прибежали также стрелки 7-ой и 9-ой рот. Наши меры предосторожности уже не нужны были. При первых же разрывах мин немцы упали на землю и не произвели ни единого выстрела в нашу сторону. И мы прекратили стрельбу. Немцы минут 15 лежали тихо, а потом - то слева, то справа стали звучать возгласы, в которых можно было разобрать одно лишь русское слово "плен".

80 оборванных и замёрзших солдат сдались в плен стрелковым ротам. Это были солдаты эрзац батальона, то есть фольксштурм (народное ополчение). Сами немцы называли такие формирования желудочными батальонами. В основном туда отправляли больных стариков, то есть людей старше 50-ти лет. Пленные говорили, что уже три дня ничего не ели и прятались в лесах от нас и своих же эсесовцев.

Мы продвигались к старой Польско-Германской границе в отличном настроении: совсем рядом тот рубеж, который мы мечтали достичь. Прошли 20 километров и сделали привал перед закатом солнца. То, что пришлось увидеть на германской стороне, невозможно забыть. На пологой возвышенности, освещённые скрывающимся за гребень высоты солнцем, молча смотрели на германские укрепления. Несколько линий неприступных немецких сооружений! Впереди - металлические и бетонные противотанковые надолбы устрашающего вида; стоят они, вбитые глубоко в землю, будто с раскрытой пастью хищные звери. Два ряда этих непроходимых для танков препятствий могут остановить и тяжёлые машины "ИС-2". За противотанковыми надолбами - доты и бетонные форты открыто бросали вызов любому противнику, хвастливо демонстрировали свою неуязвимость. И вся эта мощь располагалась на всю глубину - до самого гребня высоты.

Невольно охватывает робость и даже внутренняя дрожь: как бы мы смогли преодолеть такие укрепления и какой крови это бы нам стоило?! Надо признать оперативно-стратегическое умение фронтового и армейского командования, которое организовало опережающее противника наступление, обеспечило выход наших подвижных соединений на эту грозную линию раньше германских войск.

Ночевали в каком-то населённом пункте в 12-ти километрах от границы.

20-ое января 1945-го года.

Утром снова прошли вдоль границы поближе к вымершим укреплениям, потом свернули в лес и по широкой просеке среди сосен и елей подошли к неширокой, закрытой льдом реке Личварта. Сделали привал на час и в 13 часов 30 минут по московскому времени, не скрывая торжественного волнения,

перешли германскую границу. Мы шли лесом, углубились на территорию Германии на 3 километра, сделали короткий привал перед первым населённым пунктом, который синел вдали за опушкой леса. Мы просто не представляли себе, как себя вести и как разговаривать с немцами после трёх с половиной лет кровавых боёв и стольких жертв по вине германской армии. И политработники молчали. И как им перестроить пропаганду после лозунгов типа "папа, убей немца!". Нам говорили: нельзя победить врага, если не научишься его ненавидеть. Науку ненависти мы освоили, и как теперь быть? Правда, на следующий день поступило указание и требование относиться к местному населению гуманно, как и подобает освободителям Германии от коричневой чумы - фашизма.

Мы вошли в населённый пункт. Людей почти не видно. На улице с двумя рядами добротных и сверхпрочных каменных домов увидели первых девушек, закутанных в тёплые шерстяные платки поверх курток и брюк. Девушки оказались полянками и украинками. А где же немки?

Нас угощали вареньем в стеклянных банках и булками ситного хлеба. Из населённого пункта вышли слегка разочарованными: ждали чего-то другого. А за первым германским селом встретили первое в самой Германии сопротивление. Со средней дистанции немецкие танки, стоявшие на зимней пахоте, обстреляли нашу колонну. Сумели повредить одну нашу машину. Начали разворачиваться противотанковые пушки полка, но немецкие танки на скорости отступили, побоялись ввязываться в бой. Мы преследовали отступающего противника, продвинулись ещё на 10 километров. Когда стемнело, полк после короткого боя вошёл в город Розенберг. Первый город Германии в наших руках!

Конец января 1945-го года.

Продолжали наступление, но оно уже было не таким быстрым и эффективным, как в первые дни после прорыва. Главная цель наступления - город Опельн, один из центров германского автомобилестроения. В 18-ти километрах от города Опельн наш полк повернул на север к городу Бриг. Весь день провели в походе. Уже в темноте подошли к большой реке Одер. Река - под толстым слоем льда. Попали под пулемётный огонь противника. Мороз усиливается.

Ночью один взвод роты Крюкова перебрался по льду на правый берег реки, но поступил приказ всем нам отойти и ждать дальнейших распоряжений. Мёрзли на снегу, как-то ещё выручали перины, какие мы натаскали из пустых немецких домов. Утром нас перевели на другой участок. День 21-го января туманный, идём на север вдоль реки. Над нами кружат немецкие истребители. По маршруту движения из домов и укрытий вытаскиваем пленных, тех же фольксштурмовцев, которые не умеют и не хотят с нами воевать.

Вечером подошли близко к городу Бриг и были внезапно обстреляны с правого берега. Полк развернулся и начал наступление. Мосты целы и по ним удобнее, чем по льду, переправить артиллерию. Город расположен на правом берегу Одера и защищён островом, на котором до нашего появления работал какой-то завод и фабрика по выделке кож. Мосты противник взорвал перед самым нашим подходом. Полк всё же занял остров и организовал оборону. Бриг невозможно было атаковать сходу, да ещё одним поредевшим полком. На острове батальон сидел в обороне до 30-го января, мы не жалели об этом. Достались нам богатые трофеи и питались мы вполне прилично. Правда,

противник мешал наслаждаться полным покоем, часто обстреливал из пулемётов и миномётным огнём взрывал тишину.

30-того января стали покидать остров. Командир батальона, его штаб и я с двумя наблюдателями перебрались на огневые позиции. Миномёты стояли на месте в полной готовности своим огнём обеспечить отход стрелковых рот. Командир взвода управления Синютин находился на наблюдательном пункте командира 7-ой роты. В полночь Синютин взволнованным голосом сообщил, что Крюков погиб. Я также расстроился. На моей огневой позиции было 300 трофейных немецких мин, которые с собой мы не собирались тащить: достаточно своих, да и транспорта не хватит для такого количества боеприпасов. Посоветовался с Москаленко. Он поддержал моё решение выпустить все 300 немецких мин по окраине города. Мы достойно расплатились с противником за гибель Крюкова. Ночью мы вышли на плацдарм севернее города Бриг. Сильнейший снежный буран забивал дыхание. На плацдарме нашлись для нас блиндажи и землянки, которые уступили предшественники, сместившиеся немного вправо.

Февраль 1945-го года.

Буран кружил всю ночь. Огневую миномётную позицию замело снегом, только дульные части зачехлённых стволов, как тёмные дыры, смотрят наружу. Всё утро откапываем друг друга и выбираемся из своих засыпанных укрытий. Весь батальон - на ногах, и противник также не прячется; и тёмная немецкая шеренга глядит на нас издалека. Никто не ведёт огня, да и невозможно стрелять из оружия, временно выведенного из строя. Очень холодно, но нет уже ветра и совершенно тихо в снежной пустыне. В 12 часов дня поступил приказ наступать.

Полк двинулся вперёд, утопая в глубоком снегу, а противник будто и ждал начала нашего движения, чтобы начать свой отход. Прошли 7 километров лишь к вечеру. Перед нами населённый пункт Лаугвиц. Снег понемногу оседает, становится менее глубоким, твердеет. Мы лежим и сидим на этом снегу, ожидая дальнейших распоряжений. Приводим оружие в боевое состояние.

Мой разведчик-наблюдатель Зиборов, высокий стройный, отменной выправки, исполнительный и безотказный солдат, попросился на огневую позицию: захотелось пообщаться с односельчанином, заряжающим основного миномёта. Я разрешил ему отлучиться на час - и совершенно напрасно. Но кто мог предугадать, что случится трагедия, и Зиборов погибнет там, где было абсолютно безопасно?! Он боком привалился к брустверу миномётной площадки, а его земляк, заряжающий, сидел на опорной плите. Друзья тихо разговаривали, делились сельскими новостями, отписанными в подробных письмах матерей и сестёр. Неожиданно раздался выстрел орудия. Это батарея, расположившаяся позади миномётной огневой, решила провести пристрелку цели, и первый же снаряд упал в нашем расположении, в 5-ти метрах от площадки основного миномёта. Большой осколок вонзился в горло ничем не защищённого Зиорова. Опять - случайная гибель, но таких случайностей на фронте много. Очень жаль солдата, молодого парня ...

3-тнему батальону капитана Хабибуллина приказали ночью овладеть населённым пунктом Лаугвиц. По снегу предстояло взбираться на высоту. Удивительно легко и без единого выстрела стрелковые роты овладели селом. Хабибулин и его штаб, я со своим ординарцем Сошенко и командир артиллерийского дивизиона, капитан Петров также вошли в Лаугвиц и

остановились в первом на окраине домика. После прошумевшего в ночь на первое февраля снежного бурана ещё стоял мороз, как бы застыл, не решаясь повернуть к обычно ранней германской весне. Холод загнал нас в домик. Командир батальона не сомневался в том, что стрелковые роты заняли оборону и вскоре появятся связные с докладом, но примчавшийся связной 9-ой роты, выпалил одним духом: "немцы в селе!",

Нас буквально вымело из домика, побежали назад, но остановились за большим прочным сараем. Рядом оказались солдаты стрелковых рот, которые отступили раньше, а многие стрелки село уже покинули и где-то по снегу продолжили свой отход. И нам оставаться за сараем нельзя было. Слева и справа вели огонь немецкие пулемёты, и трассирующие очереди не оставляли никаких надежд: ещё несколько минут - и автоматчики противника подойдут к сараю и нетрудно предположить, как для нас завершится неравный бой.

Оранжево-зелёные трассы пуль и пугали, и в тоже время позволяли выбрать момент и направление для рывка и выхода в безопасную зону. Благополучно покинули село Хабибулин, Москаленко и сопровождающие их подчинённые. Я и Сошенко немного отстали. Задерживал грузный капитан Петров, который слишком медленно и неловко (не по пехотному!) припадал к земле. Я сначала проскочил вперёд, но необходимо было вернуться: нельзя оставлять в ловушке боевого артиллерийского комдива, который меня успешно поддерживал ещё под Старым Данцигом в январе 1944-го года, когда я командовал 9-ой стрелковой ротой. Вместе с Сошенко мы помогли Петрову выбраться из-под перекрестного пулемётного огня и покинуть Лаугвиц.

Возвратившись на исходный рубеж, я, усталый, психологически опустошённый, лег на снег, забылся тревожным коротким сном. Сначала с ужасом увидел, к каким трагическим последствиям привела бы переброска миномётов в Лаугвиц; затем предстал передо мной Зиборов, аккуратный подтянутый разведчик-наблюдатель. Он стоял по стойке "смирно", а поперёк его горла торчал длинный, как кинжал, снарядный осколок. Зиборов беззвучно говорил, и я понял по губам каждое его слово: "Товарищ командир роты, идите к нам, у нас хорошо ..."

Я вскочил на ноги в ужасе, вглядывался в темноту и не мог избавиться от страшного видения.

Весь день просидели в обороне. Нас сменил 23-ий полк, а нам снова предстоял марш. То ли мы наступаем, то ли маневрируем! Не зная замысла и планов дивизионного командования, мы ворчливо поругиваем начальство за пустое хождение между населёнными пунктами и свою хроническую усталость. Моё настроение после кошмарного сна подавленное. Я пересказал свой сон Молчанову, своему телефонисту, просто опытному и толковому человеку. Он меня сразу же успокоил, сказал, что покойник во сне - это к перемене погоды. И, в самом деле, в ночь с 5-го на 6-ое февраля растаял снег, и полк, значительно поредевший, потерявший две трети личного состава, оказался на раскисшей прошлогодней пахоте между укреплёнными сёлами и городками, где "комфортно" сидели немцы - уже не "желудочные" батальоны, а регулярные части, готовые стоять до конца.

До середины февраля наш полк продолжал безуспешно наступать на крупный населённый пункт Присельвитц. Недоволен был нашими действиями командир корпуса генерал-лейтенант Лебеденко. На своей машине он выехал на командный пункт подполковника Лазебникова и отдал категорический и неразумный приказ - всему личному составу - в цепь. Командиру полка и

начальнику штаба - 200 метров сзади, и атаковать немецкий опорный пункт. Такое распоряжение - в духе гражданской войны и партизанщины. Нас всех погнали на передний край, откуда боем руководить невозможно. Командир батальона, его штаб, замполит Федин и я со своим взводом управления разместились в бетонированном кювете в ста метрах за жиденькой цепочкой стрелков. Поднялись в атаку. Немцы отбили наш наскок и открыли огонь из 119-ти миллиметровых миномётов. Две мины угодили к нам в кювет и нанесли серьёзное поражение. Убит командир взвода связи и один его телефонист, второй ранен. Я и лейтенант Синютин сидели за поворотом бетонного кювета и не пострадали. Целы и солдаты управления. Мы услышали крики и стоны раненых. Подбежали к комбату. Капитан Хабибуллин весь в крови раненных рядом с ним солдат. Командир серьёзно контужен, оглох и не может говорить; контужены также Москаленко и Федин. Телефонная связь с огневой позицией повреждена. Немцы вышли из населённого пункта и начали контратаку. Стрелки стали отходить и приближались к мостику через кювет.

Я вызвал огонь красной ракетой, и первые же разрывы наших мин заставили противника отойти. Поручил Синютину и взводу управления эвакуировать раненых и контуженых в тыл, а сам вместе со своим ординарцем Сошенко побежал к мостику останавливать отступающих стрелков. Нам это удалось сделать, и солдаты вернулись в свои покинутые ячейки.

И в последующие дни, вплоть до 17 февраля, отражали контратаки противника. Сотни и сотни мин, а иногда и тысячу в день, рота сваливала на боевые порядки немцев.

17-ого февраля обошли Присельвитц, и немцы из населённого пункта бежали. Успешно продвигаемся вперёд. 19-ого февраля овладели городом Штейн и попытались взять с ходу Вольфскирх. Это нам не удалось. В заброшенном карьере, где ранее немцы добывали глину, огневую позицию заняли две миномётные роты - моя и Бурматникова (2-го батальона старшего лейтенанта Павленко). Полк получил небольшое пополнение, но не достаточное для успешного наступления. В роте Бурматникова - новый командир взвода, Рудман, умелый миномётчик и офицер с большим опытом армейской службы. Ещё в 1941-ом году ему приходилось отступать от самой западной границы в глубь страны. Новый взводный заменил погибшего 12-го января во время прорыва немецкой обороны. Мы проводим бои с открытым правым флангом. 23-ий полк в нескольких километрах позади нас ведёт бой за крупный населённый пункт.

20-го и 21-ого февраля мы продолжали попытки овладеть Вольфскирхом. Немцы контратакуют по несколько раз в день. Много мин выпускаем по боевым порядкам противника и наносим ему большие потери. Воспользовавшись широким стыком между нашим полком и 23-им, немцы атаковали нас с фланга, почти под прямым углом. Отражали атаку миномётным огнём, а свой наблюдательный пункт я, Бурматников и управленцы защитили пулемётными очередями. Стрелковым оружием для самозащиты мы запасались заранее - на всякий случай.

22-го февраля начальник артиллерии полка, выполняя приказ сверху, перебросил мою роту в помощь 23-му полку. Позже и весь третий батальон Хабибулина переместили туда же. От контузии батальонное начальство излечилось в хозвводе, не желая отправляться в медсанбат. Нам удалось помочь открытому слева соседу, и противник присмирел. Мои огневые позиции располагались в огромном дворе, закрытом с 4-ёх сторон. Немцы ушли отсюда

недавно и в спешке оставили тысячи мин 81-го миллиметра. Я уже упоминал, что мы успешно пользовались этими трофейными боеприпасами.

23-го февраля не забыли отметить день Красной армии. Хабибулин в том же дворе занял двухэтажный непробиваемый дом, пустой, как и все дома в непосредственной близости от зоны военных действий. В огромной гостиной, за господским столом под разрисованной золотистой скатертью, мы, офицеры батальона и заместитель по строевой командиры полка "пировали" совершенно беззаботно, будто уже закончилась война.

Через несколько дней наш полк совершил обходный манёвр и занял Рогау-Розенау, в 30-ти километрах южнее Бреслау. А части, стоящие перед нашей дивизией, пытаются деблокировать окружённую в крупном городе группировку.

Март 1945-го года.

1-го марта мы начали наступление на крупный населённый пункт Марксдорф. Активно против нас действует германская авиация. Самолёты каждые полчаса взлетают с бетонной полосы автострады Бреслау-Берлин, а наши истребители базируются на грунтовых аэродромах, дороги к которым размыты дождевой ранней весной. Ещё в начале боёв за Одером политработники полка и дивизии торжественно нам сообщили, что 33-ий корпус с воздуха прикрывает авиационное соединение дважды героя Советского Союза полковника Покрышкина (в конце войны он удостоился третьей золотой звезды!). У нас самолётов было больше, чем у противника, но немцы с отличной автострады поднимались чаще и совершали больше самолёто-вылетов.

Мне удалось с земли увидеть самолёт Покрышкина. Мы двигались за танками, немецкие самолёты то и дело прижимали нас к земле. По 30 машин, эшелон за эшелон, повисали на малой высоте над нами. И вдруг очередная группа самолётов, заходившая над танками и пехотой, в беспорядке начала уходить за горизонт, спасаясь всего-то от двух наших истребителей "Лавочкина". Увидели пилоты известный им самолёт Покрышкина с нарисованными на фюзеляже бесчисленными звёздами; испугались и скрылись, не рискуя вступить в бой с прославленным комдивом и его ведомым. Вот это боевой авторитет советского аса, легендарного героя!

Долго бились за Марксдорф и овладели населённым пунктом только через неделю. Перешли к жёсткой обороне. До конца марта не "перегружались" боевой работой, Часто меня и других командиров миномётных рот и артиллерийских батарей вызывали на занятия в штаб артиллерии дивизии, который располагался в населённом пункте Меткау. Шимонаев постоянно, как только появлялась возможность, заботился о повышении нашей теоретической подготовки. Вот и сегодня, 4-го апреля, мы 4 часа просидели за столом и на ящике с песком совершенствовали свои знания.

На обратном пути в свой полк пришлось проезжать стык между нашей и 118-ой дивизиями.

4-ое апреля 1945-го года.

По грунтовой дороге мы приближались к населённому пункту, где должны повернуть направо и в 5-ти километрах за поворотом прибыть в своё расположение. На повозке сидели командиры миномётных рот, командир батареи полковых миномётов и командир пушечной батареи. Я - верхом на

своём коне-красавце. Одиночные винтовочные выстрелы в населённом пункте нас вовсе не пугали: мало ли стрельбы вокруг! Но внезапно я почувствовал удар в левое бедро, будто током меня пронзило. Я вскрикнул, в стремях всё же удержался. Меня аккуратно сняли с седла, уложили в повозку и погнали вправо в ближайшее село. Мой конь на привязи рысцой шёл за повозкой. Меня завезли в санчасть 26-го полка нашей дивизии. Знакомый военврач Горбунов (раньше он служил в нашем полку, но в декабре прошлого года его перевели в 26-ой с повышением) узнал меня сразу и весело поприветствовал:

- Я же говорил, что попадёшь ко мне на стол, а ты сомневался!

Мне было больно, не до шуток, я боялся потерять ногу - пуля задела колено. Горбунов сделал всё, что в таких случаях необходимо и на прощание сказал:

-Завидую тебе, Саша, ты уже отвоевался!

Все чувствовали, что война идёт к победоносному окончанию, и слова Горбунова выдавали общее настроение фронтовиков. Каждому хотелось увидеть Победу.

Примечание. Автограф сохранён. Дневник написан в Чехословакии, в городе Жатец, осенью 1945-го года.

Набор текста закончен 22-го декабря 2008-го года. Одесса.